6 КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Люди ветра
Пол Андерсон

Пол Андерсон. Люди ветра
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Пол Андерсон
Люди ветра

Глава 1

— Ты не можешь уехать сейчас, — сказал Дэннель Холм сыну. — Мы в любой момент можем оказаться в состоянии войны. Может быть, мы уже в нем находимся.

— Именно поэтому я и хочу уехать, — ответил молодой человек. — По всей планете по этому поводу собираются тучи круачери. Где же мне сейчас быть, как не со своим чосом?

Произнес он это уже на другом языке. Птичьими стали не только слова.

Сам акцент изменился. Он не пользовался больше языком Авалона — англиком с примесью планха, чистые гласные, резкие «р», «м», «н» и «т», как молоточки, речь углубленная, замедленная и разделенная на предложения.

Это скорее походило на то, как если бы он пытался перевести для слушателя-человека мысли итрианского мозга.

Человек, чье изображение виднелось на экране, не возразил: «Ты мог бы остаться с семьей», как он это хотел сделать, повинуясь первому побуждению. Вместо этого Дэннель Холм спокойно

сказал:

— Понимаю. Ты больше не Крис, ты — Аринниан. — Лицо его после этих слов как будто постарело.

Молодой человек был глубоко задет, но экран остановил движение его пальцев.

— Я навсегда останусь Крисом, папа, — сердито бросил он. — Но при этом я и Аринниан. И к тому же, если разразится война, нужно будет приготовить к ней чосы, не так ли? Я хочу помогать, я не улечу слишком далеко.

— Конечно. Счастливого пути!

— Передай привет маме и всем остальным!

— Почему бы тебе самому с ней не поговорить?

— Ну… э… я действительно очень спешу. И потом ничего особенного ведь не происходит. Я направляюсь в горы, как обычно, и... э...

— Конечно, — сказал Дэннель Холм. — Я им передам. А ты передай мой привет своим.

Второй марчварден Лаурианской системы выключил свой фон.

Аринниан отвернулся от прибора. На мгновение он сморщился, нервно покусывая губу. Он терпеть не мог причинять огорчения людям, которые о нем заботились. Но почему они не могут понять? Их род называет это «становиться пти-

цей», как будто процесс получения чоса является некоей модой тех, кто отрицает создавшую их расу. Даже сосчитать невозможно, сколько часов он провел, пытаясь убедить своих родителей и других родичей, мыслящих столь же ортодоксально, в том, что он расширяет и очищает свою человечность.

В памяти его возникла часть диалога:

— Пойми же, папа, две расы не могут в течение поколений населять один и тот же земной шар без того, чтобы не проникнуться глубоким взаимным пониманием. Почему ты занимаешься небесной охотой? Почему Феруну подают вино за столом? Все эти символы имеют самое глубокое значение.

— Я все это прекрасно понимаю. Ты делаешь мне честь, считая меня наивным простаком, да? Суть в том, что ты совершаешь слишком большой прыжок!

— Из-за того, что я должен стать членом Врат Бури? Послушай, люди приняли чос столетие назад!

— Не в нынешнем его виде. И мой сын не был одним из них. Я бы. Хотел видеть тебя, придерживающимся наших традиций.

— Кто говорит, что я их не придерживаюсь?

— Для начала, ты не повинуешься больше закону людей, ты повинуешься чосу и его обычаям. Ладно, все это прекрасно, если ты итрианин. Боже, ты же получил хромосомы. Те, кто их получил, никогда не смогут достичь полного согласия с другой расой.

— Проклятие! Я не претендую!.

Аринниан отбросил от себя это воспоминание, как будто оно было чем-то материальным. Он с благодарностью подумал о прозаических хлопотах сборов, которые его ожидали. Если он хочет достичь Итрианских Гнезд до наступления темноты, ему уже скоро отправляться. Конечно, машина покрыла бы это расстояние меньше чем за час. Но кому хочется летать в оболочке из металла и пластика?

Он был наг. Те, кто жили как он, все более и более тяготели к отказу от одежды и использованию вместо нее разрисованной кожи. Но временами одеяния бывали нужны любому. Кроме того, итрианина редко можно увидеть без пояса и сумки. В пути будет холодно, а крыльев у него нет.

Он прошел по крошечной квартирке за плащом и ботинками.

Задержавшись у письменного стола, посмотрел на лежавшие на нем бумаги: свою работу,

тексты и справки, полученные из центральной библиотеки.

«Проклятие! — Подумал он. — До чего же не хочется улетать сейчас, когда я почти понял, как доказать эту теорему».

Он достиг некоторых высот в математике, а мог бы достичь гораздо больших. Он часто думал о том, что тогда его разум мог бы испытывать тот итрианский экстаз, который испытывала его плоть, когда он находился в вышине. Тогда ему удалось бы пойти на компромисс, который примирил бы его с отцом. Он смог бы продолжать учебу, достиг бы своей цели и стал бы профессором математики. Чтобы получить все это, он должен был согласиться на определенную финансовую поддержку, хотя больше уже никто не надеялся, что он будет жить дома.

Остальную часть необходимой ему суммы приходилось добывать самому, и он отправился к итрианам в качестве охотника и пастуха.

Пряча улыбку, Дэннель Холм проворчал:

— У тебя светлая голова, сынок! Я не хочу видеть, как твой разум пропадает зря. В то же время он у тебя слишком загружен. Ты вечно сидишь за книгами, если не считать тех случаев, когда рисуешь или пишешь стихи, и никаких физических

упражнений. Кончится тем, что твое седалище выйдет за пределы стула, а ты этого и не заметишь. Думаю, что мне следует ощутить немного благодарности к твоим друзьям за то, что они сделали из тебя такого атлета!

— Моим соратникам по чосу, — поправил его Аринниан. Он как раз только что получил новое имя и был полон восторга и рвения. То было четыре года назад. Сегодня он с улыбкой вспоминал себя той поры.

Сегодняшний, тридцатилетний — по авалонскому счету — Кристофер Холм был высоким, стройным, широкоплечим. Чертами лица, как и сложением, он пошел в мать: удлиненная форма головы, узкое лицо, тонкий нос и губы, голубые глаза, волосы цвета красного дерева (коротко остриженные, в стиле тех, кому приходилось совершать много полетов в гравитационном поясе).

Борода его не была еще достаточно густой и не требовала к себе большого внимания, только регулярное смазывание лица кремом против роста волос. Его кожа, от природы совершенно белая, потемнела от постоянного пребывания на воздухе. Лаура, звезда типа G, имела лишь 72 % яркости по сравнению с Солнцем и соответ-

ственно меньше излучала ультрафиолета. Но Авалон, чья орбита составляла 0,81 астрономической единицы при периоде обращения, равном 0,724 земного, получал на 10 % больше полной иррадиации.

Прежде чем всунуть руки в лямки и застегнуть на талии пряжку, Крис внимательно проверил весь прибор.

Конусообразные цилиндры-близнецы на его спине должны были иметь полностью заряженные аккумуляторы и целиком действующие цепи. В противном случае он мог считать себя мертвецом. Ни один итрианин не смог бы удержать человека, падающего с неба.

Пару раз отдельные группы сознательно шли на риск, но то были пастухи с лассо, которые умело накидывали их на своих товарищей в случае надобности. А просто так на удачу рассчитывать не приходилось.

О, боже! Какое счастье иметь настоящие крылья!

Он надел шлем с перьями, опустил на глаза защитные очки, жалкая замена защитной оболочки. Нож он вложил в ножны и прикрепил к бедру.

Никакой опасности ждать не приходилось,

возможность дуэли совершенно отпадала, потому что для Круача мир был священен: и тени не осталось от частых когда-то смертельных ссор. Но люди Врат Бури большей частью были охотниками и всегда брали с собой свои инструменты. Брать с собой провизию ему было не нужно. Все что ему было необходимо, Аринниан мог получить из собственных хранилищ, в которые он тоже регулярно вкладывал свою долю, перевозя ее на грависанях.

Выйдя за порог, он оказался на уровне земли. Люди занимали достаточно много места на Авалоне, их было около десяти миллионов; итриан было четыре миллиона. И даже здесь, в Грее, где окружающее больше всего походило на настоящий город, строения были низкими и широкими.

Пара высоких строений предназначалась для президента и гостей.

Аринниан включил приборы.

Подъемная сила мягко повлекла его вверх.

Поднявшись, он задержался на минуту, осматривая окрестности.

Город раскинулся на холмах, зеленых от обилия деревьев и газонов, с яркими пятнами садов, окаймляющих залив Фалкайн. Там и тут на воде

виднелись лодки: они использовались только для увеселительных целей и в основе лежал принцип гидрофолосных парусов. Несколько грузовых кораблей, длинных и изящных, стояли в доках, загружаемые и разгружаемые разнообразными роботами. Одно судно входило в порт, судя по курсу, оно шло от Вренденских островов. Еще одно стояло у выхода в Хеспернанот, в месте, где солнце касалось его своими лучами. И везде, куда ни глянь, сапфирный цвет.

Лишь на северном и южном горизонтах он переходил в пурпурный.

Лаура низко нависла с западной стороны, давая более глубокий цвет, чем в середине дня. Небо было голубым, но постепенно темнело. Высокие мазки перистых облаков обещали продолжение великолепной погоды.

Соленый бриз что-то шептал на ухо и холодил щеки.

Воздушное движение было скудным. Мимо пролетели несколько итриан, их крылья отливали бронзой и медью. Пара людей совершали, подобно Аринниану, полеты с поясами. Издали они походили на вампиров, обернутых грудой перьев, которых приближение вечера выманило из какой-то пещеры.

Другие люди ехали на машинах — горизонтальных каплях, казавшихся средоточием деятельной неподвижности. Пронеслись, направляясь к аэропорту, два-три лайнера. Грей никогда не был оживленным местом.

Высоко наверху, однако, разместились корабли, которых не было здесь с самого конца беспорядков: военные патрулирующие суда.

«Война против Земной империи». — Содрогнувшись, Аринниан повернул к востоку, вглубь материка.

Он уже мог различить место своего назначения: лежащие недалеко от линии побережья и центральной долины, похожие на обломанный берег вдоль океана неба, эти пики были самыми высокими в Короне, даже на всем Авалоне, если не считать Орнезии. Их называли Андромедами, но на практике Аринниан, используя название планхов, называл их Матерью погоды.

Внизу поплыли земли ранчо. Здесь, в окрестностях Грея, поселения итриан, идущие с севера, сливались с поселениями людей, идущими с юга; экология тех и других смешалась с собственно авалоновой — и местность здесь походила на шахматную доску.

Поля людей, засеянные зерновыми, урожай

которых снимался в конце лета, желто-коричневыми пятнами лежали среди зеленых пастбищ, на которых итриане пасли своих маунхов и майавов. Участки, засаженные деревьями дубом и сосной, — вторгались на почти лишенные леса территории берралайцев, где еще можно было случайно увидеть бариосороида. Вид его стремительного бега отгонял все беспокойства прочь. Пусть империя нападает на суверенные владения. Если только посмеет! А пока он, Аринниан, останется предназначенным ими для Айат. Конечно, чос и одиночество останутся при нем, но главное то, что он снова увидит Айат.

Не нарушая чопорность зала — столовой, — они украдкой бросили друг на друга взгляды. «Хорошо бы побродить спокойно на воздухе и стать самим собой».

Она попросила разрешения у своего отца Литрана и матери Блоусы. Хотя она и была зависима от родителей, но эта просьба была лишь данью ритуалу, а ритуал имел огромное значение.

Таким же образом Аринниан объявил представителям младшего поколения, среди которых сидел, что не чувствует склонности к тому, чтобы его сопровождали. Он и Айат вышли вместе. Это ни на миг не прервало медленное, наруша-

емое лишь рассчитанными паузами течение разговора, в котором принимали участие все присутствующие. Их дружба началась уже в детстве, и все давно относились к ней как к должному.

Владение расположилось на плато Маунт Фарвью. В центре его возвышалась старая каменная башня, в которой жили старшие члены семьи и их дети. Более низкие деревянные строения, на чьих дерновых крышах цвели янтарные драконы и звездные колокольчики, предназначались для дальних родственников, вассалов и их семей.

Дальше по склону холма расположились сараи, амбары и загоны.

Все это нельзя было увидеть одновременно, потому что среди строений росли итрианские деревья: плетеная кора, медное дерево, драгоценный лист, серебрящийся в лунном свете, а при дневном освещении переливающийся ложным блеском. На клумбах росли местные, наиболее выносливые из инопланетных растений, цветы: сладко пахнущая маленькая джани, ливвел, отличающийся острым запахом, грациозные тирфойлы и Чаша Будды, тихонько поющая, когда ветер качал ее стебелек. Если не считать этого слабого звука, все вокруг было тихо. И холодно, как всегда ночью на такой высоте. Дыхание каза-

лось белым облачком.

Айат расправила крылья. Они были более стройными, чем обычно, хотя в размахе имели шесть метров. Это движение, естественно, заставило ее прибегнуть к помощи рук и хвоста.

— Б-р-р, — рассмеялась Айат. — Холодно! Поднимаемся! — Она поднялась над землей, нарушив неподвижность воздуха.

— Ты забыла! — Крикнул он ей вслед. — Я снял пояс!

Она опустилась на платформу, построенную на вершине медного дерева.

Он, очевидно, должен был вскарабкаться туда. Он подумал, что она преувеличивает его возможности просто потому, что в таких вещах понимала меньше, чем он. Один ложный шаг в этой густой листве — и последствия будут самыми плачевными. Но он не мог отклонить брошенный ему вызов и уронить себя в ее глазах.

Ухватившись за ветку, Аринниан подтянулся и полез наверх.

Сверху он услышал ее шепот среди окружавшей ее листвы. Это придало игре особую остроту, но ему казалось, что она преувеличивает значение происходящего.

Что ж, она так высоко стояла по своему положе-

нию. Он даже сам себе не любил говорить об этом. («Почему?» — Быстро пронеслось у него в мозгу).

Достигнув платформы, он увидел, что Айат сидит в спокойной позе, опираясь на ноги и ветви. Хвост покоился на ее правой руке, и она слегка пощелкивала по нему левой.

Моргана, почти полная, мерцала белым светом над восточной сьеррой, и перья Айат в этом свете казались сверкающими.

Силуэт луны появился на фоне млечного пути. Кроме луны, вверху сверкали созвездия — Вил, Шпаги, Циррауk, — широко раскинувшиеся корабли.

Он сел подле Айат, подогнув колени. Она издала негромкий звук, означающий, что рада его присутствию. Он вложил в свой ответ всю нежность сердца.

Над чистым изгибом клюва сверкали огромные глаза.

Внезапно она замолчала. Проследив в направлении ее взгляда, он увидел новую звезду, засветившуюся в небе.

— Спутник? — Спросила она. Голос ее слегка вздрогнул.

— А что же еще? — Ответил он. — Я думаю, он должен быть самым последним из выведенных

на орбиту.

— Сколько же их теперь всего?

— Об этом не объявляли, — напомнил он ей. Итриане никак не могли примириться с мыслью, что есть такие вещи как государственная тайна, и о том, какое значение имеет правительство, в понимании людей. Правители Ферун и Холм гораздо больше энергии тратили на вопросы чоса, нежели на действительные приготовления к обороне. — Мой отец не верит в то, что их у вас может быть много.

— Трата богатства.

— Но если придут земляне.

— Ты действительно веришь в то, что они придут?

Беспокойство, которое он услышал в ее голосе, заставило его очень нежно погладить ее по голове, потом так же деликатно провести пальцами по ее холке.

Перья были теплыми, гладкими, но в то же время бесконечно материальными.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, удастся решить вопросы о границах мирным путем. Будем надеяться на это. — Последние слова были характерны скорее для англика, нежели для планха. Итриане никогда не вопрошали будущее.

Айат, как и всякая образованная колонистка, тоже говорила на двух языках.

Его взгляд вновь вернулся к небесам.

Солнце находится. Вот там, в Маунхе, примерно в том месте, где четыре звезды образуют рог. Как же далеко! О да, 205 световых лет. Он вспомнил, что читал об этом. Кетлен и Лаура входили в созвездие, называемое Заяц. Ни одно из трех солнц невозможно было разглядеть невооруженным глазом на таком расстоянии. Они были лишь гномами типа H, а окружали их несколько молекул, несколько химических соединений, которым другие химические соединения дали название «Земля», «Итри», «Авалон» — и любили их.

— Заяц, — пробормотал он. — Какая ирония.

Айат вопросительно свистнула.

Он объяснил ей, прибавив:

— Заяц является — или был — животным, который всего боится. А для нас Солнце находится под знаком большого, стерегущего время животного. Но кто на кого нападает?

— Я не слишком внимательно слежу за новостями, — сказала она тихо и не очень уверенно. — Мне все это кажется каким-то туманным. Какое нам дело до чужих столкновений? Потом, все это так внезапно. Можем ли мы стать причиной

волнений, Аринниан? Может ли наш народ действовать слишком стремительно, быть слишком суровым?

Ее настроение было таким необычным — не столько для итрианского темперамента в общем, сколько для ее всегдашней жизнерадостности — что удивление ударило ему в голову подобно крепкому напитку.

— Что заставляет тебя так беспокоиться? — Спросил он.

Она провела губами по ухоту, как будто надеясь найти в нем утешение.

Он едва услышал сказанное ею:

— Водан.

— Что? А! Ты обручена с Воданом?

Его голос задрожал. «Что меня так потрясло? — Подивился он про себя.

— Он прекрасный парень. И из того же самого чоса. Не нужно менять закон, обычай, традиции, никакой тоски по дому».

Аринниан обвел взглядом край Врат Бури.

Над долинами, окруженными каменными стенами, темными и благоухающими от обилия лесов, возвышались снежные горные пики. Ближе всего к ним был склон горы с водопадом, серебрящимся в свете луны. Летающий по ночам

баглер прорезал тишину криком, похожим на призыв охотничьего рожка.

Равнины Лонг-Бич, арктические болота, саванна Гейлана, бесчисленные острова, составляющие большую часть суши Авалона — как могла она отказаться от королевства своего чоса?

«Нет, подожди, ты рассуждаешь как человек. Итрианин гораздо мобильнее. Собственная мать Айат родом из бассейна Саггитариус и часто навещает эти места. Но почему я не могу думать как человек? Я и есть человек! Я нашел мудрость, правоту, счастье в некоторых итрианских путях, но ни к чему притворяться, будто я смогу быть итрианином, жениться на крылатой девушке, свить с ней орлиное гнездо».

Она говорила:

— Да нет, не так, не совсем так! Мой друг, неужели ты думаешь, что я не сообщила бы тебе о своей помолвке и не пригласила бы тебя на свадебный пир? Но он. Он тот, к кому моя любовь растет все больше и больше. Ты знаешь, я решила остаться одинокой до конца обучения. — Ее привлекала трудная, но благородная профессия музыканта. — Последнее время. В общем, во время последней поры любви я много думала о нем. Я переживала ее жарче, чем когда-либо раньше, и я все время

воображала себе Водана.

Аринниан почувствовал, что лицо его залилось краской. Он посмотрел на холодно сверкающий вдалеке ледник.

Она не должна была бы говорить ему подобные вещи! Это нечестно!

Незамужняя итрианка или та, которая потеряла мужа, должны были оставаться вдали от мужских особей своего рода, когда на них накатывала жаркая волна.

Но она также обязана была тратить лишнюю энергию на работу, учебу, размышления или.

Айат поняла его замешательство.

Она засмеялась и накрыла его руку своей.

Он ощутил нежное пожатие тонких пальцев с острыми когтями.

— Ты явно смущен. Но в чем дело?

— Тебе бы не стоило так говорить с. Твоим отцом, братом. И тебе не стоило бы испытывать таких чувств! Никогда! Мечты в одиночестве, да! Но не уподобляться проститутке, обливающейся потом на кровати в дешевом отеле.

Это не для тебя, Айат!

— Конечно, было бы нечестно говорить так во Вратах Бури. Я часто думаю, не следует ли мне выйти замуж так, чтобы попасть в менее строгий

чос. Водан, впрочем. Во всяком случае, Аринниан, дорогой, тебе я могу сказать все. Ведь правда?

— Да! В конце концов, я не настоящий итрианин.

— Недавно мы говорили с ним, — сказала она. — О свадьбе, я имею в виду. Не стоит отрицать того, что дети должны были бы быть ужасной помехой в таких условиях. Но мы хорошо летаем вместе. И наши родители давно подталкивали нас друг к другу: союз между нашими домами был бы очень удачным! Мы говорили о том, что, может быть, нам стоило бы первые несколько лет остаться хриккел.

— Это не слишком хорошее решение, не так ли? — Сказал он, когда она замолчала, хотя голос ее молоточками бился у него в ушах. — Конечно, постоянные телесные связи могут и не быть тем звеном, что укрепляет союзы итриан, но это не значит, что они не важны. Ведь расставаясь друг с другом на каждый любовный период, вы тем самым отрицали бы друг друга, верно?

— Почему бы не прибегнуть к помощи противозачаточных средств?

— Нет!

Он знал, почему ее раса чаще всего с презрением отбрасывает такую возможность. Дети

— родительский инстинкт был силен и у самца, и у самки были именно тем, что привязывало их друг к другу. Если вокруг тебя смыкаются маленькие крылья и маленькая головка тычется в твой клюв, ты забываешь о неизбежных трудностях и разочарованиях брака и чувствуешь себя так, как будто брак твой молод и счастлив.

— Мы могли бы отложить все до тех пор, пока я не закончу обучение, а он не наладит свое дело, — сказал Айат.

Аринниан вспомнил: Водан, среди молодежи Врат Бури, Термиалами и Тарнами, основал лесную инженерную фирму. «Но если война неизбежна. Он в морском запасе».

Свободной рукой она машинально обняла его плечи. Опершись на локоть, он просунул руку под крылья и обнял ее напряженное тело, нашептывая ей, сестре своих детских лет, все слова утешения, которые только мог придумать.

* * *

Утром их настроение улучшилось. Мрачность была не в натуре итриан, а люди-птицы старались обучиться этому. Сегодня — кроме тех немногих, кого призывали неотложные дела — весь клан Литрана должен был лететь в горы,

где встречался местный круач.

По пути к ним должны были присоединяться другие семьи Врат Бури. А по прибытии на место они должны были обнаружить другие чосы. Каким бы ни был пустяковым повод к сбору — краски, восторги, частные дела, личные удовольствия, — все должны были присутствовать на этом общем собрании.

И заря была ясной, и ветер был попутным.

Призывное пение трубы! Литран сорвался с вершины башни. Люди расправили крылья, так что связки под ними напряглись, а ткань их сделалась красной от притока крови. Крылья резко пошли вниз, потом снова вверх. Итриане оторвались от земли, с шумом взлетели в воздух, подхваченные потоком ветра, образовали единый строй. Потом они плавно понеслись в восточном направлении над скалами.

Аринниан летел следом за Айат. Улыбнувшись ему, она запела. У нее был изумительный голос — его почти с полным правом можно было назвать сопрано, — заставляющий веселее петь волынки и гитары Планха.

То, что она пела сейчас, было традиционным гимном, но он предназначался для Аринниана, потому что она исполняла его на англике, хотя

он всегда чувствовал, что эти языковые трюки несколько умаляли восторг восприятия.

Свет еще невзошедшего солнца
Дарит улыбкой царящего.
Крылья его собою умоет,
Ночь отгоняя спящую.
Голубизна, этот колокол неба,
Мир заливает волною.
Леса и луга новый день встречают
Торжественной тишиною.
Скользя сквозь буйство летящего ветра,
Кружа, как листок, плавно,
Срежь косо пласты воздушных потоков.
Утром охотиться славно!
Замри на мгновение — и быстро к цели
Единым стремительным махом.
То, что тебя наполняет весельем,
Наполнит врага страхом!
Послеполуденный жар и истома.
Тень отдохнуть манит.

Призрачный мир сновидений и грез
Внезапно реальным станет!
Вдруг этот звук, возвышающий голос,
Чертит в тебе зигзаги!
И вот уже листья наполнил смехом,
Потом живительной влаги.
Будто в каком-то священном танце
Плотные струи гнутся.
Тучи, друг друга громом встречая,
Мрачно, зловеще смеются.
Но все теснит и теснит их ветер,
Ветер вечный, нетленный.
И вот глазам открывается небо,
Высоко оно и священно!

Глава 2

Период обращения Авалона равнялся одиннадцати часам двадцати двум минутам и двенадцати секундам вокруг оси, смещенной на двадцать один градус по сравнению с нормальной орбитой. На уровне Грея, находящегося примерно на тридцати четырех градусах северной широты, ночи всегда были короткими, а летом — темными, и сутки пролетали как мгновения.

Дэннель Холм подумал о том, не в этом ли причина его усталости.

Возможно, что нет. Он здесь родился. Прежде здесь жили столетиями; его предки прибыли с Фалкайна. Если индивидуумы были способны к изменению своих пиркадиальных ритмов — как это часто приходилось ему делать в дни космических путешествий, — то и раса, конечно, могла.

Врачи утверждали, что посадка в гравитационном поле, составляющим только 80 % земного, требует от организма куда более сложных изменений. В таких условиях следует изменение всего баланса жидкости и приспособление процесса кинестозии.

Кроме того, те изменения, которые требовались человеку, казались самым обычным делом в сравнении с изменениями, производимыми его собратом-колонистом. Итрианам пришлось изменить весь цикл воспроизведения, приспособив его к иному дню, весу, климату, питанию, миру. Неудивительно, что их первые несколько поколений не отличались высокой рождаемостью. И все равно они важничали, а закончилось тем, что раса их начала поистине процветать.

Было тем более абсурдным предположить, что человек может устать от чего-то отличного от тяжелой работы, ну, и, конечно, возраст, несмотря на все антистарители. Может быть, так оно и есть? Неужели? Когда стареешь, когда чувствуешь приближение смерти, можно ли возвращаться мыслями к ранним годам, годам начала, не думать о доме, которого ты никогда не видел, но каким-то чудом помнишь?

«Хватит, прочь подобные мысли! Кто сказал, что восемьдесят четыре старость?» — Холм достал из кармана сигарету и откусил кончик.

Затяжка, получилась слишком долгой.

Он был среднего роста и казался коренастым в оливкового цвета тунике и мешковатых брюках, какие носили все люди — члены итрианских

вооруженных сил. Монголоидная ветвь его предков проявила себя в нем, наделив Холма круглой головой, широким лицом, высокими скулами, припухлостью у губ и тупым носом. Кавказская — в серых глазах, коже, остававшейся бледной, несмотря на то что он много времени проводил на охоте и в саду, и волосах, поседевших на голове, но остававшихся черными на груди.

Подобно большинству людей планеты, он не отпускал бороды.

Он углубился в разложенные перед ним последние отчеты его помощников, когда интерком загудел и голос сказал:

— Первый марчварден Ферун хочет обсудить положение дел!

— Конечно! — Начальник Холма только что вернулся с Итри. Холм протянул было руку к экрану, но отдернул ее, проговорив:

— Почему бы не лично? Я сейчас буду.

Он вышел из кабинета.

Коридор был полон звуками и мельканием фигур — флотский персонал, гражданские служащие из лаурианского адмиралтейства, — но кондиционеры работали изо всех сил, так что запахи представителей обеих рас были едва различимы, кисловатый — человеческий, чуть

отдающий дымом — итрианский.

Последних было больше, в связи с изменением состава населения Авалона. Но здесь собрались представители со всего доминиона, особенно из материнской его части, чтобы помочь этой границе подготовиться к кризису.

Холм заставил себя усердно отвечать на приветствия. Его вежливость превратилась в твердую валюту, ценность которой была ему известна.

«Вначале это было подлинным!» — Подумал он.

Караульный отдал ему честь и пропустил в апартаменты Феруна (Холм не выносил отнимающих время церемоний в своем отделе, но допускал их важность в итрианском).

Внутреннее помещение было самым типичным: просторная немногочисленная мебель, несколько строгих украшений, скамья, письменный стол и техника снабжены орнитологическими приспособлениями. Стена не была прозрачной, но огромное окно было вделано в нее таким образом, что из него открывался прекрасный вид на Грей и сверкающие вдалеке воды залива. Ветерок был насыщен ароматом садов.

Ферун добавил к имеющимся в кабинете вещам несколько инопланетных сувениров, книжные

полки, заставленные фолис — копиями образцов земной классики, которую он читал для развлечения в оригинале на трех языках.

Он был маленьким, с темными перьями, и что-то в нем было от лика на иконе.

Его чос, Миствуд, всегда был одним из самых прогрессивных на Авалоне.

По части механизации он не уступал человеческим общинам, результатом чего являлись его величина и успешное развитие.

У Феруна не оставалось особого времени на поддержку традиций, религии — всего, что было связано с консерватизмом.

Все формальности он сократил до минимума, но не смог отказаться от них совсем, хотя никогда не говорил, что они ему нравятся.

Сорвавшись со своего насеста, он стремительно подбежал к вошедшему и по земному обычаю пожал ему руку.

— К-р-р, рад тебя видеть, старый разбойник! — Он говорил на планхе: итрианское горло приспосабливается к англику хуже, чем человеческое (хотя, конечно, ни один человек никогда не сможет произносить звуки совершенно правильно).

— Как поживаешь? — Спросил Холм.

Ферун сморщился. Однако это слово не совсем

точно. Расположение его перьев было не только более сложным, чем у земных птиц, — они еще и плотнее прилегали к мускулам и нервным окончаниям, движение их давало начало целому созвездию выражений, недоступных человеку. Раздражение, беспокойство, обескураженность — все это, во взаимосвязи друг с другом, выразило его тело.

— Ну! — Холм подошел к сконструированному специально для него стулу и сел. Во рту ощущался привкус табака. — Рассказывай!

Ногти-когти зацокали по прекрасному полу. Ферун расхаживал по комнате.

— Я продиктую полный отчет, — сказал он. — Вкратце: дела обстоят хуже, чем я того боялся! Да, они пытаются установить единое командование и вбить в голову каждого капитана мысль о необходимости полного подчинения.

Но они не имеют ни малейшего понятия о том, как за это взяться!

— Бог тому свидетель, — воскликнул Холм, — что мы пытались поладить с ними эти последние пять лет! Я думал. Дерьмо, в этом так называемом флоте коммуникация находится на таком низком уровне, что мне приходится опираться только на впечатления, и, думаю, мое было неверным.

Ты же знаешь, я считал, будто реорганизация находится на полпути к завершению.

— Так оно и было, но все пошло прахом! Непомерная гордость, ссоры из-за пустяков — вот в чем беда! Мы, итриане — по крайней мере, наша доминирующая культура, — не слишком подготовлены для полной централизации.

— Ферун помолчал. — Действительно, — продолжал он, — самым сильным аргументом против реорганизации нашей отдаленной, с плохо связанными между собой частями планеты, является то, что Земля располагает гораздо большими силами, но должна держать под контролем куда большие пространства, чем доминион. И если они нападут на нас, те коммуникации превратились бы для нас в ахиллесову пяту.

— Ха! А этим сумасшедшим на Итри не приходило в голову, что Империя не так глупа? Если Земля нападет, то это будет не войной, начатой Землей, а лишь горячим сектором, находящимся вблизи от наших границ.

— Мы обнаружили лишь очень слабые признаки сосредоточения сил в ближайших системах.

— Конечно, нет! — Холм ударил кулаком по ручке кресла. — Неужели они бы так просто обнаружили свои приготовления? — Вы бы об-

наружили? Они будут собираться в космосе, в нескольких парсеках от любой звезды. Между местом сбора флота и любой планетой, до которой могут добраться наши разведчики, движение должно быть минимальным. В нескольких световых годах от нас они могут тайно собрать достаточную силу, чтобы свободно нанести нам удар с воздуха.

— Ты говорил мне это уже много раз, — сухо сказал Ферун. — Я это обдумал. Вычисляя возможные варианты. — Он перестал шагать. Некоторое время в комнате царило молчание. Желтый свет Лауры бросил на пол тень в форме листа.

— В конце концов, — сказал Ферун, — наши методы ведь спасли нас в период волнений.

— Нельзя сравнивать войну князьков, пиратов, жалких забияк, варваров, никогда не выходящих за пределы стратосферы, если только у них нет автоматических кораблей. Нельзя сравнивать все это жаждущее крови ничтожество с Имперской Землей.

— Я знаю, — ответил Ферун. — Суть в том, что итрианские методы хорошо служили нам, потому что они согласуются с итрианской натурой. Во время моей последней поездки я начал сомневаться, не станет ли наша попытка превратиться

в бледную тень соперника пустой потерей времени. Попытка делается, пойми — получишь столько деталей, что успеют набить тебе оскомину, — но не случится ли так, что все, что она нам даст, это отсрочка. Я решил, что раз уж Авалон должен затратить все усилия на достижение кооперации, он может, в то же время, рассчитывать на помощь извне.

И наступила тишина.

Холм посмотрел на своего начальника, старинного, испытанного годами друга, и не в первый уже раз подумал, до чего же они разные.

Он поймал себя на том, что смотрит на Феруна так, как будто встретился с итрианином первый раз в жизни.

Положении марчварден имел около 120 сантиметров роста, если считать от ступней до грудной клетки. Высокая особь имела рост приблизительно 140 сантиметров, доходя Холму до середины груди. Поскольку тело несколько выдавалось вперед, истинное расстояние между клювом и хвостом было несколько больше. Весил он килограммов двадцать. Максимальный вес подобной особи не достигал и тридцати килограммов.

Его казалась лепкой скульптора. Поскольку лоб был довольно низким, верхняя и затылочная

части были несколько увеличены, чтобы вместить объемистый мозг. Вниз от ноздрей отходил гористый выступ, почти скрытый перьями. Под ним виднелся подвижный рот, полный острых белых клыков, с алым языком.

Подбородок переходил в сильную шею. Особое внимание привлекали к себе глаза, большие, цвета меда, и густой хохолок перьев, растущих на лбу, облегающий голову до шеи. Частично он предназначался для аэродинамических целей, частично использовался как шлем на тонком черепе.

Вперед туловище имело две руки. Ни по размеру, ни по форме они не походили на руки небольшого человека. Они были лишены перьевого покрова, кожа их была или темно-желтой, как у Феруна, или коричневой, или черной, как у остальных итриан. Но непохожими на человеческие их делали не руки целиком, а ладони. Каждая ладонь имела по два пальца по краям и еще по три между ними, каждый палец имел на один сустав больше, чем эквивалентный ему палец землянина, и ноготь, который точнее было бы назвать когтем, а на внутренней поверхности кистей росли небольшие дополнительные когти. Ладони казались слишком большими для этих

рук, а мускулы на них играли и вились.

То были настоящие хватательные инструменты, помощники зубов. Тело оканчивалось удивительной формы хвостом из перьев, достаточно твердым, чтобы в случае надобности поддержать тело.

Сейчас огромные крылья были сложены и опущены вниз, исполняя роль ног. В средней части каждого выступало вогнутое «колено». В период борьбы эти кости могли смыкаться вместе. В воздухе они охватывали крылья кольцами, укрепляя их и прибавляя им чувствительности. Три остальных пальца, оставшиеся этим особям в наследство от предков — орнитоперов, были спаяны воедино, образовав выступающую сзади более чем на метр кость.

Первая ее половина была сверху покрыта перьями, ее кожа была белой и загрубевшей. Кость эта тоже являла собой хорошую опору при отдыхе.

Ферун был особью мужского пола, его гребень выступал выше, чем у женских особей, а хвост был белый с серыми полосками. У женских же особей он бывал черным и блестящим.

Горловой звук вернул Холма к действительности.

— Ты так смотришь?

— О, прости! — Для уроженца этой расы подобное поведение было более грубым, чем для человека. — Мои мысли блуждали далеко.

— Где же? — Спросил Ферун своим обычным голосом.

— М-м-м. Да ничего особенного. Я начинаю думать о том, что мой род действительно не играет большой роли для Доминиона. Может быть, нам следует найти нечто более связанное с итрианским стилем и постараться сделать из этого все что можно.

Ферун издал вибрирующий звук и шевельнул несколькими перьями. Это сочетание не имело точного эквивалента на англике, но приблизительно могло быть переведено так: «Вам подобные не являются единственными неитрианами, находящимися под нашей гегемонией. Но только вы обладаете современной технологией». Планх не был таким уж лаконичным, каким представляют его звуковые выражения.

— Н-нет! — Пробормотал Холм. — Но мы. В Империи мы — лидеры! Конечно, Великая Земля включает несколько миров и колоний негуманоидов, и множество индивидуумов из различных мест получили земное гражданство, все это так.

Но большинство ключевых постов занято именно людьми, а не представителями какой-либо иной расы. — Он вздохнул и посмотрел на кончик своей сигареты.

— Здесь, в Доминионе, что представляет собой человек? Горсточка на уединенном шарике! О, мы трудимся, мы хорошо себя проявляем, но факт остается фактом: мы не являемся таким уж значительным меньшинством в великом созвездии меньшинств.

— Ты об этом сожалеешь? — Мягко спросил Ферун.

— Я? Нет-нет! Этим я только хотел сказать, что Доминион располагает слишком ничтожным количеством людей, чтобы можно было все объяснить и организовать флот по земному типу. Мы приспособились к вам лучше, чем вы к нам. И это неизбежный процесс!

— Я вижу тоску в твоем голосе и вижу ее в твоих глазах, — сказал Ферун, и голос его прозвучал мягче, чем он этого хотел. — Ты снова думаешь о своем сыне, ушедшем в птицы, не так ли? Ты боишься, что его младшие сестры и братья захотят последовать его примеру.

Прежде чем ответить, Холм собрался с силами:

— Ты знаешь, что я уважаю ваш образ жизни.

Всегда уважал и всегда буду уважать. И я никогда не забуду, что Итри принимала моих людей, когда Земля оказалась для них потерянной. Но и. Мы тоже заслуживаем уважения.

Разве не так?

Ферун подался вперед и положил руку на плечо Холма. Необходимость для человека выразить свою скорбь была ему понятной.

— Когда он — Крис — впервые стал бегать и летать с итрианами, что ж, я был рад. — Человек вздохнул. Он, не отрываясь, смотрел в окно. Время от времени он касался пальцами сигареты, но жест этот был машинальный, неосознанный. — Он всегда был слишком большим книжником, слишком одиноким.

Поэтому его друзья из Врат Бури, его визиты туда. Позже, когда он, Айат и их компания сновали по всяким странным уголкам планеты — что ж, казалось, что и я делал нечто в этом роде, когда был в его возрасте. Различие было лишь в том, что я не нуждался в защите сзади, когда ситуация становилась напряженной. Я думал, что он тоже может закончить флотом. — Холм покачал головой. — Я не понимал толком, что с ним происходит, а когда понял, было уже слишком поздно. Когда я прозрел, мы сильно поспорили,

он убежал и прятался на островах Щита целый год. Айат помогала ему. Ведь мне не стоит продолжать, не так ли?

Жест Феруна был отрицательным.

После того, как Дэннель Холм, разгневанный, примчался в дом Литрана, осыпал их оскорблениями, именно Первому марчвардену пришлось вмешаться, успокоить обе группы и превратить дуэль в мирные переговоры.

— Нет, мне сегодня ничего не следовало говорить, — продолжал Холм. Просто. Ровена плакала этой ночью. Потому что он ушел и не попрощался с нею. А главное, она беспокоится о том, что с ним может случиться, потому что он присоединился к чосу. Например, сможет ли он вступить в нормальный брак? Обычные девушки больше не отвечают его вкусу, а девушки-птицы. И, конечно, наши малыши. Интересы Томми полностью вращаются вокруг итрианских сюжетов. Школьный наставник приходил к нам сам, чтобы сказать, что Крис отказывается учить урок, подчиняться требованиям, ходить на консультации.

А Джинни нашла себе итрианскую подружку.

— Насколько мне известно, — сказал Ферун, — люди, вошедшие в чос, как правило, ведут вполне удовлетворительную жизнь. Конечно, возни-

кают различные проблемы. Но разве жизнь не ставит их перед нами всегда? Кроме того, число трудностей будет уменьшаться по мере того, как число подобных людей будет расти.

— Послушай, — Холм с трудом подбирал слова. — Я не имею ничего против твоего народа. Да будь я проклят, если вообще когда-нибудь имел! Никогда я не сказал и не скажу, что в том, что сделал Крис, было что-то позорное, как я бы не сказал и не подумал этого, примкни он к какому-нибудь священному ордену целебата. Но это все равно не понравилось бы мне. Для человека это неестественно. И я изучил все, что смог достать о людях-птицах! Конечно, большая их часть провозглашала, что они счастливы.

Возможно, что большинство и верило в это. Но я не могу не думать, что они никогда не узнали о том, что они потеряли!

— Пешеходы, — сказал Ферун. На планхе этого было достаточно. На англике ему пришлось бы произнести целую фразу, нечто вроде: «Мы тоже теряем какую-то долю за счет тех, кто оставляет чосы, чтобы стать индивидуумами по образу человека атомного века и жить в человеческих общинах».

— Влияние, — прибавил он, что можно было

перевести: «В течение столетий Авалона немало было таких, кто формировался под влиянием вашего примера, в том числе и целые чосы. Я полагаю, что это и есть главная причина того, что некоторые другие группы стали наоборот более реакционными, чем раньше».

Холм возразил:

— Разве основная идея не состояла в том, что обе расы этой колонии должны были сближаться друг с другом, чтобы стать тем, чем они стали?

— Так было записано в Договоре, и эти слова остаются там и сейчас, Ферун выразил эту мысль двумя слогами и тремя выражениями. — Никто против этого и не возражает. Но как может совместное житье не повлечь за собой изменений?

— Да. Из-за того что Итри, в основном, и Инствуд, в особенности, сделали успехи в приспособлении к земной технологии, ты веришь в то, что для развития подобного процесса нужен лишь здравый смысл. Но все это не так просто!

— Я ничего такого не утверждал, — сказал Ферун. — Я только хочу сказать, что мы не должны тратить время попусту.

— Да, прости, если я. Я совсем не желал пускаться в разговоры, ведь мы и раньше говорили много между собой. Но дома сейчас неспокойно.

Человек поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел вдаль сквозь струйку дыма.

— Давай-ка вернемся к делу, — сказал он. — Я бы хотел задать несколько вопросов, касающихся различных аспектов готовности доминиона. А тебе не мешает послушать мой рассказ о том, что здесь творилось, пока тебя не было. И посмотреть под углом этого рассказа на положение дел во всей Лаурианской системе. В чем тоже мало радостного.

Глава 3

Машина установила место своего назначения и устремилась вниз.

Первоначально ее высота была такова, что сидящий в ней ездок успел различить дюжины точек, пляшущих на сверкающей поверхности воды. Но когда они оказались ближе, все это скрылось за горизонтом. Теперь ему был виден лишь неровный конус Сент-Ли.

Имея в диаметре 11308 километров, Авалон обладал пропорционально меньшим, чем у Земли, расплавленным ядром; масса в 0.6345 не могла сохранить много тепла. Не хватало сил, чтобы удерживать землю в выгнутом состоянии. В то же время процесс эрозии значительно убыстрялся.

Атмосферное давление на уровне моря равнялось, примерно, земному — а падало медленнее из-за гравитации, так что быстрое вращение создавало условия для неблагоприятной погоды. Благодаря всему этому поверхность земли была в основном ровной, самый высокий пик Андромеда поднимался не более чем на 4550 метров. Соответственно уменьшались массивы материков.

Корона защищала едва ли восемь миллионов квадратных километров, то есть примерно территорию Австралии. В противоположном полушарии акватории Новая Африка и Новая Гейлана напоминали скорее большие острова, чем маленькие континенты. А кроме них существовало еще много мелких островков.

И все же один гигант здесь был!

В 2000 километрах западнее Грея начиналась гряда, чьи пики, прорезающие воздух, были известны под названием Орнезии. Она уходила к югу, перерезала тропическую зону и заканчивалась неподалеку от Атлантического кольца. Таким образом формировалась природная гидрологическая граница. Западная ее часть отделяла Средний океан за экватором.

Роль ее в экологических процессах была неизмеримо высока. Более того, после колонизации она стала социологическим феноменом: любое склонное к эксцентризму существо — человек ли, итрианин ли — могло уйти туда, расположиться на одном из островов и вести здесь свое собственное, независимое существование.

Чосы основных территорий отличались как размерами, так и организацией и традициями. Хотя они могли являться приблизительными

аналогами кланов, племен, графств, религиозных общин, республик или чего-то еще, у всех у них была общая черта: их численность не опускалась ниже тысячи членов.

В Орнезии же были простые домашние кланы, носившие определенное имя.

Когда в таких семьях вырастали дети, то они могли найти себе новые независимые общества.

Естественно, подобные крайности являлись исключением. В основном кланы Высокого Неба были многочисленными и контролировали территории рыбной ловли у 30 градусов северной широты, занимая значительную часть архипелага. И внутренне они были безгранично убеждены в том, что слова «Высокое Небо» применимы к итрианам в прямом своем значении.

* * *

Воздушная машина опустилась на берег на специально огороженное место.

Шагнувшая к ней женщина была высокой, с рыжими волосами. Она была одета в сандалии, кильт и имела при себе оружие.

Табита Фалкайн видела, как опускалась машина, и теперь пошла навстречу прибывшему.

— Привет, Кристофер Холм, — сказала она на

англике.

— Я прилетел как Аринниан, — ответил он на планхе. — Приятно очутиться рядом с тобой, Хилл!

Она улыбнулась:

— Извини, я не подготовилась к такой возможности. — Потом уже другим тоном она проговорила:

— Ты дал мне знать, что хочешь увидеться со мной по общественным делам. Это, должно быть, имеет отношение к пограничному кризису. Я полагаю, твой круач решил, что Западная Корона и Северная Орнезия должны объединится в защите Гесцерианского моря.

Он робко кивнул и отвел глаза.

Впереди, насколько хватало глаз, солнце сверкало на выгибающейся к небу линии берега. Группа итрианских шуатов пролетела под контролем пастуха и его ухотов. Вокруг скопления рифов сновали местные птероплеуроны.

Море катило свои волны цвета индиго, завивающиеся наверху прозрачно-зелеными барашками, а пена, выбрасываемая ими на берег, была уже почти белой. Такая же пена вилась вокруг траулеров.

Верхние склоны еще носили на себе следы свет-

ло-изумрудного ковра сузина. Цепкие его корни давали возможность выживать лишь немногим из других растений. Но более низкие склоны были возделаны.

Здесь краснел итрианский властергрейн, защищавший землю и шедший на корм шуатам, в то время как плоды кокосовых пальм, манго, цитрусовых предназначались для людей Высокого Неба.

Дул ветер, теплый, но свежий, насыщенный запахами соли и воды.

— Я думала, было решено, что конференция «Птица с птицей» была бы полезна, — продолжала Табита. — Горным достаточно трудно понять морских, и наоборот. Но без помощи друг друга тяжело. Орнитоиды будут встречаться подобным образом, а? — Она подумала. — Тебе, конечно, следовало прилететь с делегацией. На твоей территории не много тебе подобных. Зачем было прилетать в одиночестве? Но из этого вовсе не следует, что ты не будешь радушно принят. И все же телефонный вызов.

— Мы. Наш разговор мог бы затянуться, — сказал он. — Он мог бы длиться дни. — То, что ему было оказано гостеприимство, он принял как само собой разумеющееся: гость для всех чосов

был делом священным.

— Но почему именно я? Я только местная власть.

— Ты — потомок Дэвида Фалкайна.

— Это немного значит.

— Там, где живу я, много. Кроме того. В общем, нам приходилось встречаться и раньше, на больших круачах, в домах. И. Мы немного знаем друг друга. Если бы мне пришлось иметь дело с совершенно незнакомым, я бы просто не знал, с чего начинать. Если не останется ничего другого, то ты.

Ты сможешь мне посоветовать, к кому обратиться за консультацией, и представишь меня. Ведь так?

— Конечно! — Табита взяла обе его руки в свои. — А вообще, я рада тебя видеть, Крис!

Его сердце учащенно забилось. Он едва удержался от протяжного вздоха.

«Почему я так робею в ее присутствии? Видит Бог, она привлекательна.

Старше меня на несколько лет, высокая, сильная, с полной грудью и длинными ногами, отнюдь не скрываемыми короткой туникой. Нос слегка вздернут, большой рот, широко расставленные зеленые глаза под широкими бровями. Она нико-

гда не открывала белый шрам на правой скуле. Волосы, подстриженные ниже ушей, были светлыми, как лен. Ветер развевал их, как знамя, над коричневой, слегка обветренной кожей».

Он подумал: «Смотрит ли она на сближение также легко, как девушки-птицы Короны? Или же все еще остается девственницей? Такое казалось маловероятным! Как человек, постоянно находящийся в любовном периоде низшего порядка, мог состязаться в чистоте с Айат?»

Он молчал.

«Но Высокое Небо — это не Врата Бури и не Горное Озеро. Впрочем, здесь, где живет Табита, у нее много соратников, подобных ей по рождению.

Она часто путешествует и бывает в разных местах». — Он отогнал от себя эти мысли.

— Эгей, да ты покраснел, — рассмеялась она. — Я тебя чем-нибудь смутила? — Она отпустила его руку. — Если так, то прошу меня извинить. Но ты всегда слишком серьезно относишься к подобным вещам; поверь, общественный ритуал, необходимый набор фраз — дело не смертельное!

«Ей, конечно, легко, — подумал он. — Ее предки были приняты в этот чос. Ее родители и их дети выросли в нем. Четверть его членов должна быть

сейчас людьми. И они обладают влиянием — вспомнить только общество по торговле рыбой, которому дали начало она и Драун».

— Боюсь, для веселья у нас нет времени, — сказала она. — Впереди тяжелые времена.

— Вот как?

— Империя собирается выступить против нас. Идем в дом. — Табита взяла его за руку и повела к участку.

Местные строения с тростниковыми крышами были ниже, чем большинство итрианских домов, и крепче, чем казались с виду, ибо их пуританство служило защитой от авалонских ураганов.

— О, — сказала она, — империя основательно выросла со времен Мануэля Первого. Но я читала историю. Как территория попала под контроль? Часть путем обычного партнерства: цивилизованные негуманоиды, подобно синтианам, находили в этом преимущество для себя. Некоторые делали это ради торговли или обмена. У некоторых цели были завоевательными, это так, но всегда примитивные, во всяком случае, так было с большинством из тех, чья сила в космосе смехотворно меньше, чем сила Великой Земли. Ветерок против бури!

— А мы? Мой отец говорит.

— Да. Сфера Земли достигает четырехсот световых лет в поперечнике, наша — около восьмидесяти. Из всех систем одна Империя обладает прямыми контактами с несколькими тысячами планет, наши же насчитывают не более двухсот шестидесяти. Но не считаешь ли ты, Крис, что мы знаем наши планеты лучше? Мы более компетентны. В целом наши ресурсы меньше, но наша технология хороша во всех ее проявлениях. И потом, мы лишь оговариваем свое право на границах. Если речь идет о расширении государства, они могут найти солнца и гораздо ближе к дому, которые никогда не посещали. Эти территории будет легче взять, чем гордый, хорошо вооруженный доминион.

— Мой отец говорит, что мы слабы и не готовы.

— Ты думаешь, мы проиграли бы войну?

Крис не ответил.

Стало так тихо, что им было слышно, как скрипит песок у них под ногами.

Наконец он сказал:

— Я думаю, никто не вступает в войну с мыслями о поражении.

— Я не верю в то, что на нас нападут, — сказала она. — Я более высокого мнения о здравом смыс-

ле Империи.

— Все равно, нам лучше принять меры предосторожности. Одной из них является домашняя защита.

— Да. Но будет нелегко организовать ее среди сотен и более чосов.

— Может быть, в этом сможем помочь и мы, птицы, — заметил он, Особенно давно обосновавшиеся, как твоя семья.

— Я сочту за честь помочь, — сказала она ему. — И, собственно говоря, я не считаю, что сотрудничество чосов будет чересчур уж плохим, — Она гордо вздернула подбородок, — когда речь идет о том, чтобы показать Империи, кто летает выше!

* * *

Айат и Водан летели вместе. Они были красивой парой: у обоих золотистые глаза и волосы, но он — желтовато-коричневый, а она темно-бронзовая.

Под ними простирались земли Врат Бури: поросшие темным лесом долины, утесы и ущелья, пики, которые сверкали снежной белизной, голубизной водопадов, чьи воды походили на лезвие ножа, серебром ледников.

Ветер тянул свою песню и уносил прочь облака, позолоченные Лаурой, а воздух был свежим и острым.

Неслышными тенями неслись они по миру. Итриане пьянеют от свежего воздуха. Он наполняет их уверенностью и силой. Он заставляет расправлять их крылья до отказа, так, что ощущается напряжение мышц.

Он сказал:

— Если бы я принадлежал к роду Аринниана, я бы непременно обвенчался с тобой теперь же, до того, как взойду на корабль. Но ты месяцами не будешь в любовном периоде, а к тому времени меня, может быть, не будет в живых. Я не хочу приносить тебе горе.

— Ты думаешь, я буду меньше скорбеть, если не стану носить титул «вдовы»? — Ответила она. — Я хотела бы иметь право на то, чтобы возглавлять твой памятный танец. Ибо именно я знаю, какую часть этих небес ты любишь больше всего!

— И все же могут возникнуть всякие нежелательные вопросы: обязательства по отношению к моему роду и тому подобное. Нет! Станет ли наша дружба менее крепкой от того, что какое-то время ты не будешь считаться моей женой?

— Дружба. — Пробормотала она. Потом с жаром

проговорила:

— Той ночью я мечтала о том, чтобы мы были людьми.

— Как? Вечно внизу?

— Вечно связанные узами любви!

— Кх-Хъянг! Я питаю глубокое уважение к Аринниану, но иногда я сомневаюсь: не слишком ли много времени он проводит с тобой с самого детства. Если бы Литран не взял тебя с собой, когда у него было дело в Грее. — Увидев, как поднялся ее хохолок, Водан не договорил фразу и закончил уже другим тоном:

— Да, он твой преданный друг. Это делает его и моим другом. Я лишь хочу предупредить тебя. Не пытайся быть человеком.

— Нет, нет! — Айат почувствовала, что теряет высоту. Помогая себе, она взмахнула крыльями и рванулась к сверкающему за деревьями пику, так что свежий ветер заиграл и загудел вокруг нее.

Она мчалась вперед, чувствуя, как напрягается и наливается силой каждый ее мускул, наполняя тело невыразимой радостью, а небеса раскрывают ей свои объятия.

Она радостно рассмеялась.

Водан нагнал ее.

— Разве я бы смогла отказаться от этого? — Ве-

село воскликнула она. Или ты?

* * *

Экрэм Саракоглу, имперский губернатор сектора Пакис, уже некоторое время намекал на то, что хотел бы встретиться с дочерью адмирала флота Хуана де Иесуса Кайал и Поломарес.

Она прибыла из Нью-Мексико для того, чтобы стать официальной хозяйкой и домоправительницей своего овдовевшего отца после того, как он уехал из штаб-квартиры на Эсперансу и снял дом во Флервиле.

Назначенная дата была отклонена.

Дело было не в том, что адмирал не любил губернатора — они хорошо ладили между собой — или не одобрял его намерений, несмотря на его чрезвычайную гордость и пристрастие к женскому полу.

Сама Луиза принадлежала к числу тех людей, которые в случае крайней необходимости пустят в ход все, чтобы защитить свою гордость и честь. Дело было просто в том, что оба мужчины были совершенно завалены работой.

Наконец их помощники оказались настолько хорошо подготовленными, что могли, казалось, справиться с делами сами, вот тогда Кайал и

пригласил Саракоглу к обеду.

Однако в последнюю минуту возникло еще одно препятствие. Адмирал позвонил домой, сказав, что вынужден задержаться в офисе на пару часов.

Губернатор уже находился в пути.

— Ваше общество давно не может идти ни в какое сравнение даже с самым чудесным обедом, — вкрадчиво проговорил Саракоглу, целуя Луизе руку. Уверяю вас, что это не имеет никакого значения.

Миниатюрная, она обладала прелестной фигурой и хорошеньким смуглым личиком. А вскоре он узнал, что, несмотря на всю свою гордость, она умела слушать мужчину и — качество еще более редкое — задавать ему поощряющие вопросы.

К этому времени они бродили по саду.

Такие кусты роз и вишневые деревья вполне могли бы расти на Земле: Эсперанса была настоящим кладом среди других планет-колоний.

Солнце Пано все еще стояло над горизонтом, находясь в периоде середины лета, лучи его падали через старую кирпичную стену. Воздух был теплым, пронизанным птичьим пением, сладким от наполняющих сад ароматов.

Высоко в воздухе проплыли одна-две машины.

Но Флервиль был достаточно мал, чтобы шум его транспорта не мог докучать в таком удаленном от центра месте.

Саракоглу и Луиза неторопливо шли по выложенной гравием дорожке и беседовали. За ними следили, вернее, их тайно рассматривали пожилые дамы-гувернантки. Однако на некотором расстоянии за ними следовали не дуэньи, а полностью вооруженный горпурианский наемник, от которого не могли бы укрыться даже самые незначительные проявления флирта.

«Беда в том, — думал губернатор, — что она начинает брать курс на искренность».

Сначала это было приятно. Она побуждала говорить о себе. «Да, именно так, я являюсь графом Анатолии. Честно говоря, даже на Земле малое пэрство. Бюрократическая карьера. Может быть, я смог бы стать художником: я баловался кистью и красками. Возможно, вы пожелали бы посмотреть. Увы, вы не знаете, как получается в таких делах. От Имперской знати ждут, что она будет служить Империи. Родиться бы мне в эпоху декадентства! А? К несчастью, Империя живет настоящим».

Внутренне он смеялся над им же устроенным представлением. Он, чей возраст равен пяти-

десяти трем стандартным годам, коренастый, начинающий полнеть, абсолютно лысый, с маленькими глазками, посаженными близко к гигантскому носу, он, в чьем дворце живут две высокооплачиваемые любовницы, играет роль мальчика, играет роль «светского человека»: когда-то это его забавляло, как забавляет изысканная одежда или драгоценности. То была возможность отдохнуть от реалий будней, так и не позволивших ему улучшить свою внешность с помощью биоскальпа.

Но тут она спросила:

— Мы действительно собираемся напасть на итриан?

— А? — Страдание в ее голосе заставило его резко повернуть голову и посмотреть на нее. — Видите ли, торговля приостановлена, но.

— Кто ее приостановил? — Сама она, не отрываясь, смотрела куда-то вперед. Голос ее слегка повысился, а легкий испанский акцент стал более заметен.

— А кто начал большую часть неприятных инцидентов? — Оборонялся он. Итриане. Поймите, речь идет не о том, что они чудовища, но по натуре они первобытны. У них нет сильной власти, нет настоящего правительства, которое могло бы

сдерживать импульсы отдельных группировок. Это и явилось главным препятствием на пути достижения взаимопонимания.

— А сильны ли были усилия достичь его. С вашей стороны? Требовательно спросила она, по-прежнему не глядя на него. — Долго ли вы пытались их достичь? Мой отец ничего мне не говорит, но все и так ясно, стало ясным с тех пор, как мы сюда переехали: разве часто штаб-квартиры флота и гражданских служб сосредотачиваются на одной и той же планете?

Ясно, что что-то готовится.

— Донна, — серьезно сказал Саракоглу, — когда флот космических кораблей может превратить весь мир в одну большую могилу, следует готовиться к худшему и принимать все возможные меры предосторожности. — Он помолчал. — Кроме того, обнаружено, что было бы неразумным оставаться в том состоянии взаимного игнорирования, в каком находятся Империя и Доминион. Вынужден сказать вам, что вы, такая юная, не представляете себе, что такое две совершенно изолированные системы. Мне очень жаль, но я вижу, что вы одержимы мыслью, будто Империя провоцирует войну с целью поглотить весь Итрианский доминион. Это не правда!

— А в чем же правда? — С горечью подхватила она.

— В том, что имели место кровавые инциденты, возникшие в результате споров о территории в различных областях.

— Да. Наши торговцы теряют прибыли.

— Это лишь деталь! Коммерческие споры — явление неизбежное. Гораздо серьезнее обстоит дело со спорами политическими и военными. Например, кто из нас проглотит Анторанито-Кроакоакский комплекс вокруг Бета Центавра.

Обе системы к этому склонны, а ресурсы его очень бы укрепили Землю.

Итриане уже получили большое подкрепление, подчинив себе Датину, и мы не хотим заполучить еще одну потенциально враждебную расу. Более того, ратифицировав эту неприятную границу, мы можем вооружаться против возможного нападения на мерсейском фланге. — Саракоглу поднял руку, предупреждая возможный протест. — Конечно, донна, Рондхунати далек и не слишком велик. Но он растет, и вооружение его тоже растет, да и идеология его неразрывно связана с агрессивными намерениями. Обязанность Империи заботиться о своих прапраправнучках.

— Почему мы не можем просто подписать до-

говор, дать каждому возможность поделить все честно и благоразумно? — Спросила Луиза.

Саракоглу вздохнул:

— Население планеты стало бы возражать против того, что с ним обращаются как с движимым имуществом. Ни одно правительство, предпринявшее подобную попытку, не выжило бы долго. — Он махнул рукой. — Но что более важно, так это то, что вселенная хранит в себе слишком много неведомого.

Мы путешествовали сотни — в ранние времена, — а затем тысячи световых лет к особо интересным звездам. Но сколько мириад из них остаются вне поля нашего зрения? Что может случиться, когда мы обратимся к ним? Ни одно разумное правительство, человеческое ли, итрианское ли, не станет слепо протягивать руку неведомому. Нет, донна, эту проблему невозможно решить чистенько и аккуратно. Мы лишь должны как можно лучше справиться со своим незнанием. Что вовсе не означает полное подчинение Итри. Я первым выступаю за то, чтобы Итри получила право на существование, шла собственным путем, даже сохранила свои внепланетные владения. Но граница эта должна быть стабилизирована.

— Мы. Устанавливали межпланетные связи. С другими. И никаких осложнений не возникало.

— Конечно. Для чего, например, нам сражаться с братьями по водороду?

Они настолько экзотичны, что мы едва можем с ними общаться. Как гласит старая поговорка, две ловких, сильных расы всегда хотят заполучить одно и то же.

— Но мы можем с ними жить! Люди это делают. Делают поколениями!

— Вы имеете в виду Авалон?

Она кивнула.

Саракоглу усмотрел в этом шанс вернуть разговор в более спокойное русло.

— Да, здесь, конечно, есть интересные случаи, — улыбнулся он. — Как много вы об этом знаете?

— Очень мало, — неохотно призналась она. — Кое-что слышала здесь, кое-что — там, с тех пор, как приехала на Эсперансу. Галактика так огромна, и та ее крохотная частица, которую мы изучили.

— Вы могли бы получить возможность увидеть Авалон, — сказал он. — Он не так далеко, в десяти-двадцати световых годах. Я бы сам не отказался от этого. Общество там совершенно необычное,

если не сказать уникальное!

— Неужели вы не понимаете? Если люди и итриане могут поделить одну и ту же планету.

— Это совсем другое дело. Позвольте мне снабдить вас кое-какими данными. Я тоже никогда там не бывал, но изучил много материала.

Саракоглу глубоко вздохнул.

— Авалон был открыт пятьсот лет назад одним из кораблей Великого Обзора, прилетевшего на Итри, — проговорил он. — Он был отмечен как потенциальная колония. Но он находился так далеко от Земли, что тогда им никто не заинтересовался. Само это название долго не упоминалось. Итри находился на сорок световых лет дальше, это так, но казался более привлекательным: богатая планета, населенная народом, с энтузиазмом шедшим навстречу новой эре и склонным к торговым связям.

Примерно три с половиной столетия тому назад человеческое общество сделало итрианам предложение. Лесотехнической лиге предстояло еще продержаться до краха не менее пятидесяти лет, но тот, у кого неплохо работали мозги, уже предвидел надвигающийся период раздора. Эти люди, под предводительством старого опытного исследователя, желали защитить будущее своих

семей, перебравшись на Авалон, под протекцию Итри, которая не должна была распасться, как цивилизация техники. Итриане согласились и, естественно, некоторые люди присоединились к населению.

Потом пришли беспорядки, коснувшиеся и Итри. Результаты были неизбежны и везде одинаковы: Земля добилась мира, став Империей, Итри стал Доминионом. В то же время, держась вместе и так перенося ужас хаоса, авалоняне слились в одно целое. Именно это и требуется сегодня.

Они остановились у решетки, обвитой виноградными лозами.

Саракоглу сорвал кисть винограда и предложил Луизе. Она покачала головой. Он съел виноград сам.

Виноград был сладким и приятным на вкус, но немного странным: в конце концов, почва Эсперанса не была идентична почве Земли.

Солнце теперь скрылось, тени наполнили сад, ярким цветком расцвела на небе вечерняя звезда.

— Я понимаю, ваши планы «рекрификации» состоят в том, чтобы включить Авалон в состав Империи, — сказала Луиза.

— Да. Принимая во внимание его положение. —

Саракоглу пожал плечами.

— Кроме того, люди на нем образуют значительное большинство. Я готов предположить, что они, скорее, были бы рады присоединиться к нам, а Итри не возражала бы избавиться от них!

— Должны ли мы сражаться?

Саракоглу улыбнулся.

— Мир установить никогда не поздно, — сказал он.

Он взял ее за руку:

— Не пойти ли нам в дом? Думаю, ваш отец должен скоро вернуться. Мы можем приготовить для него шерри.

Он не стал портить ситуацию, которую можно было еще спасти, и говорить ей, что уже прошли недели с тех пор, как корабль-курьер привез то, что он ждал: имперский указ, объявляющий войну Итри, ко всенародному объявлению которой и готовились губернатор и адмирал.

Глава 4

Компания против Итри требовала огромного флота, собранного из всех частей Империи. Открытых сообщений об этом не было, но отдельные слухи просочились. Однако объединения на границах увеличивались в открытую, по мере усиления кризиса, а маневры были почти непрерывны.

Двигаясь вокруг Пано по орбите в десять астрономических единиц, крейсеры класса «Планета» «Тор» и «Аиза», несли черные снаряды и торпедировали силовые экраны друг друга, пронизывая последние лазерными лучами и стараясь удержать направление удара до тех пор, пока бласт не разъест броню, производили магнитные вспышки, чье свечение порождало смертельную радиацию, маневрировали в гравитационном поле, ныряли в гипердрайвную фазу и обратно, оттачивали каждый возможный маневр, приведенный в учебниках, и даже такие варианты, которые, как надеялось верховное командование, ни в одном учебнике еще описаны не были.

Тем временем лодки «Комета» и «Метеор», по

отношению к которым крейсера выполняли материнскую функцию, тоже были очень заняты.

Чтобы увеличить заинтересованность, был назначен приз. То судно, которое компьютер сочтет победителем, должно было вместе со своими помощницами отправиться на Эсперансу, где команда получила бы неделю отдыха.

Победила «Аиза».

Она послала ликующий вызов. В полумиллионе километров от нее на «Метеоре», который его капитан окрестил «Звездой-охотницей», ожил механизм.

— Наконец-то воскрес! — Воскликнул лейтенант Филипп Рошфор. — И при этом со славой!

— С незаслуженной, — усмехнулся артиллерийский офицер Ва Чау оф Синтия.

Его маленькое, покрытое белыми перьями тело склонилось над столом, который он убирал после еды. Кустистый хвост покачивался над голубой мордочкой.

— Что ты хочешь этим сказать? Незаслуженной? — Проворчал инженер-компьютерщик КПО Абдуллах Хелу, сухощавый средних лет карьерист с Хау Бразил. — В наши обязанности входит строить из себя мертвых в течение трех дней. — Теоретически лодка была уничтожена и

находилась в состоянии свободного парения, ибо настоящие обломки очень осложнили бы жизнь технического персонала детектора.

— Особенно когда расклад в покер удачен? — Поддел его Ва Чау.

— Больше я с вами играть не буду, сэр, — сказал Хелу штурману. — Не обижайтесь, просто у вас слишком велик талант к насмешкам!

— Дело лишь в дате, — ответил Рошфор. — Обстоятельства есть обстоятельства! Ведь наша лодка вела себя хорошо. Как и вы в отношении денег! Так что в следующий раз и вам, и ей может повезти больше!

То была его первая лодка, его первая команда — он недавно был выдвинут на повышение за удачную операцию, и ему страшно хотелось, чтобы лодка произвела хорошее впечатление. И каким бы при данных обстоятельствах не было неизбежным поражение, это все равно причиняло боль.

Но они находились в лагере победивших и на счету у них было два корабля плюс отвлекающий маневр, что могло быть использовано как преимущество.

Теперь же им предстояло присоединиться к «Аизе», а значит отправиться на Эсперансу, где

они знали достаточно хорошеньких девушек, чтобы хорошо отдохнуть в заслуженный отпуск.

Маленькая каюта дрожала и гудела от шума работающих моторов. Воздух, проходивший сквозь вентиляторы, пах маслом и сопровождающими цикличность химикатами.

«Метеор» был сконструирован для высокой акселерации, как в условиях действия теории относительности, так и гипердрайва, для точного попадания в цель торпед с водородными бомбами, а также давать команде необходимый минимум комфорта.

Космос стелился за иллюминатором во всем своем величии, пронизанный россыпью звезд, ярких, как бриллианты, собранных в ясной черноте то в серебристое течение Млечного пути, то в тусклые таинственные скопления сестер Галактик.

Рошфору хотелось сидеть, смотреть, дать своей душе возможность проникнуть в божественный храм Вселенной.

И он мог бы это сделать, лодка была полностью автоматизирована. Но лучше показать другим свою старательность и заинтересованность.

Он вернул обозреватель в то положение, в котором тот был перед получением сообщения.

Заранее записанная лекция только что началась.

Человек-ксенолог появился на экране и заговорил:

— Обладающие теплой кровью, оперением, ходячие и летающие, итриане не являются птицами. Они приносят потомство живым после четырех с половиной месяцев беременности. У них нет клюва, но есть губы и зубы. Они не являются млекопитающими. Они не имеют волос и не вырабатывают молока. Губы их развиты таким образом, чтобы кормить младенцев путем извержения. И хотя у них есть устройство, напоминающее жабры, оно рассчитано не на воду, а на.

— Ох, нет! — Воскликнул Хелу. — Сэр, разве у нас не будет времени позже, чтобы заняться этим? Один дьявол знает, сколько недель нам предстоит лежать на орбите, абсолютно ничего не делая.

— Война может начаться каждую минуту, — сказал Рошфор.

— А есть ли те, кто интересуется во время военных действий внешним видом или интимной жизнью своего противника? — Пробормотал Синтия.

Рошфор остановил ленту и огрызнулся:

— Если хотите, могу подключить к этому звук жесткого луча. Но знание врага может стать именно тем, что спасет нас, когда начнутся военные действия. Я предлагаю вам посмотреть.

— Мне, я думаю, не мешает проверить осциллятор номер три, пока мы летим не с такой уж большой скоростью.

Лейтенант улыбнулся. Он воздержался от того, чтобы сказать Синтию:

«Ты хороший парнишка! Интересно, неужели ты действительно сбежал во флот из-за ваших вечно раздраженных женщин?»

Далее он подумал так: «Система воспроизведения — половые характеристики, появление потомства — похоже, составляет значительную часть основы разумных существ. Вероятно, верным было циничное замечание насчет того, что организм — это просто молекула ДНК. Или любые химические элементы, которые наследственность может принести в этот мир. Но нет!

Церковь не поверила бы в это. Биологическая наследственность располагает, а не руководит».

— Давай-ка посмотрим, как итриане работают, — сказал он вслух, потянувшись к выключателю.

— А разве вы еще не знаете, сэр? — Спросил Ва Чау. Клочок пространства, который мы вроде бы исследуем, так и кишит различными расами. И кроме того, я был слишком занят, привыкая к своим новым обязанностям. — Рошфор хихикнул. — И готов признаться, я еще предвкушал и возможный отпуск! Включил экран. Итрианин, идущий на ногах, которые росли из его крыльев. Была довольно медленной и подпрыгивающей и явно не годилась для больших расстояний. Существо остановилось, протянуло руки к земле и утвердилось на четвереньках. Потом оно расправило крылья — и внезапно стало прекрасным! И сбоку на его теле появились продольные щели.

Когда крылья поднялись, защищающая их перистая завеса отошла назад, щели увеличились и походили теперь на пурпурные рты. Теперь существо занимало весь экран. Ткань видна была так явственно, что стала заметной каждая морщинка. Когда крылья опустились, щели снова закрылись. Лектора сказал:

«Именно это и помогает летать такому тяжелому телу при притяжении и давлении газовой оболочки, близким к земным. Итриане более чем в два раза превышают размерами самое большое из земных летающих существ. Антибраторы,

накачиваемые движениями крыльев, принимают под давлением кислород и направляют его прямо в кровь. Таким образом они выполняют функцию, более или менее подобную той, какую выполняют легкие земных животных. Итриане обладают необходимой для подъема силой, и летают быстро и красиво». Вновь отошло в глубину экрана. Сильно взмахнуло крыльями и полетело быстро, как стрела. Сухой голос, — эта энергия может получаться в результате значительного ускорения метаболизма. За исключением того времени, когда они находятся в состоянии полета, итриане очень прожорливы. Они плотоядные, хотя в их рацион входит немалое количество сладких фруктов. Их аппетиты, без сомнения, увеличивают обычную тенденцию плотоядных жить маленькими, отделенными друг от друга группами, каждая из которых занимает большую территорию и чей инстинкт побуждает их защищать эти территории от вторжений. Чтобы лучше понять итриан, нужно соединить все наши возможные знания с догадками об эволюции их расы. Догадок, чем знаний, — заметил Рошфор. Однако он не мог не признаться себе, что зрелище зачаровывало его.

* * *

Верим в то, что гомотермическая, грубо говоря, теплокровная жизнь на Итри не произошла от рептилий или рептилоидной расы, но прямо от амфибии, хотя и связанной, быть может, с обладающими легкими рыбами. Во всяком случае, она обладает родом жабр. Те экземпляры, которые с успехом нашли себя на Земле, неизбежно теряют эту черту. Более примитивные животные ее сохраняют. Среди них были те маленькие, возможно, обитающие в болотах существа, что стали предками софонта. Поднявшись к вершинам деревьев, они могли развить перепонки и скользить на них от сука к суку. В конце концов перепонки преобразовались в крылья. Тем временем жабры трансформировались в аэрональное устройство, в суперзарядитель.

— Обычная история, — прокомментировал Ва Чау. — Неудачи на одной стадии превращаются в успехи на другой.

— Конечно, итриане могут подниматься высоко и даже парить, — сказал голос, — но этого они достигают благодаря огромной маховой площади крыльев, а ими они оперируют благодаря антибраторам.

К общим чертам относится и легкая костная система. Хотя и более сложная, она сделана из удивительно выносливого материала, чей органический компонент состоит из коллагена, из субстанции, выполняющей функции костного мозга земных млекопитающих. Животное, однако, не увеличило свой вес за счет традиционного клюва. Многие итрианские орнитоиды имеют, например, ухотов, похожих внешне на коршунов, но выполняющих функции собак. Но прасофонты напоминали обитателей джунглей.

Тот факт, что молодняк рождался крошечным и беспомощным, — ибо женские особи не могут летать на большие расстояния в состоянии беременности — и явился, по-видимому, причиной образования на крыльях отростков. Детеныш мог по очереди прикрепляться к одному из родителей, когда они летели за едой. До того как научиться летать, он мог пользоваться этими отростками, чтобы вскарабкаться на дерево, спасаясь от врагов. Со временем отростки развились в конечности, и итриане получили возможность свободно ими оперировать.

Короткий период беременности не означает, что итриане рождаются с плохо развитой нервной системой. Быстрый метаболизм полета

ускоряет процесс деления клетки. Этот процесс концентрируется скорее на шлифовке отдельных частей тела, нежели на увеличении их размера.

Тем не менее младенец-итрианин требует большей заботы и большего количества еды, чем земной. Родители должны кооперироваться, искать корни полового равенства или почти равенства всех итрианских культур.

Подобным образом невозможно было бы сохранить при примитивных условиях быстрое воспроизведение потомства. Может быть, в этом причина того, что женская особь способна к овуляции через год — итрианский год равен примерно половине земного, — а не через два года после того, как родит. Половые инстинкты не играют особой роли в иные периоды, кроме этого. Тогда же они становятся бесконтрольно сильными как у женской, так и у мужской особи. После того как интеллект развился до определенной степени, стали играть немаловажную роль территориальные моменты. Родители желают в подобный период оградить своих высокородных дочерей от ищущих случая мужских особей. В дальнейшем муж и жена не желают тратить сильное, но редкое возбуждение на чужих.

Сексуальный цикл не является полностью

неподвижным. Как правило, он заканчивается скорбью. Несомненно, это является находкой самой природы, желающей возместить потерю. Она как бы приносит в психику итриан черты Эроса и Токаты одновременно, и это составляет особенность именно этой расы, хотя и не очень понятную человеку. Иногда женская особь может овулировать по собственной воле, хотя подобное явление считается аморальным: в старые времена она была бы убита, теперь же ее, как правило, избегают из страха перед властью. Главным злодеем итрианской истории является существо мужского пола, которое могло по желанию достигать нужного состояния. Конечно, самым важным доказательством гибкости их природы является тот факт, что итриане с успехом приспособились в своем воспроизведении, как и во всем другом, к разнообразию условий колонизированных планет.

— Думаю, что мне больше нравится быть человеком, — сказал Рошфор.

— Не знаю, сэр, — ответил Ва Чау. — На первый взгляд, связь между полами выглядит более простой, чем у вашей расы или у моей: вы или в настроении, или не в настроении, и это все. Но я бы не удивился, если бы они оказались более

тонкими и сложными, нежели мы с нашими эмоциями и моральными нормами, даже более взаимосвязаны со своей психологией.

— Но вернемся к эволюции, — говорил лектор. — В главных своих чертах она напоминает ту, что была пережита земной Африкой. Орнитоиды были вынуждены выйти из лесов в саванну. Здесь они эволюционировали от едоков-хищников к крупным охотникам, вроде аналога предка человека. То, что раньше выполняло функцию ног, стало руками и принялось делать инструменты для работы. Для поддержки тела и передвижения по земле локтевые когти стали выполнять функцию ног, ступней, а крылья превратились в подобие самих ног.

И все же разумный итрианин оставался хищным существом, причем не слишком хорошо чувствовавшим себя на земле. Примитивные охотники, нападавшие сверху с копьями, стрелами и топорами. Оружия вполне хватало, чтобы справиться с самыми крупными животными. Не было нужды кооперироваться между собой для расстановки девушек на слонов или вставать плечом к плечу, чтобы вместе идти на льва. Общество оставалось разделенным на семьи или кланы, которые редко воевали между собой, да и

вообще общались.

Революция, закончившая Каменный век, не имела на первом плане сельское хозяйство, как это было в случае с человеком. Она выросла из целенаправленного выращивания и разведения крупных наземных животных, таких как маунхи, и более мелких, как длинноволосые майавы. Это стимулировало развитие некоторых изобретений: рельс, колесо и тому подобное; жизнь вынуждала итриан прочнее укрепиться на Земле. Сельское хозяйство было изобретено в помощь ведению ранчо как средство добычи корма для скота. Излишек еды оставлялся для путешествий по делам торговли, для обмена и расширения культурных связей.

В дальнейшем комплекс социальных отношений усложнялся.

Их нельзя было назвать цивилизацией в полном смысле этого слова, потому что итриане никогда не знали настоящих городов. Благодаря своим крыльям они обладали подвижностью, которая позволила им достигнуть нужной близости без житья друг около друга. Конечно, кое-какие центры неизбежно возникали: горнодобывающие, металлургические и прочие промышленные, торговые и религиозные, пред-

назначенные для защиты в том случае, если одна группа была побеждена другой в воздушной битве. Но они всегда были маленькими, а население их непостоянным. Если не считать управляющих и гарнизона, постоянное их население составляли лишь рабы со связанными крыльями; сегодня их место заняли самоуправляющиеся машины. Перевязывание крыльев являло собой метод легкого контроля над существом. Однако, поскольку перья вырастали быстро, в обычае было давать клятву в том, что после некоторого периода службы раб получит свободу, и это способствовало миролюбивому настрою пленников. Таким образом рабство вошло в индустриальный период итрианского общества, и даже не полностью исчезло и по сей день.

«Что ж, мы возрождаем его и в Империи, — подумал Рошфор. — Согласно некоторым ограничениям закона, как наказание или как средство извлечь пользу из преступников. Как бы там ни было, мы пытаемся вернуть к жизни то, что итриане обрекают на вымирание. Насколько же мы сильнее в области морали, чем они? Насколько у нас больше прав? — Он выпрямился в своем кресле. — Человечество — это моя раса!»

Гибкая, как ива, блондинка, чья одежда носила

отпечаток эсперанской старомодной склонности к простоте, Ева Дэвиссон являла собой приятный контраст с Филиппом Рошфором, о чем им обоим было хорошо известно.

Он был высоким, довольно стройным молодым человеком с атлетически развитой мускулатурой. Черты его лица были правильными и крупными.

Блестящие черные волосы хорошо гармонировали с темно-коричневой кожей лица. И он максимально модернизировал свою одежду: лихо заломленная шапочка с эмблемой Империи, отороченная золотой каймой, голубой китель, алый плащ и кушак, снежно-белые брюки, заправленные в невысокие сапожки из кожи земного быка.

Они сидели в ресторане Флервиля, возле окна, из которого открывался вид на сады и звезды.

Сонорист наигрывал что-то старинное и сентиментальное. В воздухе плыли изысканные, слегка опьяняющие ароматы. Ева с Филиппом забавлялись набором закусок и уделяли весьма серьезное внимание шампанскому. Но, однако, Ева не улыбалась.

— Этот мир населен людьми, которые верят в мир, — сказала она. — Тон ее был скорее мрач-

ным, чем обвиняющим. — Поколениями они не содержали вооруженных сил, а полагались на добрую волю тех, кому помогли.

— Однако эта добрая воля не спасла от беспорядков, — сказал Рошфор.

— Я знаю. Я знаю! Я не стану присоединяться к тем из моих друзей, которые, узнав, что я выходила с имперским офицером, не преминут кое-что сказать.

— Если на вас нападут, это ранит сильнее. Авалон не далеко, и там большие силы.

Ее пальцы замерли на ножке бокала.

— Нападение с Авалона? Но я встречалась с этими людьми, с представителями обеих рас. Они прилетали сюда по торговым делам, на экскурсию. Я и сама не так давно летала туда. Все было так мило, что мне не хотелось возвращаться назад!

— Не думаю, чтобы манеры итриан не отразились на поведении их коллег-людей. — Рошфор постарался заставить свой голос звучать как можно более непринужденно.

Он надеялся, что это прогонит ее раздражение, вечер не должен превращаться в демонстрацию политических убеждений.

— Так же, как последние не сгладили своим

примером наиболее неприятные черты итриан.

Она долго изучала его в мягком свете, прежде чем сказать:

— У меня такое впечатление, что смешанная колония не вызывает у вас одобрения.

— Ну, в некотором смысле, да, — он готов был во всем соглашаться с ней, лишь бы это увеличило его шансы на последующий у нее успех. Однако подобный прием не казался ему честным. Он вообще не любил к нему прибегать, а в данном случае — особенно, потому что эта девушка интересовала его как личность.

— Я верю в то, что нужно быть тем, кто ты есть, и поступать соответственно.

— Вы говорите почти как человек, ощущающий свое преимущество, сказала она, и голос ее звучал довольно холодно.

— Если ограничиться сознанием того, что человек принадлежит к ведущей расе технической цивилизации, то да, я полагаю, здесь меня можно назвать «ощущающим свое преимущество», — согласился он. — Это вовсе не означает, что мы обладаем полным правом притеснять других. Например, люди моего сорта являются лучшими друзьями ксенософонтов. Мы просто не хотим их имитировать.

— Вы верите в то, что Земная Империя является силой, ведущей к добру?

— В общем, да! Она содержит в себе дьявольское! Но этого не может избежать ничто смертное! Наш долг — исправлять неверное. А также распознавать ценность того, что Империя держит в скрытом состоянии.

— Может быть, вы оставили на долю дьявольского слишком мало.

— Потому что я сам с Земли? — Хмыкнул Рошфор. — Дорогая моя, вы достаточно умны для того, чтобы не считать, будто материнская система населена сугубо аристократами. Мой отец является мелким служащим Социологодинамической службы. Его карьера заставляла нас много путешествовать. Я родился в Селенополисе, который является космопортом и цианофакторным центром. Я провел несколько ярких лет на Венере, планете преступлений и власти, чье преобразование не было завершено удовлетворительным образом. Я вступил в ряды флота — не из шовинизма, а лишь ради мальчишеского желания посмотреть Вселенную — и не поступал в штурманскую школу еще два-три года. За это время я успел увидеть темные стороны многих миров. Конечно, в космосе еще полно места, чтобы

можно было исправить впечатление. Так будем же исправлять его, а не рвать на части. И будем защищаться!

Он помолчал.

— Черт возьми, — честно признался он, — я надеялся отвлечь вас от серьезной темы, а сам ринулся ей навстречу.

Теперь рассмеялась девушка. Она подняла бокал.

— Давайте же поможем друг другу, — сказала она.

Так они и сделали.

Отдых Рошфора был в высшей степени приятным. И это было большой удачей, ибо когда две недели спустя он вернулся из отпуска, «Аиза» получила приказ выйти в открытый космос.

В нескольких световых годах от Пано она присоединилась к флоту, который использовал необъятные просторы космоса для того, чтобы укрыть свои намерения. Сотни кораблей устремились по направлению к Доминиону Итри.

Глава 5

Конференция проводилась по фону. Как и большая их часть в эти дни.

Такое положение дел противоречило древнему авалонскому этикету, но экономило время — а время становилось все большей и большей ценностью, думал Дэннель Холм.

Гнев проявлялся во всем. Два-три изображения на экранах перед ним, казалось, вот-вот вылезут за их рамки. Он не сомневался в том, что производил на обладателей этих изображений такое же впечатление.

Мэттью Викери, президент Парламента, сказал, нервно хрустя пальцами:

— У нас нет армии, посмею вам это напомнить, потому что мне кажется, что вы об этом забыли. Мы, по-настоящему гражданское правительство, одобрили ваши меры защиты, принимавшиеся несколько лет, хотя вы знаете, что лично я всегда считал их крайними. Когда я думаю о процветании, которого мы могли бы достичь. И вы сможете построить в четвертом измерении такие базы, которые в будущем защитили бы нас

против любого вторжения?

— Вы всегда склонны смотреть только в будущее, — сказал Ферун. — Та его часть, которая вскоре должна наступить, приятной не будет.

Холм скрестил ноги, откинулся на спинку кресла, выпустил клуб дыма в изображение Викери и фыркнул:

— Не нужно громких слов, вас и так переизберут, так что жаловаться не на что.

— Во всем виновато ваше крайнее легкомыслие, — объявил Викери. Самым ошеломляющим был ваш последний приказ о выводе из Лауриан-ской системы всех неитрианских кораблей. Вы понимаете, какую торговлю мы ведем.

Не только с Империей, хотя здесь особенно большая выгода, но и с неприсоединившимися цивилизациями, подобными Кроакоаку?

— Вы понимаете, как легко было бы для землян проникнуть, замаскировавшись, на орбиту Авалона? — Холм повысил голос. — Несколько тысяч мегатонн, сброшенных с такой высоты при отсутствии облачности заставили бы запылать костром половину Короны. Или же они могли проявить еще большую хитрость и приземлиться как мирные торговцы. Компьютеры сознания не слишком широко используются в наше время,

когда проводится не так много исследований, но они могут быть построены, включая и побуждение к самоубийству. Подобный взрыв может быть проведен в пределах защитной системы города. Он был вывел из строя генераторы, оставив город беспомощным. Радиоактивная пыль отравила бы все в окрестностях. А вы, Викери, помогли отвоевать у нас половину блока, нужного нам для убежища!

— История, — сказал президент. — Что выиграет Земля от мгновенной автократии? Не то чтобы я полностью отрицал возможность войны, если мы не охладим пыл своих горячих голов. Но. В общем, возьмите эту смехотворную программу, к осуществлению которой вы всех подстрекаете. — Взгляд его обратился в сторону Феруна. — О, это дает целой куче молодежи прекрасный предлог болтаться без дела, мешать занятым людям, отдавая им категоричные приказы, ощущать свою важность и смотреть на общество как на источник доходов, но если говорить о флоте, который вы строите и всячески укрепляете, отрывая деньги от наших насущных нужд, то если об этом флоте станет известно, земляне, возможно, никогда не захотят приблизиться к нам.

Кто же тогда заменит их нам?

— Мы находимся неподалеку от их главного сектора, — напомнил ему Ферун. — Они могут ударить первыми, и удар этот будет ошеломляющим.

— Я слышал об этом столько раз, что просто не могу слушать больше. Викери помолчал. — Спасибо вам большое, но я предпочитаю разрабатывать программу самостоятельно. Видите ли, — продолжал он более миролюбивым тоном, — я согласен с тем, что положение возникло критическое. Мы все с Авалона. Коли я чувствую уверенность в том, что ваши предложения неумны, то я говорю об этом людям и в Парламенте. Но в конце концов мы достигнем компромисса, как благоразумные существа.

Лицо Феруна сморщилось. Хорошо, что Викери не заметил этого выражения. Льзу из Тарнов сидел с невозмутимым видом.

Холм проворчал:

— Продолжайте!

— Я должен обсудить оба ваших начинания и их последствия, — сказал Викери. — У нас не военная диктатура, и у Компакта нет никаких оснований объявлять осадное положение.

— Не было раньше, — сказал Холм. — В настоящем опасность видна, но я не думаю, что нужны

крайние меры. Адмиралтейство ответственно за местную защиту и связь с вооруженными силами повсюду в Доминионе.

— Что не помешает вам остановить торговлю, увеличить армию или придумать что-нибудь еще, что помешает нормальной жизни Авалона. Мы с моими коллегами очень обеспокоены создавшимся положением и считаем, что нужно предпринять какие-то меры. Но сегодня необходимо напомнить вам о том, что вы слуги народа, а не хозяева. Если народ захочет отстранить вас от дел, он сделает это, выставив своих представителей.

— Круач уже собирался и представил Адмиралтейству самые широкие полномочия, — проговорил своим скрипучим голосом Льзу из Тарнов. Он был стар, с проседью в оперении, но держался прямо и уверенно; и на экране за ним виднелся утес с ледником на вершине.

— Парламент.

— Там все еще идут дебаты, — прервал его Холм, желая покончить с делом. — У земной империи нет таких помех. Если вам нужна формулировка с точки зрения закона — что ж, считайте, что мы действуем по закону чоса.

— У чосов нет правительства, — сказал Викери,

побагровев.

— Что такое правительство? — Спросил Льзу.

— Ну. Законная власть.

— Да! Закон диктуется традициями, и это неоспоримый факт. Закон опирается на вооруженные силы, и это непреложный факт! Правительство является такой организацией, которая обязана воплощать в жизнь чаяния своего народа. Правильно ли я понял ваших философов и историков, президент Викери?

— Да. Но.

— Вы, кажется, упустили из виду, что чосы были не более единодушны, чем ваши человеческие фракции, — сказал Льзу. — Поверьте мне, в них существовал, да и сейчас существует, раскол. Хотя большинство проголосовало за введение последних мер защиты, меньшинство протестовало против них: они считают — подобно вам, президент Викери, — что опасность преувеличена и не стоит нести такие большие затраты.

Льзу молча сидел, а остальные слышали свист ветра и видели фигуры двух его внуков, летавших неподалеку. Один имел при себе обнаженную шпагу, передававшуюся от дома к дому как символ войны, другой — бластовое ружье.

Высокий Виван сказал:

— Чосы отказываются вносить свою долю. Мы с моими сторонниками угрожали созвать Сэрвен против них. Если бы они не согласились, мы бы выполнили свою угрозу. Мы считаем, что серьезность положения требует этого.

Холм хмыкнул: «Раньше он мне ничего подобного не говорил!»

Ферун держался почти так же спокойно, как и Льзу.

Викери тяжело дышал. Пот выступил на его лице. Он быстро вытер его.

«Мне почти жаль его, — подумал Холм. — Так внезапно столкнуться с такой жестокой реальностью».

Мэттью Викери следовало бы оставаться экономистом-аналитиком, а не заниматься политикой. (Тут Холм не мог ни подумать о том, как удивительно изменился он сам). Тогда он был бы безобидным и действительно приносил бы пользу: межпланетная экономика как ничто другое нуждается в знаниях и тех, кто может ей их дать.

Беда в том, что на планете, где плотность населения так мала, как на Авалоне, правительство никогда не играло такой особо важной роли, если не считать основных аспектов экологии и защиты. В последнее же время функции его

несколько расширились, ибо человеческое общество изменилось под итрианским влиянием. Голоса охотно отдавались за тех лиц, которые выглядели наиболее управляемыми. Так, реакционно настроенные люди отдавали свои голоса за Викери, который с тревогой смотрел в сторону итрианизации.

(Не оправданная ли это тревога? Больше в эти неопределенные времена предложить ему было нечего!).

— Вы понимаете, что это должно остаться между нами? — Сказал Льзу. Если начнутся разговоры, сомневающиеся чосы сочтут свою гордость смертельно оскорбленной.

— Да, — прошептал Викери.

Опять установилось молчание.

Сигара Холма догорела и теперь жгла ему пальцы. Он притушил ее.

Запахло паленым. Он закурил новую. «Я слишком много курю, — подумал он. Может быть, и пью слишком много в последнее время. Но дело сделано, насколько это позволяют обстоятельства».

Викери облизал губы.

— Это дает начало. Еще одной сложности? — Спросил он. — Могу ли я говорить прямо? Я

должен знать, является ли это намеком на то, что. Вы сами можете придти к заключению «о необходимости ответных действий».

— У нас есть лучшее применение для нашей энергии, — сказал ему Льзу.

— Может быть, ваши усилия в Парламенте увенчаются успехом.

— Но. Вы понимаете, что я не могу изменить своим принципам. Я должен иметь возможность говорить свободно.

— Это записано в соглашении, — сказал Ферун.

И хотя за этими словами последовала цитата, вставка ее не показалась многословной даже с точки зрения итрианских критериев.

— Люди, населяющие Авалон, имеют неограниченные права свободы слова, печати, радиовещания, ограниченные только всеобъемлющим правом неприкосновенности личности и требованиями защиты от чужеземных врагов.

— Я хотел сказать. — Викери сглотнул. Годы политической деятельности не прошли для него даром. — Я хотел только сказать, что дружеская критика и предложения всегда имеют право на существование, — сказал он со всей любезностью, на которую был способен. — Как бы там ни было, мы не можем допустить возможность

гражданской войны. Можем ли мы обсудить детали политики непартизанской кооперации?

За этими простыми словами можно было ощутить страх.

Холму показалось, что он почти способен читать мысли Викери, пытающегося постичь все значение сказанного Льзу.

* * *

Как может суровая, могущественная, разбитая на кланы и рассеянная территориально раса регулировать свои общественные дела?

Как и на Земле, различные культуры Итри в различные периоды ее истории давали множество ответов на этот вопрос, но ни один из них не казался полностью удовлетворительным, особенно на длительный период.

Ораторы Планха были наиболее могущественными и прогрессивными, когда прибыли первые исследователи. Некоторые, поддаваясь искушению, называют их «хеленистинами».

Легко приспособившись к современной технологии, они вскоре вовлекли других в свою систему, приспосабливая ее в то же время к изменяющимся условиям.

Это было нетрудно, потому что система не тре-

бовала строгого единства.

Внутри своего владения — состояло ли оно из ряда разбросанных земель или из единого участка земли или моря — чос был независимым. Принципы управления чосом подсказывались традицией, хотя и сама традиция медленно изменялась, как неизбежно меняется все живое. Племя, анахронизм, деспотизм, свободная федерация, теократия, клан, увеличивающаяся семья, корпорация и еще множество понятий, для обозначения которых нет человеческих слов — все это включал в себя чос.

Вечное «нужно» определялось скорее обычаем и общественным мнением, нежели предписанием и силой. В конце концов, семьи редко жили в тесном единстве. Таким образом, разногласия были минимальными. Обычной мерой наказания было изгнание из союза или, как исключение, рабство. Между ними лежало изгнание общее. За особый проступок, ценою в жизнь, совершивший его мог быть убит другим безнаказанно, и помощь первому расценивалась как столь же тяжкое преступление.

Другим возможным приговором было изгнание, автоматически оканчивающееся по истечении установленного срока. То было су-

ровое наказание для итриан. С другой стороны, особо недовольные могли легко оставить дом (как удержать в небе?) И примкнуть к другому чосу, более отвечающему их вкусу.

Теперь, конечно, некоторые признанные группы должны были время от времени собираться вместе и принимать соответственные решения. Подобным образом должны были устраиваться междучосовые диспуты и сообща решаться общеполитические и другие вопросы. Вот так в прошлом и возник Круач периодическое собрание всех свободных взрослых.

Оно обладало законными и ограниченно законодательными правами, но не административными. Выигравшие судебные процессы удачливые покровители планов и указов могли полагаться на желание подчиниться им или на ту силу, которой им удавалось стать в глазах других.

По мере развития общества Планха, региональные сборища, подобные этим, начали выдвигать кандидатов на годовой Круач, покрывавший более обширные территории. Те, в свою очередь, посылали своих представителей в Высший Круач всей планеты, встречавшийся каждые шесть лет плюс в дополнительные и непредвиденные

случаи. На каждом уровне избирался президиум, виваны. На него были возложены обязанности вносить ясность в спорные моменты (разъяснение законов, обычаев, прецедентов, решений), а также разбор всевозможных тяжб.

Эту организацию нельзя было назвать советом, потому что любой свободный взрослый мог участвовать в работе Круача на том уровне, на котором желал.

Подобное устройство не могло бы иметь место на Земле; подобие его версии появилось однажды и там, давным-давно, но закончилось кровавым поражением.

Но итриане менее болтливы, менее заняты своим делом, менее склонны к упрямству, менее перегружены опытом прошлого, чем человек. Современные средства коммуникации, компьютеры, информационные приборы, обучающие машины помогли системе распространиться вширь, по всему Доминиону.

Прежде чем она достигла подобного состояния, ей пришлось столкнуться лицом к лицу с проблемой администрации.

Необходимые общественные работы должны были иметь над собой материальную основу. Теоретически, чосы должны были делать добро-

вольные вклады, на практике же оказалось, что поддержка должна быть постоянной.

Поведение, причиняющее крупный вред физическому или социальному окружению, должно было быть запрещено вне зависимости от того, каким бы правильным оно не считалось в отдельных чосах или рассматривалось ими как специфическая наследственность.

И все же не существовало машины для принуждения, и итриане не мыслили о том, что нужно ее создать.

Вместо этого в тех случаях, когда несогласие принимало угрожающие размеры, виваны соответствующего Круача вызывали обвиняемых на Сэрвен.

Последний, проводимый после долгих размышлений и серьезнейшей церемонии, требовал присутствия каждого из проживающих на данной территории: ради их собственных интересов и особенно ради их чести, обвиняемые должны были предстать перед подобием суда.

В прежние времена Сэрвен на целый чос означал его конец — обращение в рабство тех, кто не был убит, с разделением их между победителями. Позднее он стал заканчиваться арестом и изгнанием тех, ко признавался лидерами. Но всегда он

проводился под знаком высшей гордости. Если вызов на Сэрвен отклонялся, как это случалось, когда обвинение не было достаточно подтверждено фактами, что можно было признать его правомочным, то требовавшие его виваны вынуждены были кончать жизнь самоубийством.

С учетом характера итриан, Сэрвен играл у них такую роль, какую играет полиция у людей. Если ваше общество не потеряло моральные качества, то насколько часто вы можете вызывать полицию?

Никто, из знавших Льзу из Тарнов, не представлял себе, чтобы он сказал не правду насчет угрозы разорвать Авалон на части.

Глава 6

Там, где могучий Саггитариус впадал в залив, Центаур, второй город Авалона — единственный, кроме Грея, имевший определенное название пестрел зданиями речного, морского и космического портов, промышленного и торгового центров.

Этот Центаур был, в основном, городом людей и походил на многие имперские города, полный толкотни, суматохи, шума, веселья, а иногда и опасностей.

Находясь в нем, Аринниан большую часть времени был вынужден быть Кристофером Холмом и вести себя так, как подсказывало ему его имя.

А теперь этого требовали и его новые обязанности.

Он не удивился назначению его верховным офицером охраны Западного Коронана после организации этого рода войск: в их обществе семейные традиции были нормой.

Но что его удивляло, так это то, что он как будто справлялся со своими обязанностями довольно успешно и даже получал некоторое удоволь-

ствие, исполняя их. Он, кто всегда насмехался над «пастухами»!

Через несколько недель в его районе действовала хорошо организованная армия, постоянно проводились учения, были улажены вопросы снабжения и коммуникации. (Конечно, большим подспорьем служило то, что большая часть авалонян являлись завзятыми охотниками, даже если речь шла о больших группах. И то, что беспорядки оставили в память о себе военные традиции, которые нетрудно было возродить, и то, что совет старого Дэннеля всегда был к его услугам).

Организации подобного рода возникали повсюду. Им нужно было координировать свои действия с мерами, предпринимаемыми братством Симен.

Была созвана Конференция. Она работала с полной отдачей и разрешала все вопросы, поступавшие на ее рассмотрение.

По окончании Аринниан сказал:

— Хилл, ты не хотела бы это отпраздновать? Может случиться так, что нам больше не представится такая возможность. — Это был отнюдь не экспромт. Он думал об этом два последних дня.

Табита Фалкайн улыбнулась:

— Конечно, Крис! Все так делают!

Они пошли по Лайвелл-стрит. Ее рука покоилась в его. Субтропическая жара заставляла кожу покрываться потом.

— Я. А почему ты чаще всего называешь меня моим человеческим именем?

— Спросил он. — И говоришь со мной на англике?

— Мы люди, ты и я! У нас нет перьев, чтобы пользоваться планхом по всем правилам. Почему ты против?

Несколько мгновений он колебался.

«Это сугубо личный вопрос. Нет, я полагаю, она просто снова мыслит как человек».

Он остановился и повел свободной рукой.

— Посмотри на все это и перестань философствовать, — сказал он. И тут же испугался, что проявил невежливость.

Но высокая белокурая девушка повиновалась.

Эта часть улицы пролегала вдоль канала, вода в котором была покрыта масляными пятнами и засорена отбросами.

Повсюду, куда ни глянь, баржи, а сам канал казался зажатым между двумя рядами плотно притиснутых друг к другу зданий, чьи ободранные фасады тянули свои десять-двенадцать этажей к ночному небу. Звезды и белый полуме-

сяц Морганы терялись в ярком искусственном свете, мигании реклам и надписей. (Грог, Танцы, Еда, Лучшие земные ощущения, Дом развлечений, Спешите к Марии Джуанс, Азартные игры, Обнаженные девушки.) Наземные машины заполняли дорогу, толпа текла по тротуару — моряк, летчик, сплавщик, рыбак, охотник, фермер, пьяный, еле-еле стоящий на ногах, еще один пьяный, согнутый волосатый человек, стоящий на углу и выкрикивающий что-то невнятное — бесконечный людской поток, смеющийся, болтающий, перекрывающий своими голосами шум уличного движения, шарканье ног, тявканье громкоговорителей.

Воздух вонючий, пропитанный дымом, маслом, запахом пота, плоти и дыхания, насыщенный испарениями окрестных болотистых земель, не кажущимися зловонными там, за городом, но кажущимися таковыми здесь.

Табита улыбнулась ему как-то по-новому:

— Я называю это забавой, Ирис, — сказала она. — Для чего еще мы сюда пришли?

— Ты ведь не стала бы. — Он запнулся. — Я хочу сказать, человек, подобный тебе?

Он поймал себя на том, что неотрывно смотрит на нее. Они оба были одеты в блузы без рукавов,

кильт и сандалии. Одежда липла к мокрым телам, но несмотря на влажную кожу и запах женского тела, который он не мог не заметить, в ней ясно угадывалось существо моря и открытого неба.

— Конечно же, что плохого в том, чтобы быть иногда вульгарным? Сказала она, дружелюбно улыбаясь ему. — Ты слишком пуританин, Крис!

— Нет, нет, — запротестовал он, боясь теперь, как бы она не сочла его наивным. — Разборчивый — может быть. Но я часто бывал здесь и. Э. Получал удовольствие. Я пытался объяснить, что я горжусь тем, что принадлежу к чосу, и не могу гордиться тем, что члены моей расы могут жить в грязи.

Неужели ты не понимаешь, что это и есть то самое, древнее, чего стремились избежать пионеры.

Табита произнесла одно слово. Он отшатнулся. Айат никогда бы не сказала такого!

Девушка усмехнулась.

— О, если ты предпочитаешь, пусть будет ерунда, — продолжала она. — Я читала записи Фалкайна. Он и его последователи не хотели ничего, кроме комнаты, в которой им бы никто не мешал, — она подтолкнула его вперед. Как насчет обеда, которым мы собирались заняться?

Он молча повиновался.

Он почувствовал себя несколько лучше в полумраке респектабельного Фениксхауза. И немаловажно оказалось то, отметил он про себя, что в комнате было прохладно, и ее одежда уже не обрисовывала с такой откровенностью формы ее тела, как на улице.

Обслуживание было хорошим.

Она заказала коктейль «котфлауэр». Он отказался.

— Давай же, — сказала она. — Вылези из своей скорлупы!

— Нет, спасибо, я не хочу! — Он легко нашел нужные слова. — Зачем притуплять свои чувства в счастливый момент?

— Мне кажется, что я уже слышала раньше эту фразу. Поговорка Врат Бури?

— Да. Хотя, думаю, в Высоком Небе тоже не пользуются наркотиками.

— Не пользуются. Подчиняются старинным правилам. Большая часть из нас придерживается старых правил, ты же знаешь. — Некоторое время Табита внимательно смотрела на него. — Твоя беда в том, Крис, что ты слишком стараешься! Расслабься! Старайся быть своим среди тебе подобных! Много ли есть людей, с которыми ты

близок? Держу пари, единицы!

Он заставил себя сдержаться.

— Последнее время я часто с ними виделся.

— Угу! И вынуждает ли к этому дело или нет — разве это плохо? Я не стала бы пытаться вмешиваться в чужую жизнь, я не хочу учить тебя уму-разуму, но факт остается фактом: мужчина или женщина, пытающиеся вести жизнь итриан, стараются впустую!

— Что ж, после трех поколений тебе, должно быть, неспокойно в твоем чосе, — сказал он, осторожно отмеривая уровень сарказма. Ты достаточно много времени проводишь в краю людей, не так ли?

Она кивнула.

— Несколько лет. Я перепробовала разные профессии: охотницы, рыбачки, старательницы, чуть ли не большую часть авалонских профессий. Я получила большую часть доли в начатом деле Драуна — и оставила ее на различных покерных столах! — Она рассмеялась. — Черт возьми! Иногда кое-что действительно легче объяснить на планхе! — И очень серьезно добавила:

— Но вспомни, я была юной, когда мои родители пропали в море. Меня удочерила итрианская семья. Они и вдохновляли меня на бродячую

жизнь: таков обычай Высокого Неба.

Моя верность и благодарность чосу крепла. Просто. В общем, я считала себя его членом, который, волей судеб, является человеком. В таком аспекте, у меня есть что предположить, когда. — Она прервала себя и обернулась. — А вот и моя порция! Поговорим-ка об обыденных вещах, я истосковалась по этому в Сент-Ли!

— Думаю, я тоже выпью, — сказал Аринниан.

Он обнаружил, что напиток помогает.

Вскоре они весело обменивались замечаниями. Поскольку ее жизнь была куда более наполненной приключениями, чем его, ему скучать не приходилось.

Бывали и в его жизни случаи, когда он мог оказаться в не меньшей опасности, чем угрожали ей: когда он скрывался от родителей на осаждаемых прибоем Островах Щита или когда он встретил спадатонта на суше, имея при себе лишь копье. Но, хотя таких случаев было немного, он обнаружил, что она попала под сильное впечатление его воспоминаний. Она никогда не совершала межпланетных путешествий, если не считать короткой поездки на Моргану.

Он, сын флотского офицера, получил возможность увидеть всю Лаурианскую систему от

разрушенного солнцем Элизиума и многочисленных лун Камелота до темного, любимого кометами Утгарда. Говоря о хрупкости голубого мира Фзеации, он получил возможность процитировать строки Гомера, и она пришла в восторг и просила прочитать ей еще и спрашивала, что еще написал этот парень, Гомер, и разговор перешел на книги.

Еда была смешанной, составленной из блюд обеих рас: рыба, тушеная в пискоиде и томате, пирог с говядиной и шуа, салат из листьев властергрейна, груши, кофе, сдобренный белым корнем. Дополнением послужила бутылка вытяжки из него. В конце еды Аринниан, уже ставший свидетелем некоторой легкости поведения Табиты, был шокирован, когда она закурила трубку. — Как насчет того, чтобы заглянуть в гнездо? — Предложила она. Мы могли бы разыскать Драуна. — Ее компаньон был начальником по охране. В Центауре она была его помощницей. Но положение чоса о рангах было одновременно и более сложным, и более гибким, чем у Техников.

— Что ж, хорошо, — ответил Аринниан.

Она наклонила голову:

— Правда согласен? Я бы подумала, что ты предпочитаешь итрианский гангут любому месту в

этом городе. — Это был единственный публичный дом, предназначенный специально для орнитоидов, гостями которого они были нечасто.

Он нахмурился.

— Я не могу не чувствовать, что таверна — это не самое лучшее место.

Для них, — добавил он поспешно. — Я не гордец, пойми!

— Но все же ты не возражаешь, когда люди подражают итрианам. Ух-ух!

На двух крыльях не получается! — Она встала. — Давай заглянем в пивнушку Гнездо, выпьем с другом, если встретим его, почитаем стихи. А потом дансинг-клуб, идет?

Он кивнул, несмотря на ускорившийся пульс, довольный, что она была в радужном настроении. Никакая техника не могла позволить ему принять участие в итрианских воздушных танцах, но по полу можно передвигаться в объятиях другой птицы, и это было почти так же прекрасно. Но и такой момент навсегда потерян для него, так, может быть, Табита — ибо в эту сумбурную ночь она была Табитой, а не Хилл с Небес.

Он слушал болтовню об общении с девушками-птицами, весьма далекими от благоговейного созерцания. Для Аринниана и ему подобных

их соратницы-женщины были товарищами, сестрами. Но Табита подчеркивала его и свою человечность.

Они на такси-кэбе отправились в Гнездо, который был самым высоким в городе зданием и имел гравитационную шахту, ибо многие прибывали сюда не на летательных аппаратах.

Таверна была защищена от дождя стеклянной крышей, сквозь которую на этой высоте звезды безбоязненно могли лить свой свет, не боясь искусственного пламени внизу. Моргана склонялась к западным землям, но все еще серебрила своим светом реку и залив.

На востоке громоздились грозовые тучи, и световые блики выхватывали их из темноты причудливыми пятнами. Инсектоиды призрачной дымкой покачивались над каждым столом.

Народу было немного, тут и там виднелись несколько неясных силуэтов, склоненных над стаканами с напитками, ходил слуга-робот позвякивая стальным покрытием.

— Скучища, — разочарованно сказала Табита. — Но мы сможем поднять настроение!

Они принялись пробираться между столиками, пока Аринниан не остановился и не воскликнул:

— Хой! Водан, экх-Хирр!

Его соратник по чосу, изумленный, поднял голову. Он выпивал в компании пухленькой особы, которая одарила вновь появившихся недовольным взглядом.

— Хорошего тебе полета, — приветствовал его Аринниан на планхе, последующая фраза была вполне подходящей для англика, хотя произнесена была на англике автоматически. — Не ожидал найти тебя здесь!

— Доброго приземления тебе, — ответил Водан. — Через несколько часов я должен быть на своем корабле. Мой транспорт отходит от базы на Хэлцнон-айленд. Я отправлюсь пораньше, чтобы не подвергаться риску в случае шторма. Неподалеку от дома мы попали в три дьявольских вихря подряд.

— Ты готов к битве, охотник, — сказала Табита со всей возможной вежливостью.

«Это верно, — подумал Аринниан. — Он жаждет битвы. Только. Если он не смог остаться с Айат до последней минуты, по крайней мере, я бы предположил, что он должен был совершать полет в свете луны, размышляя и созерцая. О, как бы там ни было, пирушки в кругу друзей». Он прервал себя.

Водан сделал знак своей спутнице.

— Кьенна, — сказал он. Его неофициальность была оскорблением. Она качнула крыльями, перья распрямились в печальном подтверждении.

Аринниан не мог придумать никакого извинения, давшего бы ему возможность избежать этой компании. Он и его девушка опустились на сиденья.

Когда подкатился робот, они заказали густое, крепкое нью-африканское пиво.

— Как дуют твои ветры? — Спросила Табита, попыхивая трубкой.

— Хорошо. Я желал бы этого и для тебя! — Ответ Водана был точен. Он повернулся к Аринниану, и если его энтузиазм был несколько нарочитым, то он искусно это скрывал. — Ты, без сомнения, знаешь, что я последние недели был на тренировочных маневрах.

— Да. Айат не раз говорила мне об этом.

— Это было очень интересно. Мой корабль требует умения. Позволь мне рассказать тебе о нем. Один из новых торпедоносцев, подобен земным прекрасно! Я горд, что смог увенчать его корпус тремя золотыми звездами!

«Айат» означает «Три звезды».

Водан продолжал свой рассказ.

Аринниан посмотрел на Табиту. Она и Кьенна

встретились взглядами.

Перья последней передали гамму чувств. Даже он смог прочесть большую часть невысказанных фраз этого «языка».

«Да, моя милочка, рожденная, чтобы ходить, Кьенна — то, что она есть, и кто ты такая, чтобы бросать вот эти свои презрительные взгляды? Чем я еще могу быть, если я, выросшая из детеныша в девушку, поняла, что мой любовный период приходит, как только я подумаю о нем, поняла, что для меня во всей Вселенной нет места, где я буду иметь право на уважение? О, да, да, я слышала об этом раньше, не беспокойся — „специальное лечение“, „советы“, — так вот, слаботелая, к твоему сведению: чосы нечасто держат слабых, а я не собираюсь хныкать и просить о помощи. Кьенна пойдет своим путем, и этот путь будет лучшим, чем твой, которая, впрочем, не так уж от меня и отличается. Не правда ли, человек?»

Табита подалась вперед, похлопала по одной из рук, не обращая никакого внимания на ногти, улыбнулась, глядя в красноватые глаза, и пробормотала:

— Хорошей тебе погоды, девушка!

Удивленная Кьенна подалась вперед.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас она

кинется на девушку, и Аринниан потянулся к рукоятке ножа, потом она обратилась к Водану:

— Нам лучше уйти!

— Еще рано! — Итрианин великолепно скрывал свое замешательство. Только облака могут знать, когда я снова увижу моего брата!

— Нам лучше уйти, — сказала она совсем тихо.

Аринниан мог представить себе, какие чувства бушевали в груди Водана: оскорбить ее, бросить вызов, ударить! Не убить, потому то она была не вооружена, но в тоже время это была капитуляция перед самим собой, проще чем самая простая условность.

— Нам самим придется уйти, как только мы допьем пиво, — сказал человек. — Рад, что встретил тебя. Вечного тебе прекрасного ветра!

Облегчение Водана было очевидным.

Он пробормотал несколько вежливых фраз и поднялся наверх вместе с Кьенной.

Город поглотил их.

Аринниан не мог решиться, что ему сказать. Он был благодарен тусклому свету, лицо его пылало жарче, чем горячий воздух. Он старался не смотреть на Табиту.

Наконец та мягко произнесла:

— Бедная потерянная душа!

— Кто, эта ночная пташка? — Он сразу же пришел в ярость. — Мне приходилось раньше встречаться с существами ее сорта. Дегенератки, жалкие преступницы! Ее счастье, если Водан не перережет ей горло в каком-нибудь из низкопробных клубов, в который она его потащит. Я знаю, что там должно случиться. Он блуждал одинокий, потерянный, житель гор, который, возможно, никогда не встречался с ей подобными. Она отметила его, проявила свое умение. Ух!

— Ну а тебе-то какое дело? Я хочу сказать, что он, конечно, твой друг, но я не могу поверить в то, что это патетическое существо сумеет вытянуть из него больше обычной платы. — Табита выпустила клуб дыма. — Ты знаешь, — задумчиво проговорила она, — в этом хорошо проявляются особенности итрианской культуры. Они увенчаны человеческими идеями там, где те не дают им ненормальности быстрой смерти. Но они еще не интересуются вопросами спонсорных изменений, исследований или лечений, даже простым милосердием. Когда-нибудь.

Он едва услышал последнее замечание.

— Водан должен жениться на Айат, — сказал он каким-то утробным голосом.

Табита подняла брови:

— О, на той, о которой ты мне говорил? Но не думаешь ли ты, что услышь она об этом, она была бы рада, что он получил немного информации и опыта?

— Это не правда! Она слишком чиста! Она.

Аринниан задохнулся. Внезапно он подумал: «Почему бы не рискнуть?

Теперь мне и самому нужно забыться».

— Это так немного для тебя значит? — Выпалил он. — В таком случае, давай сделаем то же самое!

— Хм! — Некоторое время она изучала его. Его гнев утих, и он сделал усилие над собой, чтобы не отвести глаз от этого изучающего взгляда.

Наконец она сказала:

— Ты чем-то огорчен, не так ли, Крис? — Усмешка. — Но, во всяком случае, ты подаешь надежды.

— Прости, — он встал. — Я не хотел быть невежливым! Я хотел дать тебе. Воображаемый пример. Заставить тебя понять, почему я расстроен.

— Я могла бы утешить тебя, назвав твои переживания воображаемыми, она улыбнулась, хотя тон ее голоса был более сочувственным, чем сами слова, — но я все же не считаю это нужным. Итак, ответ будет «нет»!

— Этого я и ожидал. Мы, птицы. — Он не смог

закончить, посмотрел на кружку и сделал большой глоток.

— Что ты хочешь сказать словом «мы»? — С вызовом бросила она.

— Ну, мы. Наше поколение, наконец.

Когда она кивнула, волосы ее блеснули.

— Я знаю, — сказала она серьезно. — Эта нестабильность, смешанность общения, как только требует каккелек, приведет к тому, что они не испытают должного уважения к своим партнерам. Речь идет лишь о мимолетном общении с птицами противоположного пола. Ты же умный мальчик, Крис! Авалоняне мало способны к самонаблюдению, но ты же должен видеть истину! Неужели ты не хочешь иметь жену и детей?

— Конечно. Я. Конечно, хочу.

— Большая часть хочет этого, я уверена. Многие и раньше имели их, когда им удавалось придти к соглашению с самим собой. Но в этом вопросе нет единства для всех. Мы, птицы, испытываем в этом аспекте меньше давления, чем люди, поэтому обычная статистика непоказательна. Проблема в наши дни становится тем более отчетливой, чем больше усиливается движение в чосы, нарастая как снежный ком. И в конце концов, Крис, твой жизненный опыт ограничен.

Скольких из тысяч ты знаешь настолько хорошо, что можешь описать их жизнь? Естественно, ты тяготеешь к знакомствам с тебе подобными, и особенно потому, что мы, птицы, весьма преуспели в обращении со своими душой и телом.

Трубка Табиты потухла. Она набила ее снова и закончила:

— Вот что я тебе скажу: твой случай не является ни таким уж типичным, каким тебе кажется, ни таким серьезным. Но я искренне желаю, чтобы уход в птицы не заставил других разумных людей терять годы себе во вред.

Гнев вновь овладел им. Какое право она имела говорить с ним как с мальчишкой?

— Нет, подожди-ка. — Начал он.

Табита отодвинула свой стакан и встала.

— Я возвращаюсь в отель, — сказала она.

Он непонимающе уставился на нее.

— Что?

Она потрепала его по волосам:

— Прости. Но боюсь, что если мы будем продолжать в том же духе, то устроим бурю в стакане воды. Я слишком хорошо о тебе думаю, чтобы желать подобного. Если захочешь, мы лучше встретимся другим вечером. А теперь я намереваюсь лечь в постель и заказать на экране

центральной библиотеки эту штуку Гомера.

Он не стал ее отговаривать. Возможно, то спокойствие, в котором она пребывала после спора с ним, обидело его.

Пожелав ей доброй ночи весьма прохладным тоном, он направился к ближайшему фону.

Первая женщина, которую он вызвал, была занята. Оборонная промышленность требовала семи часов непрерывной работы, плюс-минус пятнадцать минут, не считая дополнительных часов. Вторая женщина испуганно сказала, что если ему нужен ее муж, она может его позвать.

Он извинился за то, что набрал неверный номер.

Третья согласилась. Она была чрезмерно пухлой, беспрерывно болтала и обладала мозгами бариосороида. Но какое это имело значение?

Он проснулся на рассвете следующего дня. Она вспотела во сне, а дыхание ее было насыщено парами поглощенного накануне алкоголя.

Интересно, подумал он, почему так жарко и душно? Что-нибудь не в порядке с кондиционером? Впрочем, было объявлено, что если придется поднять силовые экраны, то утечка энергии потребует закрытия Окружного контроля.

— Силовые экраны!

Аринниан вскочил с кровати. Дождь сделал видимость минимальной, но он разглядел дымку за этой пеленой.

Он бросился вон из комнаты.

Записанный на пленку монотонный голос повторял снова и снова: «Война объявлена!»

Курьер из Итри принес в Грей новости: Земля известила о начале войны.

Глава 7

— Наша основная стратегия проста, — объяснил адмирал Кайаль. — Я бы предпочел еще более простую: открытая битва между двумя флотами, победитель забирает все.

— Но итриане вряд ли пойдут на такую уступку, — заметил губернатор Саракоглу.

— Конечно! Они же достаточно хорошо организованы для этого, прежде всего. Потом, не в их характере вести централизованные операции. Кроме того, они знают, что у них мало шансов выиграть такую битву. Они проигрывают нам в численности. Я думаю, они попытаются удержать узловые пункты. Оттуда они будут делать вылазки, набеги, уничтожать те наши небольшие соединения, которые им удастся обнаружить, ослаблять наши коммуникации. Мы не можем прямо отправиться в Доминион, когда в тылу у нас будет существовать подобная опасность. Потому что это означает слишком большие потери. Мы можем оказаться перед лицом настоящей беды, если позволим зажать себя между внешними и внутренними их силами.

— Итак, мы начнем с захвата их ключевых баз.

— Только самых главных. Не стоит беспокоиться о крошечных новых колониях или союзниках, находящихся в глубоком тылу, что держат на своей орбите всего несколько кораблей. — Кайал включил экран. Засверкали звезды нужного им района. Тысячами они усеивали расстояние в несколько парсеков, являя собой единое пламя света, в котором лишь немногие могли различить отдельные точки.

Кайал обнаружил, что его способность в этом отношении приносила ему определенную выгоду. Что-то мог заметить компьютер, но его способность в быстрой ориентации оказалась незаменимой.

— Лаура — ближайшая, — сказал он. — Хру и Кхрау находятся дальше, образуя вместе с первой треугольник. Дайте мне их — и я смогу направиться прямо к Книтлану. Это заставило бы Доминион стянуть все силы, которыми они располагают, чтобы защитить свой дом. А поскольку к тому времени мой тыл и коммуникации будут в достаточной безопасности, я приму решающую битву, которую я жду!

— Гм-м-м! — Саракоглу потер массивный подбородок. Звук получился скрипучим: при его

занятости он часто забывал вставить новый ингибитор после использования старого. — Вначале нанесем удар Лауре?

— Да, конечно! Не всей армадой. Мы разделимся приблизительно на три равные группы. Две из них медленно двинутся по направлению к Хру и Кхрау, но не будут нападать до тех пор, пока не будет ослаблена Лаура. Сил будет достаточно во всех трех системах, но я хочу почувствовать итрианскую тактику и, к тому же, убедиться в том, что они не готовят нам какой-нибудь неприятный сюрприз, скрываемый ими до сей поры под перистой оболочкой.

— Это возможно, — согласился Саракоглу. — Как известно, наше знание о них недостаточно. Проблема шпионажа за негуманоидами. Предателей среди итриан найти почти невозможно, а компетентных — совсем исключено.

— Я все же не понимаю, почему мы не можем направить агентов в тот населенный пункт Лауры, где сконцентрировано человеческое население?

— Мы делали это, адмирал, делали! Но поскольку основная жизнь там сосредоточена в маленьких, замкнутых и плохо связанных между собой общинах, они не смогли сообщить ниче-

го, кроме и так очевидных фактов. Вы должны понять, что авалонские люди уже не думают, не говорят и даже не ходят так, как люди Империи. Имитация их — дело непростое. И купить можно лишь очень немногое. Кроме безопасности. Второй их командующий, парень по имени Холм, как будто совершил в прежние времена несколько продолжительных поездок по Империи, как официальных, так и неофициальных. Насколько я понимаю, он с успехом окончил одну из наших академий. Он знает наши методы.

— И насколько я понимаю, он является причиной того, что не только лаурианский флот, но и защита планеты были намного усилены за последние несколько лет, — сказал Кайал. — Да, конечно, мы должны позаботиться о нем.

Этот разговор произошел несколько дней тому назад. В этот день (часы показывали, что он является продолжением бесконечной звездной ночи) земляне приблизились к своему врагу.

Кайал сидел один в центре супердредноута «Валендерей». Его окружали экраны связи, закладывающая уши тишина и километры металла, машин, оружия, энергии, сквозь которые прошли несколько тысяч живых существ.

Но в этот момент он сознавал присутствие

только того, что лежало вне судна. Видеоэкраны показывали ему это великолепие: темнота, драгоценная россыпь звезд — и Лаура, крошечная, удаленная на девятнадцать астрономических единиц, золотая и смеющаяся.

Корабли легли в гипердрайв и должны были появиться у солнца на гравитационном ускорении. Большая их часть летела впереди флагмана.

Встречи с защитниками можно было ожидать каждую минуту. Рта Кайала опустились вниз. Он был высоким человеком, худощавым, с острым носом, его вдовий хохолок и остроконечная бородка побелели, хотя он едва приближался к шестидесяти. Форма его была настолько скромной, насколько это позволял ему чин.

Курил безостановочно. Сейчас он отбросил от себя окурок последней сигареты с таким отвращением, как будто это был червяк. «Почему мне так трудно переносить этот последний период ожидания? — Думал он. — Потому, наверно, что я буду в безопасности, когда мои люди начнут воевать?»

Обратил взгляд к портрету своей покойной жены. Она была изображена стоящей перед их домом, среди высоких деревьев. Направился к картине, желая включить ее. Но вместо этого

включил проигрыватель.

К жизни музыка, пьеса, которую так любили он и она, давно забытая на Земле, но совершающая триумфальное шествие по другим местам Вселенной «Нассагалия» Баха.

Откинулся на спинку стула, закрыл глаза и отдался музыке. «Мужчины в этой жизни, — думал он, — сотворить как можно меньше зла». Нарушил его покой. На экране появилось изображение его помощника.

Мы получили рапорт о начале военных действий из Вангуар, квадрат три.

Сообщение подтверждено. Никаких деталей.

— Гражданин Файнберг, — сказал Кайал. — Любую важную информацию немедленно передавать мне.

Ее будет так много, что ни один живой мозг будет не в состоянии справиться с таким количеством. Тогда она пойдет фильтроваться сквозь сложный комплекс подчиненных и их компьютеров, а он сможет надеяться лишь на то, что те детали, которые достигнут непосредственно его слуха, будут не слишком далеки от реальности. Но эти самые ранние сообщения всегда таили в себе слабую надежду, как будто в них хранился отзвук едва начавшейся битвы.

— Сэр! — Экран потух.

Выключил музыку.

— Что же, прощай, — прошептал он и встал. В комнате имелась еще одна его личная вещь: распятие. Он снял с головы фуражку, встал на колени и перекрестился. — Отец, прости нас за то, что мы собираемся делать, попросил он. — Отец, будь милосердным ко всем, кому суждено умереть. Ко всем!

* * *

— Получено, командующий, — произнес итрианский голос. — Контакт с землянами 12 З. У., Направление Пики. Огонь начался с обеих сторон, но потерь, как будто, пока не наблюдается.

— Благодарю! Прошу держать меня в курсе. — Дэннель Холм выключил интерком. — Как будто от того, что я знаю, будет какая-то польза! Проворчал он.

Он быстро произвел вычисления. Свет, радио, нейтроны — всему этому понадобится восемь минут на то, чтобы пересечь астрономическую единицу.

Новости должны опаздывать более чем на полтора часа. Единичная перестрелка нескольких небольших судов могла уже быть с успехом

окончена, часть победителей вернулась на свои безумные орбиты, в то время как другая их часть, вернее, их суда образовали маленькие миниатюрные пылающие солнца, пытаясь восстановить кинетическое ускорение, которое позволило бы им перегруппироваться.

Или же, если другие суда одной из сторон находились не так далеко, они могли присоединиться к своим, все увеличивая и увеличивая радиус битвы.

Ударив кулаком по ладони другой руки, он проговорил:

— Если бы можно было установить гипнокоммуникацию. — Но такое не практиковалось. Мгновенные импульсы квантовых прыжков судна в окружении природного ограничения скорости могли быть модулированы для посылки сообщения на световой год или около этого, но не так глубоко, когда звезда имеет искаженное гравитационное поле, где рискуешь жизнью, если начнешь путешествовать релятивистски. Конечно, можно было и избежать неприятных последствий при абсолютной уверенности в повороте, но кто мог быть абсолютно уверен в ходе военных действий, во всяком случае, принимая во внимание тот факт, что Земле суждено стать

более сильным противником, чем обычно, и борьба с ней вполне может окончиться печальным исходом. «Зачем я погружаюсь во всю эту грязь?»

Он спрыгнул с письменного стола, на краешке которого сидел, подошел к окну и остановился, глядя вдаль. Сигара, зажатая в губах, клубилась дымом, как вулкан. День за окном был оскорбительно прекрасен. Осенний ветер нес с залива запахи соли, а воды залива танцевали и сверкали между Лаурой и небесами. И еще ветер нес в себе запахи садов. Северные склоны холмов лежали вдали в голубой дымке. Кто-то пролетел над ними, взмахивая крыльями.

К нему подошла Ровена:

— Ты же знал, что тебе придется остаться, дорогой. — Она все еще была тонкой и стройной, и волосы ее по-прежнему были каштановыми.

— Угу. Меня беспокоит тыл. Логическая, компьютерная, коммуникационная поддержка. Может быть, Ферун и лучше разбирается в вопросе космической войны, но именно я построил планетную защиту. Месяцами мы действовали в согласии. И не моя вина в том, что я обладаю повышенной чувствительностью.

— Холм повернулся к жене, обнял ее за та-

лию. — Но, господи, Ро, я не думал, что это будет так тяжело.

Она притянула его голову к своему плечу и нежно погладила по седеющим волосам.

* * *

Ферун из Миствуда решил отправить домой свою жену. Марр путешествовала вместе с ним в течение всей его долгой флотской карьеры, рожая и поднимая детей на корабле-доме, что сопровождает каждый итрианский флот. Но она была больна, и врачи не обещали вылечить ее до наступления атаки. Старость неизбежна, как это ни печально. Ему очень недоставало ее силы.

Но он был слишком занят, чтобы тратить время на прощание.

— Наблюдай, — сказал он. Компьютеры только что внесли исправления в колебательный контур согласно последним данным. Изображение передавало окружающие их планеты, солнце и ореолы искр, оставляемые кораблями. Битва будет здесь. Здесь! Повсюду нейтринные потоки достигают наших детекторов, совершается процесс кроссокорреляции, разъясняются затруднительные моменты.

— Информация невелика до омерзения, — ска-

зал его племянник и помощник.

— При таком расстоянии ничего другого ожидать не приходится. Тем не менее, мы сами можем заполнить некоторые бреши, если допустим, что их адмирал достаточно благоразумен. Я почти уверен в том, что его клещи состоят из двух половин, каждая из которых движется с диаметрально противоположных направлений с севера и юга эклиптического уровня. Вот так, — Ферун указал направление. — Теперь он должен иметь резервы. Чтобы избежать создания широкой цепи со значительным риском быть преждевременно обнаруженным, они должны проходить по прямой от основного направления на Пано. И если бы этим занимался я, то поместил бы их неподалеку от эклиптики. Так что нужно ждать их нападения, по мере сближения двух частей этих клещей, вот сюда. — Он указал область.

Они стояли на мостике, обширном, как комната. Итрианам нужно место на то, чтобы расправить крылья. Но все же они были полностью связаны с кораблем его интеркомами, калькуляторами и офицерами. И еще более тесно связаны с тем великолепием, которое представлял им экран, местом, где началась бойня.

Шум, достигающий их слуха через сакасы

силового поля, был слабым, как общий фон. Воздух был теплым и легким, ветерок колыхал их крылья. Пахло циннамонами и абердрагуном. Запахи битвы не проникнут сюда до тех пор, пока судно не окажется в самом ее водовороте: члены команды очень быстро потеряют силы, если стимуляторы не будут работать на полную мощность.

План Феруна не позволял так рано посылать супердредноут навстречу случайностям. Сила его принадлежала последнему этапу этой игры. Вот тогда-то он и намеревался показать, почему оно получило свое название, тогда, давно, в битве на Итри.

На обоих бортах судна было написано на англике: «Адова скала».

Появилась новая череда сообщений. Указывались типы судов, насколько это позволяла проанализировать нейтронная эманация.

Помощник насторожился. Хохолок его поднялся.

— Так много врагов за такой короткий промежуток времени? Дядя, новости, кажется, плохие!

— Мы этого ожидали! Не позволяй этой игрушке загипнотизировать себя.

Я видал вещи и похуже. Половина меня регене-

рирована после полученных в битвах ранений. А я все еще копчу небо.

— Прости меня, дядя, но большая часть твоих битв была полицейскими актами в пределах Доминиона. А сейчас на нас идет сама Империя!

Ферун подумал: «Мне об этом хорошо известно. Я тоже изучал материалы о прекрасно развитой военной технике. Как практически, так и теоретически».

Вслух он сказал:

— Компьютеры, роботы, машины — это лишь полдела во время войны. Есть еще мозг и сердце.

Клацая когтями, он прошел по палубе к видеоэкрану и вгляделся в него.

Его тренированный взгляд заметил среди звезд мерцание — один единственный корабль. Вся остальная часть флота терялась в необъятности, через которую они летели.

— Начинается новый бой, — сказал он в интерком.

Ферун, не двигаясь, ждал деталей. В его голове промелькнули слова, вычитанные им в одной из земных книг, которые доставили ему столько удовольствия. «Страх перед королем подобен львиному рыку. Тот, кто вызывает его гнев, грешит против собственной души».

* * *

Часы выстраивались в дни, пока два флота своими тяжелыми дивизиями ощупывали горло друг друга.

Подумайте только: при ускорении, равном одной земной гравитации, корабль, движущийся от «начальной точки», мог покрыть одну астрономическую единицу — около 149 миллионов километров — примерно за пятьдесят часов. В конце этого периода он приобретал скорость 1060 километров в секунду. За время, в два раза больше этого, он двигался с удвоенной скоростью и должен был покрыть четыре начальных расстояния. Неважно, какая часть маневренности исходит от гравитационного толчка, который действует на ту ткань тесных связей, которую мы называем «космосом» — данные такого высокого порядка быстро не изменишь.

Нельзя скидывать со счетов и огромность расстояния, даже межпланетного. Сфера радиусом в одну астрономическую единицу имеет объем примерно в тринадцать миллионов земных радиусов. Умножение этого радиуса на десять означает умножение объема на тысячу. Неважно, насколько чувствительны приборы — все равно

невозможно даже провести точные измерения в пределах непосредственного окружения, не зная, где находится предмет поисков сейчас, если сигналы ограничены световой скоростью. По мере того как нарастает снежный ком неточных данных, изменяются не только параметры вычислений битвы, изменяются сами результаты. Кто-то обнаруживал, что потерял часы на путешествии, которое оказалось бесполезным и даже вредным, и еще массу часов или дней на попытку сгладить неприятное последствие неудачного маневра.

Но потом, в мгновение ока, вдруг окажется, что все оказались в непосредственной близости для битвы, которая может завершиться в секунды.

* * *

«Номер семь, вперед!» — Предупредил робот-диспетчер, — и «Звезда-охотница» ринулась в бой.

Ее двигатели заработали на полную мощность.

Тело Филиппа Рошфора, сидящего в кресле пилота, пронзила дрожь.

Над приборной панелью, над его шлемом и чуть сбоку, за его плечами, видеоэкраны показывали полусферу с солнцами. Лаура, свечение

которой было таким ярким, что ослепляло его, походила на диск, расположенный между двумя крыльями зодиакального света.

Его радар тревоги свистнул и включился, как будто стрелка закружилась вокруг чистого шара. Сердце его подскочило в груди. Он не мог не смотреть туда. И он успел заметить движение цилиндра, направлявшегося к огромному корпусу «Аизы».

Во время рывка гравитационный экран в этой части материнского корабля должен быть включен. Но ничего, что могло бы отвести торпеду, не было в его распоряжении. Если она войдет в контакт и сдетонирует. В вакууме несколько килотонн не являются столь плачевно разрушающими, как в воздухе или в воде, да и корабль-столица бронирован и защищен против сотрясений и жара, снабжен такой плотной защитой, которая в состоянии отсечь могущую проникнуть внутрь жесткую радиацию. И все равно корабль будет серьезно ранен, возможно, покалечен, а люди получат ужасные травмы и обгорят настолько, что станут молить о смерти.

Вспыхнул энергетический луч. Хлынула мгновенная инконденсация.

Сенсоры передали свои открытия нужному

компьютеру. Одно из орудий Ва Чау перехватило торпеду.

— Молодец! — Крикнул в интерком Рошфор. — Отлично! — Он нацелил свои детекторы на поиски лодки, которая должна была быть достаточно близко, чтобы послать метательный снаряд.

— Зарегистрировано! Установлено!

«Звезда-охотница» устремилась вперед. «Аиза» мерцала среди созвездий.

— Дай мне достаточно времени, чтобы вернуться в ряд, Абдуллах, сказал Рошфор.

— Похоже, он о нас знает, — с каменным спокойствием сказал голос Хелу. — Все зависит от того, попытается ли он уйти или приблизиться к.

— Он ищет укрытия! — «Честно говоря, — подумал Рошфор, — я бы тоже его искал, когда тяжелый крейсер выплевывает лодки. Храбр тот капитан, когда рискнул подойти поближе». — Мы можем задержать его примерно через десять минут, если допустить, что он находится в стадии наивысшего ускорения. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь смог нам помочь, а если мы будем ждать, он удерет.

— Мы не ждем, — решил Рошфор.

Он вновь перенес все внимание на контроль-

ные приборы, связался с контрольным пунктом и получил «добро». Тем временем он желал про себя, чтобы его пот не был таким обильным и едким. Однако страха не было. Его пульс был высоким, но ровным, и никогда он не видел звезды с такой отчетливостью и остротой. Было приятно сознавать, что он обладает той смелостью, которую развивает психотренинг Академии.

— Если победите, направляйтесь к. — Последовал ряд номеров, усвоенных машиной, — и действуйте благоразумно. Мы различили там легкий боевой корабль. Мы и «Ганимед» попытаемся нейтрализовать его защиту! Удачи!

Голос умолк.

Лодка неслась все быстрее с каждой секундой, пока баллистический счетчик не указал на деселерацию.

Рошфор отдал необходимые указания.

В голове его пронесся отрывок из лекции-инструктажа: «Штурманы, оружейники, весь персонал должны принимать решения. Машины проверяют большую часть этих решений, устанавливают курсы, направляют и вводят в действие оружие, делая это быстрее и точнее, чем на то способны мускулы и нервы. Машины, компьютеры сознательного уровня могут

тоже быть построены таким образом, чтобы они могли решать. Так было и в прошлом. Но поскольку их логические способности не могут быть выше ваших и моих, им всегда присуще отсутствие некоей способности к обобщению, назовите это интуицией, или внутренним зрением, или как вам будет угодно. Далее, они были слишком дорогими для того, чтобы использовать их во время войны в нужном количестве. Вы, джентльмены, являетесь разностороннейшими компьютерами, имеющими причину сражаться и выжить! Компьютеры вашего сорта могут с успехом развиваться и, не считая программирования, производиться в течение девяти месяцев в неподражаемых лабораториях».

Рошфор вспомнил, как шепнул своему товарищу, что не смеяться над бородатой остротой — крупный недостаток.

— Направление! — Сказал Хелу.

Появились энергетические лучи. Куча летящих потоков, которые прокладывали световую трассу.

Часть их коснулась «Звезды-охотницы».

Автомат изменил направление лодки раньше, чем лучи успели проникнуть в тонкую обшивку. Толчок! Внутреннее поле не могло полностью

компенсировать внезапно увеличившуюся акселерацию. Рошфора так вдавило в кресло, что хрустнул скафандр.

Прошло! Вернулось нормальное давление. Они были живы. Даже надобности в заплате, похоже, не было. Если их и задело, то дырка была достаточно маленькой для самозаживления.

А впереди — видимый невооруженным взглядом враг!

Руками и голосом Рошфор отдал приказ двигаться прямо к этому яркому силуэту. Он рос чудовищно быстро. Два луча отделились от него.

Рошфор не изменил направления. Он надеялся на то, что Ва Чау сможет сфокусироваться на противнике и нанести удар раньше, чем они получат серьезное повреждение.

Вспышка! Еще вспышка! Попали!

Итрианин подошел настолько близко, что люди смогли различить изображенный на нем знак: колесо, спицы которого были цветочными лепестками. «Правда, что они ставят персональные знаки на небольшие суда, подобно тому, как мы даем своим неофициальные имена. Интересно, что означает этот?»

Ему говорили, что некоторые из скоростных судов несут на борту круглые заряды. Но твердые

предметы, оказывающиеся на вашем пути, не слишком опасны, если только ускорение не превращается в десятки КПС.

Судно выпустило торпеду. Ва Чау почти сразу же сбил ее.

«Звезда-охотница» вздрогнула.

Взрыв был таким близким, что клубы газов закрыли экран земного корабля.

Обломки достигли и их брони, и она загудела. Потом «Звезда-охотница» прошла мимо, одна в чистом пространстве. Ее противник превратился в облако, которое редело, пока не стало совсем невидимым. Все вещественное, что от него осталось, должно было распасться на метеориты, которые в секунды исчезли из виду.

— Извините за мою восторженность, — слабым голосом сказал Рошфор. Но это было здорово!

— Последний взрыв был совсем близко, — сказал Хелу. — Нужно, чтобы нас осмотрели, когда вернемся.

— Угу! Но пока свое дело закончили. — Рошфор велел лодке изменить направление. — После того, как вы, парни, себя вели, никаких страхов быть не может.

Они пока еще не появились на месте событий, когда было передано радостное сообщение и они

узнали о том, что отряд лодок и мелких судов уничтожил боевой корабль противника.

Глава 8

Объемы пространства, по мере ведения боевых действий, медленно вступали во взаимодействие и приближались друг к другу.

В кратчайшее время корабли выстроились в определенном порядке. Они образовали не только защитный барьер, но и сеть, препятствующую проникновению водородных бомб.

Эскадрилья из небольших судов могла путешествовать некоторое время отдельно. Если два главных соединения флотилии оказывались друг от друга на расстоянии сотни километров, это считалось очень близко.

Тем не менее, временный коммуникационный указатель опустился до нуля, надежность детектирования увеличилась, смертельные стычки сделались более частыми.

Стало возможным узнать, и наверняка, какой оппонент вступил в игру и где. Стало возможным изобретать всевозможные ходы и вести за собой спутника.

Как заметил в отчете Саракоглу:

«Если бы каждая итрианская система обороны

была столь же сложна, как у Лауры, нам мог бы понадобиться для борьбы с ней весь имперский флот.

Здесь они удерживают приблизительно половину моих кораблей, что представляет собой шестую часть того, что мы собирались бросить на весь Доминион. Конечно, это не означает того, что действительные силы находятся в подобной пропорции. По нашим стандартам, их слабое место — тяжелые суда.

Но эскадренные миноносцы, а еще в большей степени корветы и торпедные лодки действуют удивительно эффективно. Я очень рад, что ни одно другое солнце, кроме Кетлена, и отдаленно не может сравниться с Лаурой!

Но наши успехи все же удовлетворительны! Если не использовать (данные вы получите позже) технический язык, можно сказать, что около половины того, что осталось от флота итриан, отступило к Авалону. Мы намерены преследовать их там, избавиться от них — и тогда планета окажется в нашей власти.

Остальная часть их флота рассыпалась и ушла в космос. Вне всякого сомнения, они намереваются попрятаться на необитаемых планетах, лунах, астероидных системах, где у них могут быть базы,

и оттуда совершать партизанские вылазки. Такая ситуация вызовет только несколько мелких стычек, правительство само их отзовет. Возможно, более крупные суда, обладающие способностью к гипердрайву, будут искать где-то подкрепления. И даже это не так уж важно.

Я не преуменьшаю способностей этих людей, они сражаются умело и доблестно. Может быть, они собираются использовать планетную защиту в соединении с теми кораблями, которые движутся сейчас по направлению к родной планете. Да отговорит их от этого Бог, и не столько во имя нас, сколько во имя их собственных жен и детей. Да поможет Бог их лидерам понять необходимость скорейшей капитуляции, прежде чем мы нанесем им решительный удар!»

* * *

Полудиск Авалона, сверкающий сапфиром, кружил среди звезд — такой маленький и такой близкий. Моргана двигалась с темной стороны.

Ферун вспомнил ночные полеты над ней в обществе Марр и прошептал:

— О, луна восторга моего, луна, не знающая ущерба.

— А? — Спросил Дэннель Холм, чье изображе-

ние виднелось на экране.

— Ничего. Я просто отвлекся. — Ферун перевел дыхание. — Мы переживаем тяжелые времена. Они движутся слишком быстро. Я хочу удостовериться в том, что у тебя нет серьезных возражений против плана битвы.

Лазерному лучу понадобилось несколько секунд на то, чтобы пропутешествовать между флагманом и штаб-квартирой.

Ферун вернулся к своим переживаниям.

— Как будто я не говорил! — Проворчал Холм. — Ты подвел «Адову скалу» слишком близко. Прекрасная цель!

— И я тебе говорил, — ответил Ферун. — Как флагманский корабль она нам больше не нужна. — «Я хотел бы умереть, но наши потери чересчур велики!» — Подумал он. — Нам не нужна ее огневая способность, нам не нужно привлекать ею внимание врага. Вот почему я не рассчитывал на то, чтобы отправить ее на Кетлен. Там она превратилась бы еще в одну единицу. Здесь же она является центром нашей позиции. Если дела повернутся к лучшему, то она выживет. Я знаю, исход игры не гарантирован, но она со своими компьютерами была лучшим, что у меня есть. И именно на ней я и мой штаб можем начать

разработку плана, о котором тебе известно. И спорить об этом в такое время бесполезно.

Молчание.

Моргана взошла еще выше над Авалоном, когда корабль двинулся в путь.

— Ладно. — Холм споткнулся на полуслове. Он похудел до такой степени, что его скулы торчали, как каменные гряды среди пустыни. — Я верю.

— Дядя, рапорт о неопознанном контакте, — сказал помощник Феруна.

— Уже? — Первый марчварден Авалона повернулся к экрану. — Слышал, Дэннель Холм? Прекрасных крыльев навсегда!

Он выключил цепь, прежде чем человек успел ответить.

— А теперь, — сказал он помощнику, — я хочу, чтобы орбита этого корабля была вычислена повторно! Составить план возможного передвижения землян. С их точки зрения, в свете той информации, которую мы имеем, — и соответственно связать их с нами!

* * *

Яркие искры пронзали пространство. Не каждый разрыв, даже большинство из них не означали попадание. Но они были довольно сильны.

«Три звезды» отделилась от своего крейсера. Немедленно ее детекторы опознали присутствие предмета. Анализ занял несколько секунд.

— Земной метеор, возможно пересечение, спутников поблизости нет.

— Добыча! — Пропел Водан. — Пять минут на подготовку!

Корабль наполнился гулом голосов. Две недели и худший из маневров, оставляющий лишь несколько часов для отдыха — все это явилось тяжким испытанием.

Новый вектор указывал прямо на Авалон.

Планета все увеличивалась: он летел к Айат. У него не было сомнений в победе. «Три звезды» хорошо обагрила себя кровью. Она была, естественно, больше, чем соответствующий корабль Империи — итрианам нужно было больше места, — и, соответственно, ускорение ее было немного больше. Но ее огневая сила могла по этой причине достичь большой мощи — и достигла!

Водан оторвался от насеста и поднялся в воздух. Он расправил крылья.

Медленно взмахнув ими, он принялся наполнять тело кислородом, делая его сильным и подвижным.

Он услышал шелест: четверо его помощников

делали то же самое. Звезды сияли над ним и вокруг него.

* * *

Три предмета занимали значительную часть места в кабинете Дэннеля Холма, а теперь и такое же место в его мыслях. Карта Авалона указывала наземные сооружения. Большинство из них было замаскировано, и — он так надеялся на это, что даже помолился бы, если бы только верил в пользу подобной меры — большинство из них было неизвестно врагам. Вокруг голографического изображения плавали на многочисленных орбитах подобия пылинок. Многие станции были установлены несколько дней тому назад, перемещенные сюда из подземных автоматических заводов, которые тоже, как предполагалось, являлись тайной для врага. И, наконец, большой экран давал сведения о том, что было известно о различных кораблях.

Холм потянулся за сигаретой, но рот его и так был наполнен горечью дыма последних курений. «Выпить бы!» — Подумал он. Но об этом не могло быть и речи: приемлемые для него снадобья лишь усиливали в нем состояние возбуждения, не слишком высоко поднимая жизненный тонус.

Он посмотрел на экран. «Да, они явно озабочены тем, чтобы поразить наш флагман, просто охотятся за ним».

Он подошел к окну.

Грей все еще лежал во тьме, но первые лучи дневного света уже ощупывали дома, бросали солнечные пятна на поверхность воды. Небо поднималось пурпурным сводом, звезды казались кляксами за защитными экранами.

Холм был один. Он был более одинок сейчас, чем когда-либо раньше, хотя его решений ожидали все люди этого мира. И он должен был оправдать ожидания: компьютеры были лишь советчиками. Он подумал, что именно так должен чувствовать себя пехотинец, готовый выстрелить.

* * *

— Есть! — Крикнул Рошфор.

Он увидел движущуюся точку света на видеоэкране. Свечение ее достигало высшего накала.

По мере того как он наблюдал за ней, она росла, превратилась в иглу, потом в спицу, потом в игрушку, потом в остроносый охотничий корабль, на боку которого сверкали три звезды.

Направление его было почти параллельным

курсу «Метеора».

«Странно, — подумал Рошфор, — как близко подходит „Аиза“, не встречая при этом никакого сопротивления. Собираются ли они оказать нам лишь формальное сопротивление? Я бы страшно не хотел никого убивать ради простой формальности».

Планета приближалась таким образом, что слева оставался большой диск дневного света; лазурь, бирюза, индиго — тысячи различных голубых оттенков под все покрывающей чистотой облаков, и единая масса земли: зеленая, коричневая и рыжеватая. Справа была темнота, но лунный свет таинственно мерцал над океанами воды и воздуха.

Ва Чау послал пробный луч. Никаких видимых результатов! Порядок был превосходным. Надолго он таким останется. Теперь Рошфор мог видеть вражеский корабль без помощи какой-либо оптики.

На некоторых экранах он еще только начинал появляться. Но он уверенно скользил среди звезд и был более реальным, чем вспыхивающие вокруг комочки света.

* * *

Космос сверкал на тысячу километров вокруг гигантского сфероида «Адовой скалы».

Она не пыталась увернуться, при ее массе это все равно было бесполезно.

Она шла по орбите вокруг своего мира.

Вражеский корабль выныривал, снова нырял, проходил мимо и возвращался. Их было много, а она была одна, если не считать облака вспомогательных метеоров и комет. Но огневая мощь ее была великолепной.

Еще более удивительными были ее приборные и компьютерные способности. Она не получила никаких повреждений. Когда секция экранов поднималась для пропуска судов, энергия орудий сразу направлялась на защиту открытого места.

Лучи поражали цель. Но ни один не мог быть удержан до приближения нового, что дало бы возможность безостановочно бить в тяжелую стенку.

Бомбы, дающие смертельную радиацию, взрывались в пределах защиты. Но гамма-лучи и нейтроны, слой за слоем, впитывались внутренними полями.

Однако до последнего слоя, за которым труди-

лись живые существа, добиралось столь малое их количество, что воздействие лучей легко устранялось с помощью самых обычных мер.

Она была построена в космосе и никогда не касалась земли. Планетоид на свой особый манер, она поражала корабль за кораблем, которые кидались на нее.

Супердредноут Кайала был сильнее остальных. Но нельзя было рисковать «Валендереем».

Главная цель всей этой горы оружия и брони состояла в том, чтобы защищать командование флотилией.

Когда сообщение достигло командующего, он изучил данные.

— Мы теряем малые суда. Она поедает их, — сказал он, главным образом, сам себе. — Мне страшно не хочется посылать большие корабли. Похоже, что враг располагает защитой гораздо более развитой, чем мы предполагали. Но близость, быстрота и маневренность не дадут им того, на что они рассчитывают. Мы должны употребить все свои силы на то, чтобы вывести из строя это чудовище. И мы должны сделать это раньше, чем превратимся в настоящую угрозу для этой планеты. — Он потеребил бородку. — Итак.

«Персей», «Аиза», «Минор», «Регулас», «Юпитер»

и вспомогательные корабли должны выполнить эту работу. Достаточно быстро и на достаточном расстоянии, чтобы успеть подготовиться к тому, что может предложить нам эта планета!

Тактические компьютеры размножили и предали его сообщение. Приказ был отдан!

* * *

Водан увидел, что торпеда прошла мимо.

— Хей, хорошо! — Крикнул он. Будь их мощь чуть меньше — и встреча была бы неминуема.

Метательный снаряд начал было маневрировать, но одно из орудий уничтожило его.

Судно землян виднелось впереди, чуть левее и ниже. Приборы Водана сообщили, что боковая маневренность корабля противника более совершенна по сравнению с прямой. Командир его, по-видимому, надеялся встать на курс итрианского судна за много километров впереди, освободить череду радарных окон и создать огненный заслон такой мощности, чтобы лучи успели достичь своей цели прежде, чем будут отражены.

Поскольку итриане, подобно землянам, не сражались в скафандрах какое живое существо может вынести в подобной оболочке больше

нескольких часов, не спятив при этом, — большая дыра в отсеке должна была убить их.

А сын Зиккаурха молодец, с радостью отметил Водан. Дуэль, хотя и неуклюжая и нервная, как это всегда было в космосе, велась с такой уверенностью, как будто дело происходило в атмосфере. Пока она длилась, Авалон на боковых экранах увеличился до огромных размеров. Собственно, они были к атмосфере ближе, чем допускало благоразумие. Лучше закончить это дело.

Водан понял, как это сделать.

Он начал немного замедлять ход, как будто намеревался пойти по косой, он подумал, что землянин должен будет решить так: «Он понял мой замысел.

Когда я ослеплю его радар, он попытается ускользнуть от моего огня в непредсказуемом направлении. Да, но мы находимся под действием гипердрайва. Он не сможет перекрыть конус возможного изменения направления».

Для этого, однако, орудию требовался постоянный вектор. В противном случае включалось слишком много побочных факторов, и цель получала великолепную возможность ускользнуть. Тогда, если догадка Водана верна, на долю минуты его корабль получит преимущество в

скорости. А преимущество в орудийной мощи у него уже есть.

Землянин вполне может ожидать появления торпеды и считать, что он легко от нее избавится. Он может не оценить того, насколько велика концентрация энергии его противника, та ее часть, которая может быть выпущена в кратчайший промежуток времени, когда все прожекторы работают на полную мощность.

Водан произвел вычисления. Оружейники приготовились.

Метеор ринулся вперед, гном на фоне светящегося Авалона.

Внезапно на него налетел блестящий туман. Несколько мгновений — и туман превратился в плотную завесу. И скрыл как один корабль, так и другой.

Буря длилась 30 секунд.

Металлическая пыль рассеялась. Авалон снова сверкал, огромный и спокойный.

Водан прекратил огонь, прежде чем успел выгореть его прожектор. Он использовал магнификацию и увидел дыру, зиявшую в стволе управления вражеского корабля. Вылетела струйка белого пара. С ускорением все было покончено.

Радость наполнила грудь Водана.

— Мы его поразили! — Закричал он.

— Он мог собрать торпеды в другом месте, — обеспокоенно предположил инженер.

— Нет! Посмотри сам, если хочешь. Его силовой отсек принял этот удар на себя, не осталось ничего, кроме электрического резервуара. Если он использует его на полную мощность, в чем я сомневаюсь, он все равно не сможет дать кораблю такую начальную скорость, чтобы тот смог причинить нам достаточно беспокойства.

— Мы его прикончим?

— Посмотрим, есть ли сопровождающие. Стандартная связь. Вызываем Имперский метеор! Вызываем Имперский метеор!

«Еще один трофей для тебя, Айат!»

«Адова скала» содрогалась и гудела. Рев наполнял ее помещения. Воздух был горьким от дыма, тяжелым от криков и громких команд, топота бегущих ног и шелеста крыльев.

Отсек за отсеком открывались в космос. Скользили переборки, отделяя искореженный металл и обезображенные тела от живых.

Она боролась, она могла бороться с помощью того, что осталось от ее автоматики, даже после того, как уйдет последний член команды — она

прикрывала этот уход.

Этими последними членами были Ферун, его штаб и несколько рядовых из Миствуд, которым было обещано право верности их Виваном.

Они пробирались по коридору, спотыкаясь и скользя. Те секции, где панели и облицовка осели под натиском обломков, лежали в темноте.

— Сколько пройдет времени, прежде чем они разорвут ее на куски? Спросил один из помощников Феруна.

— Может быть, час, — высказал тот догадку. — Тот, кто построил наш корабль, проделал неплохую работу. Конечно, Авалон вмешается гораздо раньше.

— Когда же?

— Дэннель Холм должен это решить.

Они спустились в спасательную шлюпку.

Ферун сел за пульт управления. Судно поднялось за счет внутренних полей. По бокам его интенсивно разошлись волны. Оно рванулось вперед.

Он оглянулся. Флагман был изувечен, раздавлен и смят! Местами металл расплавился до такой степени, что потерял форму. Местами он просто перестал существовать. Если бы бомбардировка могла сосредоточиться на тех местах, где защита

была прорвана, мегатонна-другая взрывчатых веществ прекратила бы корабль в пепел и газ. Но вероятность прямого попадания в средний ряд была слишком ничтожной, для того чтобы стоило ради нее рисковать главным судном. Лучше было бы держаться в стороне и пользоваться мощностью более мелких судов.

— Велика цена крыльям, — прошептал Ферун.

В этот миг он отринул и новые пути, и старые, и был просто итри, Миствуд, Марр, своими предками, их детьми!

Авалон ударил. Лодка подпрыгнула.

Под невыносимой тяжестью померкли видеоэкраны. Погас свет. Флайеры закружились, сгрудились в страхе, жаре и слепоте.

Все прошло. Лодка не получила серьезных повреждений. Включилась система заднего хода. Вернулась видимость, внешняя и внутренняя. Сбоку, на фоне разросшегося на полнеба огненного шара маячил силуэт «Адовой скалы».

Шелестящий шепот:

— Сколько. Мегатонн?

— Не знаю, — сказал Ферун. — Должно быть, достаточно, чтобы избавиться от тех представителей Империи, которые нас атаковали?

— Чудо, что мы проскочили, — сказал его

помощник. Каждое из перьев стояло дыбом и дрожало.

— Газы распространились на километры, — напомнил Ферун. — У нас нет экранных генераторов поля. Это так. Но к тому времени, как фронт настигнет нас, никакая энергия, даже, эквивалентная нескольким миллионам градусов, не сможет серьезно поднять нашу температуру.

Все замолчали. Мелкие взрывы вспыхивали и исчезали вдалеке, пронзая пространство энергетическими шпагами.

Глаза искали ответа во взглядах других. Ферун сказал сразу всем:

— Ионизационная радиация, первичная и вторичная. Я не могу оценить, насколько большую дозу мы получили. Приборы зашкалило. Но отчитаться мы все-таки сможем.

Он весь ушел в пилотирование. Марр ждала.

* * *

Рошфор на ощупь пробирался по коридору «Звезды-охотницы». Внутренний гравитационный генератор был выведен из строя.

Находясь в состоянии свободного падения, они стали невесомыми. И за пределами защитной оболочки все помещения были лишены воздуха.

Тишина была такой полной, что он отчетливо слышал свое сердце; капли пота выступили на его лбу, щеках, носу, скапливались на лицевой части скафандра, мешая видеть, превращая свет в маслянистое пятно. Этот свет казался странным призраком в вакууме.

— Наблюдатель! — Хрипло проговорил он в микрофон. — Наблюдатель, ты здесь?

— Боюсь, что нет! — Отозвался в наушниках голос Хэлу из рубки.

Рошфор обнаружил маленькое тело Ва Чау за панелью, наполовину оторванной от опоры. Тот же луч, что искорежил панель, прошел сквозь скафандр и тело, настолько парализовав его, что только несколько капель крови плавали поблизости.

— С Ва Чау все? — Спросил Хелу.

— Да, — Рошфор обнял труп товарища и едва удержался от рыданий.

— От орудийного контроля что-нибудь осталось?

— Нет!

— Что ж! Думаю, я смогу выжать электроемкостную мощность в двигателе.

От планеты нам на этом не удрать, но может быть, мы сможем сесть, не превратившись при

этом в пар. Ну и выдумщик же я! Вам лучше вернуться на свое место, капитан!

Рошфор снял шлем, намереваясь закрыть выкаченные глаза Ва Чау, но веки не желали повиноваться. Он привязал тело к панели, чтобы обезопасить его и вернулся на свое место.

Световой сигнал был ослепляющим. Механически, не чувствуя ничего, кроме наполняющей душу скорби, он нажал на кнопку «принято».

Англик, с акцентом, немного гортанный и звенящий:

— Имперский метеор! Вы живы? Говорит авалонянин! Назовите себя, или мы выстрелим!

— Наз. Наз. — Усилием воли, подавив готовый вырваться из груди стон, Рошфор сказал:

— Говорит капитан.

— Если хотите, мы можем взять вас на борт.

Рошфор вцепился в ручки кресла. Ноги его были как ватные.

— Итри соблюдает условия ведения военных действий, — сказал нечеловеческий голос. — Вы будете допрошены, но никакого вреда вам не причинят. Если вы откажетесь, мы будем вынуждены, предосторожности ради, уничтожить вас!

— Кх-х-х. М-м-м.

— Отвечайте немедленно! Мы слишком близко

к Авалону! Опасность попасть в полосу огня возрастает с каждой минутой!

— Да, — услышал Рошфор свой голос. — Конечно, мы окружены!

— Хорошо! Я наблюдаю за тем, чтобы вы не включили вновь ваш двигатель! Не делайте этого. Мы нейтрализуем скорость! Привяжитесь и прыгайте в космос! Мы нацелим на вас тянущий винт и втащим на борт по возможности быстро. Понятно? Повторите!

Рошфор повиновался.

— Вы хорошо сражались, — сказал итрианин. — Вы выказали смертельную храбрость! Я сочту за честь приветствовать вас на борту моего судна. Наступила тишина.

Рошфор вызвал Хелу.

Люди обмотались концами кабеля, сняли заслон и приготовились к свободному падению. За километры от них виднелось судно с тремя звездами на борту, летящее, как птица.

Небеса озарились вспышкой.

Когда красная дымка перестала застилать их взоры, Хелу сдавленным голосом произнес:

— Аллах акбар, аллах нибар. Они исчезли! Что это было?

— Прямое попадание! — Сказал Рошфор.

Шок парализовал все его чувства, и теперь ему казалось, будто он пробуждается от глубокого сна. Но способность соображать вернулась к нему полностью.

— Они знали, что мы беспомощны и не имеем поблизости друзей. Но, несмотря на замечание, сделанное капитаном, они, должно быть, забыли оглядеться в поисках собственных друзей. Орудия планетной базы начали стрелять. Я думаю, у них много торпед-охотниц. Наш двигатель был выключен.

Их — нет. Торпеда шла на лучи.

— Как, у них нет опознавательных цепей?

— Очевидно, нет! Судя по тому, что они, похоже, делают, авалоняне не стали бы приносить в жертву качество ради количества и полагаться на знание диспозиций соединений. Было бы неразумным ожидать появление корабля так близко. Границы битвы очень расширились. Я думаю, что торпеда была подготовлена здесь на случай концентрации в этом месте имперских судов.

— Гм. — Они повисли между тьмой и сиянием. — Мы потеряли свой транспорт, — сказал Хелу.

— Тогда сотворим его сами, — ответил Рошфор. — Пошли!

Несмотря на внешнее спокойствие, он был потрясен результатами авалонского ответа.

Глава 9

Лодка остановилась, гудя и содрогаясь, лишь жар и сильный запах раскаленного железа напоминали о недавнем ее движении. Рошфор не сразу это почувствовал.

Он вынырнул из ничего несколькими минутами позже. Над ним стоял Хелу.

— Все о'кей, капитан? — Вначале голос инженера показался далеким, тихим жужжанием, а пот, выступивший на лице Рошфора, дымкой затенял его глаза.

— О'кей, — пробормотал он. — Дай мне. Стимулятор.

Хелу так и сделал, присовокупив к таблетке стакан воды, которая показалась чудом одеревеневшему языку и воспаленному небу.

— Я был уверен, что с нами все кончено. Как тебе удалось нас посадить?

— Не помню! — Был ответ Рошфора.

Наркотик подействовал, вернув ему ясность ума и чувств плюс некоторую долю энергии. Он смог восстановить в памяти, что делал в эти последние минуты. Энергии, сохранившейся

в батареях, было недостаточно, чтобы полностью контролировать скорость падения лодки на планету. Он использовал ее для контроля за состоянием корабля, для защиты его корпуса, чтобы тормозящая его атмосфера не сожгла судно. «Звезда-охотница» проскочила половину пути на тропопаузе, как камень мог бы проскочить по поверхности воды, потом устремилась по касательной, которая закончилась бы тем, чем кончается путешествие для камня — ибо починить изуродованную корму было невозможно, а изолированная аппаратная стала бы слишком тяжелой, попав в воду, если бы Филиппу Рошфору не удалось различить (теперь он это припоминал) цепь островов и суметь совершить посадку на одном из них.

Некоторое время он с благоговением впитывал в себя сознание, что он жив; потом он снял скафандр. Он и Хелу, каждый на свой лад, вознесли благодарность за свое спасение. Они добавили к ней пожелание мира душе Ва Чау.

К этому времени корпус остыл настолько, что до него можно было дотронуться рукой.

Они обнаружили, что внешний клапан был оторван, когда лодка понеслась по поверхности.

— Хороший воздух! — Сказал Хелу.

Рошфор с благодарностью вдохнул его в себя. Дело было не только в том, что в рубке было жарко и душно. В живом мире ни одна регенерирующая система любого корабля не могла работать на полную мощность. Атмосфера, встретившая их сильными потоками свежего воздуха, была прохладной, ветерок — легким.

— Давление примерно равно земному, — продолжал Хелу. — Как может такая планета удерживать такое количество газа?

— Тебе, несомненно, приходилось встречаться с планетами подобного типа, — сказал Рошфор.

— Да, но я никогда не переставал удивляться. Теперь, когда Вселенная повернулась ко мне спиной, я хотел бы знать ее получше!

— Что ж, магнетизм помогает, — рассеянно объяснил Рошфор. Поверхность маленькая, но, с другой стороны, вращение быстрое, что создает поле нужных размеров. Кроме того, полю нужно удерживать меньшее количество заряженных частиц, следовательно, и меньшее количество ультрафиолета и Х-радиации. Солнце достаточно близко, но оно прохладнее, чем наше Солнце.

Пики распределительных изгибов энергии находятся на более низкой частоте, а звездный дождь слабее.

Между тем он ощутил притяжение планеты.

Его вес равнялся четырем пятым земного. Когда теряешь шестнадцать килограммов, то замечаешь это сразу — вегетативный аппарат не вдруг приспосабливается к новым условиям, хотя через некоторое время подобное изменение воспринимается с радостью.

Он шагнул вперед и огляделся. Вокруг было пусто. С одной стороны островок заканчивался крутым обрывом. С другой он мягко опускался к воде, где прибой образовывал сердитую белую пену. Шум его был слышен более чем на километр. А дальше море катило свои волны к горизонту, который, несмотря на авалонский радиус, не выглядел особенно близким по сравнению с земным или горизонтом Эсперансы.

Небо над ними было голубым, более ярким, чем на Земле. Солнце висело низко и двигалось в два раза быстрее, чем то, что освещало планету людей.

Диск Лауры казался несколько большим, он давал золотистый свет. Виднелась и луна, путешествующая под непривычным углом.

Рошфор знал, что она была на самом деле меньше, но из-за близкого расстояния казалась более крупной.

То там, то здесь мелькали искры — чудовищные взрывы в космосе.

Рошфор отвратил от них свой разум. Для него война, вероятно, была окончена. Так пусть же она будет окончена для всех, прежде чем увеличится количество ее жертв!

Он перенес внимание на окружающую его жизнь. Судно опустилось на ковер низкой растительности, бериллиево-зеленого вещества, покрывавшего остров.

— Я полагаю, это объясняет, почему на планете нет природных лесов, пробормотал он, — что, в свою очередь, может объяснить, почему так мало развита животная жизнь.

— Эпоха динозавров? — Спросил Хелу, наблюдая за стаей пролетающих мимо неуклюжих крылатых животных. Каждое из них имело четыре ноги.

— В общем, рептилоиды, хотя у некоторых есть волосы или приличных размеров сердце. Разрастаясь, они не упускают возможность приблизиться по форме к млекопитающим или птицам. Колонистам пришлось проделать много работы, дабы создать постоянные смешанные колонии, и они держат в запасе доброе количество земли, включая весь экваториальный

континент.

— Ты что, действительно их изучал?

— Я интересовался. И. Мне казалось, что я знаю, что представляют собой люди, с которыми мне предстоит воевать.

Хелу огляделся. Кустарник, кое-где деревья. Последние были невысокими и толстоствольными, или стройными и гибкими, чтобы выдерживать напор сильных ветров, которые могли возникать при быстром вращении. Сейчас здесь вполне могла быть осень: множество цветов продолжало цвести, поражая глаз буйством алого, желтого и пурпурного. С некоторых растений свешивались гроздья фруктов.

— Можем ли мы есть местную пищу? — Спросил Хелу.

— Да, конечно, — ответил Рошфор. — Если бы колонисты не могли использовать природные ресурсы, они никогда бы не преуспели в своих намерениях. Конечно, кое-что пришлось добавить к местному ассортименту.

Потом необходимо было развести домашних животных. Если бы мы питались исключительно авалонской пищей, то могли бы нажить кое-какие болезни. Но это не такой быстрый процесс, и я читал, что большая часть здешних растений

очень вкусная! К несчастью, часть из них ядовита. Беда только в том, что я не знаю, что есть что!

— Гм! — Хелу потеребил свои усики и нахмурился. — Нам лучше позвать кого-нибудь на помощь.

— Не спеши, — сказал Рошфор. — Давай вначале изучим то, что сможем.

Не забудь, что лодка снабжена продовольствием на недели. Мы просто могли бы. — Он замолчал. Одна мысль поразила его. — У нас есть неисполненная обязанность.

Они начали копать могилу и обнаружили, что зеленое покрытие представляет собой плотный слой, а земля под ним глинистая и вязкая.

Закат превратился в пламя, прежде чем они похоронили Ва Чау.

Полная луна должна была давать достаточно света: она была расположена на такой высоте и под таким углом, что сила ее свечения должна была в три раза превышать яркость земной Луны. Сегодня светил лишь тонкий месяц, но чтению службы помогли сверкающие белым планеты и бесчисленные звезды.

Большая часть созвездий была теми же самыми, на которые Рошфор смотрел в обществе Эвы Дэвиссон на Эсперансе. Три-четыре парсека не

расстояние для Галактики.

«Существует ли жизнь после смерти? Я должен в это верить, — подумал он. — Отец, тебе, в какой бы форме я не видел тебя, вручаем мы это существо, нашего товарища. И мы молимся о том, чтобы ты даровал ему отдых, как молим и за себя! Будь милосерден! Будь милосерден! Будь милосерден!»

Маленькие вспышки наверху становились все более далекими.

* * *

— Рассыпаться, — приказал Кайал. — Уходить! Перегруппироваться на широкую орбиту!

— Однако, адмирал, — запротестовал капитан из его штаба, — их корабли, они используют шанс для побега, исчезновения в глубоком космосе!

Кайал переводил взгляд с одного экрана на другой. На него смотрели разные лица. Одни из них принадлежали гуманоидам, другие — нет, но все они были лицами офицеров Земной Империи. Он обнаружил, что ему трудно встречаться с их взглядами.

— Вам придется на это согласиться, — сказал он им. — На что мы согласиться не можем, так это на те потери, которые несем сейчас. Лаура только

пролог! Если ценой ее захвата является ожидание подкрепления, если мы дадим Итри время на реорганизацию, — значит, нам суждено положить эти факты в основу своей стратегии и всей этой войне предстоит стать долгой и дорогостоящей.

Он вздохнул.

— Будем честны перед собой, граждане, — сказал он. — Ваше знание этой системы было никуда не годным! Мы понятия не имели о том, какие укрепления созданы на Авалоне.

* * *

На орбите находились сотни автоматических станций, чьи силы питали исключительно защитные экраны и ищущие прожекторы. Подходить к ним было смертельно опасно. Между ними и планетой сновали суда, подносящие все, что могло быть необходимым для поддержания боевой готовности роботов.

На поверхности планеты и луны была создана шарообразная решетка детекторов, выступающих трубок, энергетического оружия, слишком объемного, чтобы его нес на борту даже самый большой космический корабль. Часть была скрыта глубоко в скалах или на дне океана, кое-что находилось на поверхности земли или воды. Воз-

можность того, что судно или снаряд подойдут из космоса незамеченными, была действительно незначительной: мегаполя защищали каждое живое место.

В воздухе клубился рой патрульных судов, готовый применить силу против каждого, кто попытается сюда вторгнуться.

— И защитники великолепно использовали наше невежество. Они подтолкнули нас к такой конфигурации, которая позволила им с помощью их техники нанести жестокий удар! Мы оказались в мышеловке между планетой и их кораблями! Их флот сражается с дьявольским упорством, под давлением обстоятельств он становится не правдоподобно эффективным!

У нас нет выбора! Мы должны изменить обстоятельства — и быстро! Если мы отойдем за пределы досягаемости их защиты, то преимущество в численности снова окажется на нашей стороне, и, я уверен, их флоту придется оставить внешние области системы, как это говорил капитан Кхан.

— А потом, сэр? — Спросил один из людей. — Что мы будем делать потом?

— Потом займемся переоценкой, — ответил ему Кайал.

— Можем ли мы нейтрализовать их с помощью

того, что находится в нашем распоряжении в настоящий момент? — Поинтересовался другой.

— Не знаю, — признался Кайал.

— Как они смогли это сделать? — Воскликнул человек из-за бинтов, что маской покрывали его лицо. Его корабль был среди пораженных. — Какая-то несчастная колония! Что там за население? Четырнадцать миллионов, большей частью фермеры? Как такое было возможно?

— Вам бы следовало это понять, — упрекнул его Кайал, хотя и мягко, потому что знал, что наркотики притупляют не только боль, но и способность мыслить. — Располагая свободной атомной энергией, совокупностью естественных ресурсов, достаточно развитой технологией, общество нуждается только в воле к созиданию. Машины производят машины. Через несколько лет вся продукция в действии; выпуск ее ограничивается лишь минеральными ресурсами, а в малонаселенном, главным образом, земледельческом мире, таком, как Авалон, в последних недостатка не будет.

Я мыслю себе так, — продолжал он громко, потому что любая мысль была лучше, чем мысль о том, какие страдания не далее как сегодня перенес его флот, — что сама пасторальная экономика

упрощает дело содержания в тайне те великие усилия, которые затрачиваются на ее создание. Более развитое общество стало бы апеллировать к своей промышленности, что равносильно ее раскрытию. Авалонские лидеры, когда-то получившие карт-бланш, большинство своих приспособлений развивали с нуля, на территориях, где никто не живет.

— Он кивнул. — Да, граждане, давайте признаемся себе, что нас смогли обмануть! — Он выпрямился. — Теперь мы должны спасать то, что сможем!

Началось обсуждение путей и возможностей. Несмотря на огромные потери, силы землян все еще были гигантскими. И они могли быть укреплены за огромными объемами пространства. Организация отступления сама по себе была большой операцией. И неизбежно должны были возникнуть еще неясности, неучтенные обстоятельства, непредвиденные катастрофы битвы. И авалонские космические капитаны показали такие свои качества, что от них вполне можно было ожидать выхода из битвы не иначе как с большими потерями для врага. И то будет не тактическим маневром, а ясной демонстрацией того, что уходом своим они не предадут свой народ.

Но как только компьютеры и мелкие чиновники смогут заняться разработкой деталей, начнется подготовка к отходу. Тогда Кайал сможет побыть один.

«Или не смогу? — Подумал он. — Никогда больше не смогу! Повсюду будут поджидать меня призраки!»

Нет! Этот разгром не был его виной. Он действовал, используя ложную информацию. Саракоглу. Нет, губернатор был гражданским лицом, вовлеченным в процесс сбора фактов лишь самым косвенным образом. И он постоянно работал, помогая приготовлениям. Сама флотская служба безопасности, весь флот, вся Империя являлись нитью слишком тонкой, чтобы протянуться через все пространство, такое необъятное, нечеловеческое. В конце концов, возможно, все усилия сократить мир человека были тщетными.

«Ты сделал что мог». Кайал понимал, что действовал неплохо. То, что случилось, нельзя было назвать разгромом, это было просто разочарование.

Благодаря дисциплине и командованию, его флот понес гораздо меньшие потери, чем мог бы. Он остался несказанно сильным. Он усвоил полученные уроки, с тем, чтобы использовать их

в дальнейшем.

И все равно призраки не исчезнут!

Кайал опустился на колени: «Христос, простивший воинов, помоги мне простить себя! Святые, не покидайте меня, пока не будет выполнено дело!»

Он прервал молитву и перевел взор с распятия на картину. «А ты, Елена, ты, которая сейчас на Небесах, должна еще любить меня, ибо никогда и ничто не могло ослабить твою любовь, так наблюдай же за мной! Держи мою руку!»

* * *

Под флайерами катил свои сейчас черные воды океан. Над ними были звезды и Млечный путь, чей холодный, как иней свет, прорезал теплый воздух.

Впереди мрачным облаком обрисовывались очертания острова. Табита слышала гул прибоя, то усиливающегося, то затихающего.

— Они уверены, что эта штуковина приземлилась там? — Спросил один из шести сопровождающих ее и Драуна итриан.

— Или здесь, или в море, — проворчал ее спутник. — Для чего тогда домашняя охрана, если не для того, чтобы проверять показания детектора?

А теперь тише и осторожнее! Если это была имперская лодка.

— Они ничего не смогут сделать, — заметила на это Табита. — Они беспомощны!

— Тогда почему они не позвали на помощь?

— Может быть, их передатчик не действует?

— А может быть, они задумали какую-нибудь игру? Я бы хотел этого.

Этой ночью у нас было немало новоиспеченных мертвецов. Чем больше землян отправится в ад, тем лучше!

— Следуй собственным приказам и заткнись, — сказала Табита.

Иногда она самым серьезным образом обдумывала проблему своего сотрудничества с Драуном. Годы знакомства с ним показали ей, что он не верит по-настоящему в богов Старой веры, не считает нужным поддерживать традиции, как большинство людей Неба. Нет, он наслаждался самим процессом принесения в жертву. И он много раз убивал на дуэли, сам бросал вызов, какие бы это не создавало ему осложнения впоследствии. И хотя он не злоупотреблял рабами, но нескольких держал, обращаясь с ними, как она чувствовала, никуда не годным образом.

И все же он был хорошим и, на собственный

его лад, великодушным другом. Его лидерство на море великолепным образом соединялось с ее способностями управлять. Он мог быть отличной компанией, когда хотел. У него была милая жена, его детишки были неотразимыми и обожали свою родственницу Хилл, которая так любила их обнимать.

«А сама я безупречна? Судя по изгибам моего разума — нет!»

Они летели высоко над землей. Фотоусилители показывали ее серебристо-серую растительность, здесь и там отмеченную более высокими растениями.

На валунах капли росы принялись ловить лунный свет.

«Как он туда попал? В новостях сообщалось, что враг отброшен, но».

Она пожалела, что не летит обнаженной в прозрачном, пронизанном нежным ароматом воздухе. Ее тело требовало одежды, кирасы, шлема, ботинок.

Все это мешало, но в то же время. Хой!

— Смотрите! — Указала она. — Свежий след!

Они сделали круг, пересекли дорогу, и под ними оказались обломки.

— Действительно земной! — Сказал Драун.

Она увидела, как его гребешок и хвостовые перья поднялись дыбом. Он поднес к глазам бинокль:

— Двое снаружи! Хай!

— Стой! — Рявкнула на него Табита, но он уже спускался.

Она обругала неуклюжесть поясов, повозилась с приборами и полетела за ним. Сзади следовали другие итриане, бластеры позвякивали у них на груди.

Драун оставил свой пистолет в кобуре, а вместо него вытащил тяжелый изогнутый нож «фао» полметра длиной.

— Стоп! — Крикнула Табита, перекрывая свист воздуха. — Дай им шанс сдаться!

Люди, стоящие у холмика свежевскопанной земли, подняли головы.

Драун испустил боевой клич. Рука одного человека дернулась к кобуре.

И тут же на него налетел ураган. Крылья захлопали с такой силой, что воздух заклокотал. За два метра от земли Драун обратил свое падение в прыжок. Его правая рука занесла нож коротким полукругом, левая ударом ладони послала его вперед.

Голова землянина отделилась от туловища и

упала, ужасающе подпрыгивая. Тело покачалось, как будто в нерешительности, истекая кровью, потом рухнуло, как кукла, у которой сломались пружины.

— Хиа-а-а-ах! — Выкрикнул Драун. — Адские крылья поразят вас перед моими товарищами по чосу! Они грядут!

Второй землянин отскочил назад. Его собственное оружие было у него в руке. Он выстрелил, и вспышка разрезала темноту.

«Прежде чем они его тоже убьют». — У Табиты не было времени на составление планов. Она была в авангарде отряда. Безумный взгляд человека и дуло его оружия было нацелено на Драуна, чья ширококрылая тень не поднялась еще для второго захода. Она налетела на него сзади, потащила вниз, крепко вцепившись в него.

Они споткнулись, пояс не мог поднять их обоих. Она почувствовала, как бровь ее задела за корень, а щека больно проехалась по земле.

Он перестал сопротивляться. Она отпустила его и склонилась над ним. О собственной боли и головокружении она не думала. Она увидела, что землянин жив, но находится в обморочном состоянии: он ударился виском о камень при падении. Кровь запеклась на кудрявых черных волосах,

однако веки его дрогнули, и белки глаз отразили звездный свет. Он был высоким, темнокожим по авалонским стандартам. Люди с подобными хромосомами обычно вырастают под солнцем, более сильным, чем Лаура.

Итриане столпились поблизости, готовые наброситься в любую минуту.

Табита вскочила на ноги. Она защищала землянина. Держа пистолет наготове, она выдохнула:

— Нет! Назад! Хватит убийств! Он — мой!

Глава 10

Ферун из Миствуда отчитался в Грее, устроил все свои дела и попрощался на несколько дней.

Дэннелю Холму он сказал:

— Я рад, что ты мой друг, Первый марчварден!

Губы его собеседника дрогнули.

— У тебя есть еще время, прежде чем. Прежде чем.

Ферун покачал головой. Хохолок его безжизненно повис. Большая часть оставшихся перьев была тускло-белой. Он говорил едва слышным голосом, но его улыбка не изменилась:

— Нет, боюсь, что медики не смогут стимулировать регенерацию в подобном случае, когда заряд получила каждая клеточка. Жаль, что имперцы не обстреляли нас ртутными парами, хотя ты счел бы и это варварством.

«Да, вы менее восприимчивы к тяжелым металлам, чем люди, — пронеслось в голове Холма. — Но хуже переносите жесткую радиацию».

Голос продолжал, спотыкаясь:

— Сейчас меня все время держат под действием наркотиков. Большая часть тех кто был со мной

умерла. Но прежде чем я последую за ними, я должен передать остатки моей силы и знаний тебе.

— Мне?! — У человека перехватило дыхание. — Мне, который убил тебя?

Лицо Феруна окаменело.

— Сойди с этого насеста, Дэннель Холм! Если бы я считал, что ты на самом деле виноват, я бы не оставил тебя в кабинете. А может быть, и в живых. Любой, носящий в себе подобные глупые мысли просто опасен. Ты изучал мой план, да и пункт насчет крови тоже, не так ли?

Холм опустился на колени около друга. Основная кость стала острой, плоть вокруг нее истаяла, а кожа была лихорадочно горячей, и Дэннель чувствовал, как бьется сердце.

Ферун поднял голову. Крылья обняли человека, губы коснулись его в поцелуе.

— Ты помогал мне высоко летать, — сказал Ферун. — Если позволит война, окажи нам честь, прими участие в нашем ритуале. Прекрасных ветров навсегда!

Он вышел. Адъютант помог ему сесть в машину и повез на север, к лесам его чоса, где ждала его Марр.

* * *

— Позвольте представиться, я — Хуан де Иесуса Кайал и Поломарес из Нью-Мехико, командующий морскими силами Его императорского величества в настоящей компании. Даю вам слово земного офицера, что луч плотный, управление автоматическое. Этот разговор будет записан, но не мониторизирован, а лента будет классифицирована как секретная.

Двое, смотревших на него с экрана, молчали. Тишина была такой, что Кайал осознал присутствие окружавшего его со всех сторон металла, услышал пульс машин, почувствовал слабый химический запах дующего в вентиляторы воздуха.

«Интересно, — подумал он, — какое я произвел на них впечатление. По выражению лица этого старого итрианина — Льзу? Да, Льзу — не понять, а он, очевидно, представляет гражданскую власть».

Это существо сидело как мрачная статуя. Жили лишь желтые глаза в глубоких складках.

Дэннель Холм был весь в движении: то вставлял в рот сигарету, то вынимал ее, барабаня пальцами по крышке стола, левая его щека немного

подергивалась. Он был измученным, небритым, мрачным, в нем не было и следа имперской аккуратности. Но в нем не было и следа робости.

Именно он спросил наконец:

— Почему?

— Почему? — В удивлении ответил Кайал. — Почему я послал вам сигнал, приглашая на конференцию? Для того чтобы обсудить условия, конечно!

— Нет, для чего такая секретность? Не могу сказать, чтобы я поверил вам в этом, как впрочем и во всем другом!

Кайал почувствовал, что у него загорелись щеки. «Я не должен сердиться».

— Как вам будет угодно, адмирал Холм! Тем не менее, наградите меня, пожалуйста, какой-то долей здравого смысла. Не говоря уж о моральной стороне массовых жертв и напрасной траты богатств, вы должны понимать, что я хочу избежать ненужных потерь. Вот почему мы избрали дальнюю орбиту вокруг Авалона и Морганы и не проявляем никаких агрессивных намерений с тех пор, как на прошлой неделе закончилась битва. Теперь, когда мы знаем свои возможности, я готов сказать! И я надеюсь, что вы тоже хорошенько подумаете. Я не интересуюсь ни славой,

ни оглаской. Подобные вещи нужны только для достижения практических целей. Поэтому наши переговоры должны носить конфиденциальный характер. Надеюсь, что вы воспользуетесь возможностью говорить также откровенно, как намерен делать это я, зная, что на ваше слово можно положиться!

— На наше — да! — Сказал Холм.

— Прошу вас, — взмолился Кайал. — Вы сердитесь, вы бы убили меня, если бы могли, но несмотря на все это вы прежде всего профессионал. Мы оба исполняем свой долг, каким бы неприятным он ни был.

— Ну, тогда начнем! Чего вы хотите?

— Обсудить условия, как я уже сказал. Насколько я понимаю, мы втроем не можем осуществить или распорядиться сдачей, но.

— Я думаю, вы можете, — вмешался Льзу.

Он говорил на англике с сухим резким акцентом.

— Если боитесь последствий военного суда, гарантируем вам психиатрическую лечебницу.

Рот Кайала открылся сам собой.

— Что вы говорите?

— Мы должны быть уверены в том, что никаких уловок нет. Я предлагаю, чтобы вы одновремен-

но вывели свои суда на замкнутую орбиту для погрузки.

Транспортные суда для погрузки могут быть приведены в состояние готовности позже.

— Вы. Вы. — Кайал глотнул. — Сэр, мне сказали, что ваш собственный титул переводится примерно как «судья» или «говорящий от имени закона».

Судья, сейчас не время для шуток!

— Если вы не собираетесь сдаваться, — сказал Холм, — то к чему все эти дискуссии?

— Речь идет о вашей капитуляции, пор Диас! — Кулак Кайала опустился на ручку кресла. — Я не собираюсь играть в словесные игры! Вы и так тянули достаточно долго! Но ваш флот был разбит! Небольшие действия с нашей стороны — и он был бы вообще загнан в угол. Мы контролируем все пространство вокруг. Помощь извне для вас невозможна. Все, что может быть безрассудно послано из других систем, будет развеяно в пыль, и командованию об этом известно. — Он подался вперед. — Нам страшно не хочется подвергать вашу планету бомбардировке. Пожалуйста, не вынуждайте нас к этому!

— Что ж, давайте, — ответил Холм. — Наши интенсенторы с радостью попрактикуются!

— Но. Вы считаете, что блокраннеры смогут. Смогут. О, я знаю, насколько велика планета. Я знаю, что случайные маленькие суда могут проскочить мимо наших детекторных установок, ваших патрулей и станций. Но я знаю, какими маленькими должны быть эти суда, и насколько случаен должен быть их успех!

Холм яростно запыхтел сигаретой, прежде чем ему удалось ее раскурить.

— Да, конечно, — отрезал он. — Технический стандарт! Уничтожьте космический флот — и его планете придется уступить, иначе вы превратите ее в радиоактивную пыль! Неплохая работа для человека, а? Что же, мы с моими коллегами предвидели возможность подобной войны годы назад. Мы знали, что никогда не сможем создать флот, равный вашему, хотя бы только потому, что вы, ублюдки, имеете гораздо больше населения и территории. Но защита.

Адмирал, вы стоите у конца долгой череды коммуникаций и складов.

Пограничные миры не могут создать флот, подобный вашему. Ваш флот — детище всей Империи! Мы здесь готовились только к тому, чтобы достойно его встретить. Мы можем проглотить все, что вы намерены в нас швырнуть!

— Абсолютно?

— О'кей, допустим, при удаче, вам удастся приземлиться с боевым зарядным отделением, и оно может быть большим и грязным. Мы это выдержим, домашние охраны снабжены обеззараживающими средствами. Шанс за то, что ему удастся добиться чего-нибудь важного, равен шансу выиграть игру тройкой против королевского флеша. Ни один ваш корабль не сможет достаточно близко подойти к энергетическому прожектору, такому сильному, что он может разглядеть даже, что делается у вас в желудке! А у наших наземных фотонных генераторов нет ограничений ни в размере, ни в массе. Мы можем использовать целые реки воды, чтобы охладить их, пока их носы будут изгонять вас с нашего неба. А теперь скажите мне, почему в этом пылающем хаосе мы должны сдаваться?

Кайал сел. Он почувствовал себя так, как будто ему нанесли удар в спину.

— Неплохо было бы узнать, какие условия вы можете предложить, монотонно сказал Льзу.

«Спасение расы? Эти итриане должны быть чертовски гордыми, но не до безумия же». Надежда вновь ожила в Кайале.

— Условия будут самыми почетными, — сказал

он. — Ваши корабли должны быть конфискованы, но они не будут использованы против Итри, а персонал может отправиться домой, причем офицеры имеют право сохранить оружие. То же самое относительно вашей защиты. Вы должны согласиться на оккупацию и кооперировать с военным правительством, но будет приложено максимум усилий, чтобы все с уважением относились к вашим законам и обычаям; индивидуумы получат право подавать петиции с требованиями, а те земляне, которые превысят свой статус, будут наказываться так же сурово, как авалоняне в аналогичных случаях. В общем, если население будет правильно себя вести, я сомневаюсь что оно вообще увидит имперские суда.

— А после войны?

— Такие вопросы разрешает королевская власть, но думаю, что вы будете включены в состав Реорганизованного Сектора. И вы должны знать, что губернатор Саракоглу — человек деятельный и добрый. Насколько только это будет возможным, Империя позволит развиваться местному образу жизни.

— Позволит! Весомое слово! Но пусть так. Давайте обсудим вопрос демократии. Сможем ли мы остановить возможную волну иммиграции,

прежде чем она нас захлестнет?

— Пожалуй, нет. Гражданам гарантирована свобода передвижения. Это одно из положений, за которые стоит Империя. Черт возьми, нельзя же так самолюбиво преграждать путь прогрессу только потому, что вы стоите за архаизм!

— Обсуждать больше нечего. Всего хорошего, адмирал!

— Нет, подождите! Вы не можете. Сами приговорить свой народ!

— Если Круач и Парламент изменят свои точки зрения, вы будете проинформированы.

— Но послушайте! Вы позволяете им умереть ни за что, — с жаром заговорил Кайал. — Эта граница должна быть укреплена. Вы, весь Доминион, Итри все равно не сможете помешать этому процессу. Вы можете только продолжать убийства, весь этот фарс. И вы будете наказаны за свое упрямство тем, что вам придется принять мир на более худших условиях, чем вы могли бы получить! Послушайте, в этом деле не одна сторона: вы войдете в состав Империи! Вы получите возможность торговать, получите широкие контакты, защиту! Соглашайтесь на сотрудничество, и у вас будет равноправное государство, со всеми привилегиями, какие только возможны.

Через несколько лет все индивидуумы получат земное гражданство.

Естественно, весь Авалон станет частью Великой Земли. Ради любви к богу, будьте реалистами!

— Мы и есть реалисты! — Сказал Льзу.

Холм усмехнулся. Оба экрана померкли.

Несколько мгновений Кайал сидел, глядя на них невидящим взглядом.

«Они не могли говорить серьезно. Не могли!» Дважды он протягивал руку к интеркому. Нужно повторить вызов. Может быть, это какое-то детское упрямство, чтобы вынудить Империю пойти еще на какие-нибудь уступки?

Рука его упала. «Нет, я отвечаю за наше собственное достоинство!»

Решение пришло само. Пусть план «Два» будет отложен. Оставить необходимые военные силы охранять Авалон. На это понадобится не так уж много судов. Единственная реальная возможность помешать переправке значительных ресурсов этого мира на Итри и защитить Империю от баз Авалона. Осада потребует большего количества людей и кораблей, чем этого потребовала бы оккупация, но придется их потратить.

Важным было не упустить момент.

Свободные корабли должны быть немедленно отосланы к Кхрау и Хру на тот случай, если там повторятся подобные попытки. К первой системе он поведет флот сам, ко второй — его помощник. То, что они узнали здесь, очень им поможет.

И он был уверен, что в дальнейшем их ожидают быстрые победы. Служба безопасности попала впросак в деле изучения действенности авалонского оружия, но не самого факта: его скрыть было невозможно. По некоторым сведениям он знал, что остальные планеты не имели своего ворчащего Дэннеля Холма, способного за годы развить такую защиту. Он знал, что другие итрианские колонии обладают маленькими и плохо скоординированными между собой флотами, а сами миры не вооружены.

Кетлен, солнце этого сектора, являло собой большую угрозу. Но пусть себе показывает свою силу, Кайал надеялся, что враги его будут достаточно благоразумны и капитулируют раньше, чем он поразит их в самое сердце.

«А потом, после короткого перемирия, несколько искалеченных молекул подарят нам Авалон. Отлично! Лучше, чем борьба. Знают ли они об этом?

Хотят ли они лишь продлить на несколько

недель, не больше, иллюзию свободы? Что ж, надеюсь, цена, которую им придется за это заплатить жизни, разрушения, реконструкция всего их общества, — надеюсь, что эта цена не покажется им непомерно большой, потому что терпение — это то, что станет для них основой дальнейшего существования!»

* * *

Перед заходом солнца Ферун покинул Миствуд.

В тот день его родной край вполне отвечал своему названию. Туман стелился холодной сырой дымкой, тянувшейся со стороны моря. Особенно густой она была вокруг деревьев, так что они казались странными и призрачными; влага капала с ветвей на опавшие листья, образуя в некоторых местах маленькие озерца прозрачной воды. Но дальше, в глубине острова, где остался Старый Авалон, раздавались звуки, пугавшие животных. Они неслись от дома Феруна.

Собирались крылья. Звук трубы прорезал тишину ночи. Впереди шли его сыновья, встречая товарищей по чосу.

Они несли тело, положенное на носилки. Рядом летели его ухоты, озадаченные неподвижностью

своего хозяина.

Потом шла вдова. За ней — его дочери, их мужья и взрослые сыновья, несущие факелы.

Били по воздуху крылья. Свет прорезал тьму. Шествие поднималось в воздух. Когда факелы оказались вознесенными над завесой тумана, тот обратился в голубоватый призрачный занавес над бледным, как лед, свечением на востоке. На западе, над морем, сверкали королевским пурпуром последние звезды.

А процессия продолжала подниматься, пока не достигла тех слоев воздуха, которые только можно было достичь. Здесь воздух был разреженным и холодным, но на краю мерцающего мира снежные пики Матери погоды уже согревались еще скрытым от взоров солнцем.

Кортеж направлялся к северу.

Дэннель Холм и его семья, следующие за остальными в тяжелом снаряжении и масках для дыхания, видели над собой мелькание крыльев. Они едва различали свет факелов, казавшийся им таким же далеким, как свет самых далеких звезд. Более отчетливым было биение крыльев. Если не считать этого, тишина была полной.

Они достигли земель, сохранивших свою первозданность — уступы, валуны, быстро бегущие

речки.

Здесь сыновья Феруна остановились.

Раскинув крылья, парили они в первых волнах тепла еще не наступившего утра. Впереди была мать, по бокам — члены клана, сзади — чос. И вот над горами поднялось солнце.

К Феруну подлетел новый Виван Миствуда. Еще раз он протрубил сигнал и трижды выкрикнул имя умершего. Подлетела и Марр и запечатлела на лбу мужа прощальный поцелуй. Потом Виван произнес слова Новой Веры, которым было тысячи лет.

— Высоко летел твой дух над многими ветрами, но внизу настиг тебя наконец крылатый Бог охоты! Ты встретил его в гордости, ты сражался с ним доблестно, от тебя он узнал о чести! Умри же теперь, оставшееся да будет водой и листьями, да поднимется ветром. А ты, дух, останься навсегда незабвенным!

Сыновья подняли носилки. Тело упало, а за ним упали факелы.

Марр двинулась вперед и вниз, начав танец неба. Остальные последовали за ней.

Повиснув между пустотой и вечностью, Дэннель Холм сказал Кристоферу:

— А эти земляне думают, что мы им сдадимся!

Глава 11

Льзу из Тарнов заговорил:

— Мы встретились на Великом Круаче Авалона, где свободный народ может избрать свой путь. Наш враг потерял повсюду много силы, направленной против нас. Но это не победа, ибо оставшиеся суда устремятся против Доминиона.

Тем временем он оставил значительное количество судов, которые должны отрезать нас от остального мира. Вряд ли они нападут на нас. Но они будут искать и стараться уничтожить наши базы на родственных планетах и те наши военные корабли, которые остались в космосе. Мы можем до бесконечности развивать нашу защиту. И все же нельзя поручиться за то, что мы будем покорены. Возможно, что это и правда. Потом он объявил, что мы можем ожидать лучшего обращения, если сдадимся сейчас, чем если будем продолжать войну, хотя самое лучшее, на что мы можем рассчитывать — это попасть под власть имперского закона и обычаев. И это, конечно, правда.

Те, кто говорили от вашего имени, отклонили

эти предложения, так как не могли поступить иначе, пока вы все не соберетесь и не решите. Я напоминаю вам о сложностях продолжения войны и о жестоких условиях мира, которые ожидают нас в случае поражения. Более того, я напоминаю вам, что если мы все-таки продолжим сопротивление, свободному народу Авалона придется отказаться от многих своих прав и подчиниться диктату военных лидеров настолько, насколько этого потребует обстановка.

— Что говорят чосы?

Он и его коллеги стояли на старинном участке, расположенном на Первом Острове Гесцерианского моря. За ними возвышался дом Дэвида Фалкайна. Перед ними зеленая лужайка полого спускалась к берегу и прибою. Но не было видно никаких кабин, никаких палаток, ни один корабль не стоял на якоре, не было потока делегатов, стремящихся занять свои места под деревьями.

На церемонии не было времени. Выбранные на региональных митингах и индивидуумы, желающие говорить, сообщались с остальными с помощью электронной техники.

Вооруженный компьютерами штаб работал на полную мощность. Несмотря на нелюбовь

к речам среднего итрианина, несмотря на его всегдашнюю боязнь показаться смешным, рассуждая об очевидных вещах, все же, когда почти два миллиона взрослых оказались перед лицом такого серьезного, как этот, момента, желающих высказаться должно было оказаться столько, что без отбора ораторов выступлений хватило бы на год вперед. Тем, кому слово было предоставлено, предстояло ждать своей очереди.

Аринниан знал, что его должны вызвать. Он расположился рядом с Айат перед большим экраном. Они сидели на широкой передней скамье. За ними громоздились ряды сидений, на которых восседали члены дома Литрана и Блоусы с хозяевами во главе.

Медленно произносимые слова Льзу только усугубляли тишину большого темного помещения, чьи стены были увешаны оружием.

И так же подчеркивал эту тишину шелест перьев, стук когтей или алатана, когда кто-нибудь слегка шевелился.

Воздух был пропитан запахом дерева и итрианских тел. Ветерок, проникающий в открытое окно, добавлял к ним еще запах сырой земли. Он шевелил свисающие с флагштоков знамена.

— Отчитаться о фактах, касающихся.

На экране возникло изображение ранчера. За ним виднелась прерия Северного Коронана. Пастбище вдали, стадо нагруженных ношей цирраухов, ведомое каким-то юнцом.

Появившийся на экране заговорил:

— Запасы продовольствия, сделанные на равнинах Лонг-Бич, были в этом году удовлетворительными. Прогнозы на новый сезон оптимистические. Нам удалось добиться того, что 75 % запасов мяса в бункерах надежно защищены от радиации, и мы надеемся также успешно решить остальные задачи к середине зимы. Детали можно узнать в Центральной Библиотеке. Я закончил!

Снова возникло изображение Верховного Вивана, и тот вызвал следующего из выступающих.

Айат схватила Аринниана за руку. Он почувствовал, как бьется кровь в ее пальцах, когти на двух больших пальцах причиняли ему боль. Он посмотрел на нее. Бронзово-коричневый гребешок был поднят, янтарные глаза светились, как факелы. Меж полуоткрытых губ сверкали клыки.

— Сколько можно продолжать это бесполезное жужжание? — Выдохнула она.

— Они должны знать всю правду, прежде чем решать, — прошептал он ей в ответ и почувство-

вал, что в спину ему устремились неодобрительные взгляды.

— Что решать, когда Водан в космосе?

— Ты помогаешь ему своим терпением, — сказал он и подумал:

«Интересно, кто я такой, чтобы давать советы? Хорошо, Айат была молода, я тоже, но сегодня я чувствую себя постаревшим, и так жестоко, что она не может даже надеяться на получение известия о том, с кем помолвлена, до самого конца войны. Ни один корабль не может передать сообщение на осажденный Авалон».

По крайней мере, было известно, что Водан среди тех, кто бежал.

Слишком многие корабли вернулись на орбиту грудой обломков. Потери землян, конечно, были еще более значительными, благодаря ловушке Феруна и Холма.

Но и итриан погибло так много, слишком много, подумал Аринниан, а что значит миллион землян?

— Вызывается глава охраны Западной Короны!

Он встал и сообразил, что будет гораздо удобнее, если он произнесет свою речь сидя. Он снова сел и начал говорить:

— Я — Аринниан из Врат Бури. Мы в хорошей

форме, вооружены, тренируемся, принимаем рекрутов по мере их поступления. Но нам нужны дополнительные силы; поскольку еще никто не сказал об этом, я бы хотел напомнить всем, что, кроме офицеров, все несут службу по охране лишь в определенное время, причем время добровольцев может быть сокращено до такого минимума, чтобы это не мешало повседневной работе. Наша секция кооперируется с северо-орнезианской и теперь протянулась через весь архипелаг, и мы намерены аналогичным образом продолжить ее к югу и востоку до тех пор, пока не соединимся с Бреданом, Фьери и Островами Щита, чтобы обеспечить непрерывной защитой весь периметр Короны.

От имени моего отца, Первого марчвардена, я хотел бы указать на значительную брешь в защите Авалона. Речь идет о почти полном отсутствии охраны в экваториальной зоне. Там нет ничего, кроме нескольких прожекторов и орудий. Конечно, континент необитаем, это правда, но землянам об этом тоже известно, и если они решатся на вторжение, то вряд ли станут заботиться при этом о сохранении местной экологии. Я хотел бы получить предложения по этому поводу и передать их дальше по нужным каналам. — Во

рту у него пересохло. — Я закончил.

Он глубоко вздохнул. Айат взяла его за руку, на этот раз ее пожатие было более нежным. Судьба оказалась к нему милостивой — никто не задавал вопросов. Он вполне мог бы провести дискуссию по техническим проблемам с несколькими знающими особами, но два миллиона — многовато для человека, не обладающего политическими инстинктами.

Разговор казался бесконечным. Вот наконец было объявлено о голосовании, но до того момента, когда Льзу объявил об том, что, согласно данным, 83 % высказались за продолжение сопротивления, прошло чуть меньше шести часов. Люди не могли бы проделать все это так быстро.

— Что ж, — сказал Аринниан, возвышая голос в шуме расправляемых крыльев, — ничего удивительного!

Айат схватила его за руку.

— Идем, — сказала она. — Надень пояс. Я хочу немного размять крылья перед обедом!

Лил дождь, пахнущий небом. Когда они поднялись к облакам, то оба свернули к востоку, желая отделаться от товарищей по чосу, тоже нуждавшихся в физической разминке.

Белели гребни снежных пиков и ледников,

появились первые звезды, и наравне с ними сверкали несколько движущихся точек, орбитальные крепости.

Они летели в молчании, пока она не сказала:

— Я бы хотела присоединиться к охране!

— Гм?. А, да, конечно!

— Но не к летающему патрулю. Это нужное дело, я знаю, и приятное, если погода хорошая. Но мне не нужны удовольствия! Смотри, вон там поднимается Камелот. Может быть, Водан скрывается внутри его мертвой луны и ждет шанса рискнуть своей жизнью.

— Что бы ты предпочла? — Спросил он.

Движение ее крыльев было более уверенным, чем ее голос.

— У тебя, конечно, целая прорва работы. Твой штат, несомненно, слишком мал, иначе ты бы не был так занят и не уставал бы так. Не могла бы я помочь?

— М-м. Но.

— Быть твоей ассистенткой, посыльным, секретарем? Я могу воспользоваться помощью электрокрама и через несколько дней буду готова приступить к работе.

— Нет. Это слишком трудно.

— Я постараюсь. Испытай меня. Если я не справ-

люсь, уволишь меня, и мы все равно останемся друзьями. Но я думаю, что смогу. Может быть, я справлюсь лучше многих других, тех, кто не знал тебя все эти годы и кто лучше подойдет для другой работы. Я смышленая и энергичная. Разве нет? И.

Аринниан, мне так нужно быть с тобой! Так мне легче пережить это ужасное время! — Она потянулась к нему. Он схватил ее за руку.

— Хорошо, мой боевой друг! — И в тусклом свете звезд она была так же прекрасна, как в свете солнца или луны.

* * *

— Да, я назначу голосование на завтра, — сказал Мэттью Викери.

— И как, по-вашему, оно пройдет? — Спросил Дэннель Холм.

Президент вздохнул:

— А вы как думаете? О, военная фракция в Парламенте не имеет такого большинства, как в Круаче. Некоторые члены охотнее выразят свое мнение голосованием, нежели почтой. Но я видел результаты анализа почты, телефонных звонков и. Да, вам удастся протащить свою проклятую резолюцию.

Вы получите необходимую вам власть, приостановив функции гражданского правительства, чего и добиваетесь. Мне очень хочется, чтобы вы прочли хотя бы некоторые из писем или просто просмотрели бы ряд записей. Я никогда не представлял, что в душах разумных существ столько древнего безумия.

— Борьбу за свой дом вы считаете безумием?

Викери поджал губы:

— Да, когда она не может быть выиграна!

— Я бы сказал, что мы уже кое-что выиграли. Мы разгромили огромную земную армаду. Мы пытаемся достичь еще больших результатов на Итри.

— Неужели вы действительно верите в то, что Доминион способен победить Империю? Холм, Империя не пойдет на компромисс! Встаньте на эту точку зрения хотя бы на минуту, если можете, единственный хранитель границ, защищающий их от вторжений варваров и чуждых цивилизаций, имеющих водородное оружие. Империя должна поддерживать веру в себя, в свою неуязвимость, иначе с ней все будет кончено.

— Мне до слез жаль Империю, — сказал Дэннель Холм, — но его Величество должен решать свои проблемы за счет кого-нибудь другого. Мы

ему так просто не сдадимся! Кроме того, вы же знаете, что земляне не собираются высаживаться на Авалон.

— Им это и не нужно, — ответил Викери. — Если возникнет такая необходимость, они вернутся с новыми силами. А тем временем нам нужно придти в себя. — Он глубоко вздохнул. — Я считаю, что ваша игра будет стоить чрезвычайно.

— Прошу вас. Во-первых, не игра, а изобретение. Во-вторых, не моя, а наша!

— Но неужели вы не понимаете, что в дальнейшем для нас не останется ничего, кроме неизбежного мира? Сейчас мы можем добиться великолепных условий. Я уже имел дело с губернатором Саракоглу и знаю, что он проследит за тем, чтобы соглашение было честным. По здравому размышлению, что такого плохого в том, чтобы войти в состав Империи?

— Ну, начать с того, что мы нарушаем присягу, принесенную нами Итри.

Простите, приятель, смертельная гордость не позволяет!

— Вы сидите здесь и говорите всякие устаревшие слова, но вот что я вам скажу: ветры изменений все крепчают!

— Насколько я понимаю, и эта фраза достаточ-

но стара, — сказал Холм. Ферун тоже знал одну старинную фразу и любил ее цитировать. Как она звучит? В их звездный час.

* * *

Табита Фалкайн оттолкнулась от пристани. Кливер и мачта заскрипели под ветром.

Светлая открытая лодка закачалась среди шипящей пены и устремилась вперед. Выйдя из бухты, она оказалась в открытом море и понеслась над волнами.

— Мы скользим! — Крикнул Филипп Рошфор.

— Конечно, — отозвалась Табита. — Это гидрофойл. Держитесь! — Она надела шлем. Лодка качнулась и накренилась на один бок.

— Нет киля? Что же вы используете для горизонтального сопротивления?

Она указала на старинного вида изогнутые доски, что возвышались над каждым поручнем. Вот что! Конструкция итриан! Они знают о путях ветров больше, чем это могут вообразить себе человеческие компьютеры.

Рошфор озирался, восхищаясь панорамой вокруг. Вид был великолепен.

Кругом, сколько хватало глаз, перекатывались крупные волны, синие с фиолетовыми и зелены-

ми искорками, пронизанные солнечным светом, увенчанные белыми шапками пены. Они ворчали и вздыхали, и брызгались каплями воды, солеными на губах и такими хлесткими, что в тех местах, где они касались тела, на нем выступали красные пятна.

Воздух был прохладным, но не холодным, и напоен жизнью. Сбоку с удивительной скоростью двигались изумрудные высоты Сент-Ли.

Но, он вынужден был это признать, самым великолепным из всего окружающего была высокая загорелая девушка, которая стояла, дымя трубкой, с похожим на коршуна домашним животным на плече. На ней не было ничего, кроме кильта, развеваемого ветром, и, конечно, ножа и бластера на боку.

— Сколько, вы говорите? — Спросил он.

— Около тридцати пяти километров. При такой скорости пара часов. Не стоит возвращаться раньше захода солнца, когда высыпает много звезд, так что у нас будет достаточно времени на то, чтобы хорошенько оглядеться!

— Вы очень добры, донна, — осторожно сказал он.

Она рассмеялась:

— Нет, я рада возможности выбраться оттуда.

Особенно потому, что меня очень привлекают эти морские растения. Если верить экологам, местами они могут покрывать территорию, равную по величине среднему острову. А один рыбак говорил мне, что он видел среди таких зарослей иракена. Надеюсь, мы его найдем. Это редкое зрелище! Они довольно миролюбивые животные, хотя мы все равно не осмеливаемся приближаться к существу такой величины.

— Я имел в виду не только эту экскурсию, — сказал Рошфор. — Вы принимаете меня, военнопленного, в своем доме как гостя.

Табита пожала плечами:

— Почему бы нет? Мы не боимся пустой болтовни. От нее все равно не будет никакого толку. — Во взгляде ее сквозила искренность. — Кроме того, я хочу узнать вас!

Внутренне сжавшись, он спросил себя, насколько хорошо она хочет его узнать.

Она помрачнела.

— И, — сказала она, — я надеюсь. Что вы поймете случившееся. Вы видели, как Драун убил вашего друга. Вы должны понять, что это не бессмысленное убийство. Он очень несдержан: чуть что — и выхватывает оружие. А сейчас война.

Он выдавил из себя улыбку:

— Она будет не всегда, донна!

— Меня зовут Табита, Филипп, или Хилл, когда я говорю на планхе. Нет, конечно. Это верно. Когда вы вернетесь домой, я бы хотела, чтобы вы не думали об итрианах как о чудовищах.

— Итрианах? Вы? — Он поднял брови.

— А кто же еще? Авалон принадлежит Домини-ону.

— Так будет уже недолго, — сказал Рошфор и торопливо добавил:

— Когда этот день придет, я сделаю все, что смогу, чтобы показать вам, что и мы, земляне, тоже не чудовища!

Он не мог понять, как она может так искренне улыбаться.

— Если подобная мысль доставляет вам радость, то что ж, думайте так.

Но боюсь, что вы не найдете здесь особенно много удовольствий. Плавание, ловля рыбы, гребля, прогулки пешком. Да, и чтение. Я страшно люблю приключения, и у меня их много, некоторые доставлены прямо с Земли. Но это, пожалуй, и все. Я единственный человек, имеющий постоянную резиденцию в Сент-Ли, но мои дела и обязанности по Домашней охране заставляют меня подолгу бывать в других местах.

— Я справлюсь, — сказал он.

— Конечно, со временем, — отозвалась она. — Настоящие итриане не настроены к вам враждебно. Главным образом, они смотрят на войну как на нечто неизбежное, на голод, например, когда вынужден кого-то убить ради того, чтобы накормить своих малышей, но ненавидеть его при этом не будешь.

Они не станут болтать с вами запросто, но если вы захотите сыграть в шахматы, то найдете желающих.

Табита поправила парус.

— И все же, — сказала она, — авалоняне любого типа не выдумали столько массовых развлечений, сколько, как я слышала, люди империи. И на экранах вы ничего особенного не найдете, кроме новостей, навевающих сон учебных программ и классических драм, которые, возможно, ничего для нас не значат. Так что. Когда вам станет очень скучно, скажите мне, и я устрою для вас поездку в какой-нибудь город, Грей или Центаур.

— Не думаю, чтобы это было нужно, — сказал он и мягко добавил: Табита.

Дальнейшие его слова были искренними:

— Нет, я чувствую себя виноватым за то, что больше не скорблю о случившемся со мной, что

принимаю свою фантастическую удачу, как будто так и должно быть.

— Ха! — Усмехнулась она. — Когда-нибудь я подсчитаю, сколько раз вам повезло! Остров, на который вы попали, необжитый, чистый старый Авалон, плюс еще населенный экземплярами мерзостных созданий!

— Неужели вооруженный человек, находящийся все время настороже, должен бояться здешних животных?

— Ну, без сомнения, вы смогли бы подстрелить спадатонта, прежде чем он успел бы на вас наброситься, хотя рептилоида убить нелегко. Но насчет пары ликозауроидов я не высказывалась бы так смело, а вот если бы по вашим брюкам побежал каккелек. — Табита сморщилась. — Это все наземные тропические животные. Но еще больше неприятностей могут доставить растения. Вот, например, неподалеку от того места, где вы стояли, я заметила дупло, полное сухих листьев. Вы не итрианин, чтобы вдохнуть их запах и выжить.

— Бр-р-р! — Сказал он. — Какой неисправимый романтик дал название этому месту?

— Праправнучка Дэвида Фалкайна, когда он решил, что это — то место, куда нужно идти, — ответила она, и голос ее вновь звучал серьезно. — Не

говоря уж ни о чем другом, проблема состояла в том, чтобы дать местной природе шанс. Это как с кентаврами, из-за которых в Экватории были введены ограничения, потому что они использовали для своих инструментов камень и кость, и может быть, через миллионы лет смогли бы стать разумными. И, между прочим, они строят свою оборону так же, как предлагали итри, охотники-итри, а не люди.

Она повела рукой.

— Посмотрите, — сказала она, — это наш мир. И он останется нашим!

«Нет, — подумал он мрачно, — ты ошибаешься, Табита-Хилл. Мой адмирал намерен нажимать на твоих итриан до тех пор, пока у них не будет иного пути, кроме как сдать все моему Императору!»

Глава 12

Через неделю после той огненной схватки земная армада двинулась вперед.

Кайал сознавал, что, несмотря на зловещее начало, его компании суждено стать классическим примером в учебнике.

Действительно, решение, принятое им относительно Авалона, классифицировало ее совершенно однозначно. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы поразить врага, обладая такой силой. Как и было предсказано, ни одна другая колониальная система не обладала силами, которые даже отдаленно можно было бы сравнить с защитой Лауры. Обращение с теми, что имелись в наличии, было довольно умелым, но шансов на победу у них не было.

Так что любой мясник мог бы расходовать жизни и корабли и перемалывать своего противника в порошок в течение месяцев. Данные, собранные помощником Кайала, и его собственные заключения доказывали, что его враги именно этого от него и хотели. Они, в свою очередь, будут добиваться отсрочки, посылать свои корабли

в набеги на земные эскадры, пытаться втянуть в игру третью сторону, Мерсей, например, и, в целом, пытаться сделать войну для Земли настолько дорогостоящей, чтобы та сочла мир более предпочтительным.

Кайал сомневался, чтобы это сработало, пусть даже при таких благоприятных обстоятельствах. Он знал людей, сидящих у политического руля. И все равно он считал, что его долг — избежать победы, добытой изнурением, долг перед обоими королевствами. Поэтому он полагался не на медленное и осторожное продвижение, где каждый шаг должен тщательно изучаться, прежде чем будет предпринят следующий, но на внезапный удар.

От крайних точек орбит Кхрау и Хру до Центра было несколько дней полета. Кайал оставил в каждой системе по несколько кораблей из оккупационных отрядов, главным образом технический персонал.

Силы эти казались смехотворными. Марчварден Руса собрал гораздо большие и устремился на освобождение Кхрау.

Земляне немедленно послали сообщение о случившемся. Удивительно быстро появилась большая часть основного флота, и войска Руса

были уничтожены.

На Хру 3 чоса подняли восстание. Они уничтожили часть гарнизона.

Тогда ударили орудия из космоса. Понадобилось не так много выстрелов, чтобы осада имперцев была снята. Виваны были окружены и расстреляны. Это было проделано с полным уважением к их достоинству. Некоторые из них, делая последнее заявление, обратились к своим людям с призывом сотрудничать с представителями войск, что были посланы с Эсперансы на захваченные территории.

Тем временем вторгшиеся устремились к Кетлену. От главного войска отделялись части, захватывающие систему за системой. Кайал не беспокоился о том, чтобы занять большую часть из них. Он довольствовался тем, что разбивал войска их защитников, после чего направлялся дальше.

Через шесть недель солнце Итри было окружено сданными позициями.

Теперь армада углубилась во владения Домениона, находясь более чем в 50 световых годах от ближайшей имперской базы. У орнитоидов еще не было такого шанса для изоляции врага. Если бы они собрали все, что имели для решающей

битвы, не мгновенной, конечно, но такой, которая могла бы длиться недели — они, быть может, смогли бы выиграть в численности. Но они не обладали необходимыми для этого снаряжением и боеприпасами, тогда как Империя обладала.

Кайал создал им для этого все условия. Они приняли их.

Битва Иарро Кластер длилась восемь стандартных дней, считая от первой стычки и кончая бегством последнего из немногих уцелевших итрианских кораблей. Но первые два из этих дней были лишь прелюдией, а три последних — лишь увертюрой битвы. Детали подробно изложены в отчетах. Суть же заключается в том, что Кайал в полной мере воспользовался двумя основными преимуществами. Первая заключалась в неожиданности: ему удалось скрыть, какое огромное число ракетоносцев имеется в его резерве. Вторая заключалась в организации: он играл на своем флоте, как на инструменте, посылая на смерть все новые и новые части плохо скоординированного войска противника.

Возможно, у него было и третье преимущество — гениальность! Когда мысль об этом пришла ему в голову, он сурово осудил себя.

Остатки сил Доминиона ринулись назад, к Кет-

лену. Кайал лениво преследовал их.

* * *

Итри был несколько меньше Авалона, несколько суше, облачный покров его был немного тоньше, и поэтому земля была видна из космоса более отчетливо, коричнево-рыжеватая за дымкой, под светом более холодного и желтого, чем Лаура, солнца. И все же, плавая среди звезд, он выглядел прелестно.

Кайал оставил видеоэкран включенным и время от времени поглядывал на него, отвлекаясь от приборов.

Верховный Виван Траувей сказал:

— Это наглость, что вы вторгаетесь в наш дом! — Англик его был гладким, но он, для полной ясности произношения, прибегнул к помощи вокализатора.

Кайал встретился со взглядом немигающих желтых глаз и ответил:

— Вы согласились на переговоры. Я верю в вашу честь. — «Я также полагаюсь на свою Супернову и ее эскорт. Нужно напомнить ему об этом». Эта война — глубокая печаль для меня. Мне бы страшно не хотелось уничтожать даже самую малую часть вашего мира или отбирать жизни у

ваших столь одаренных людей.

— Может быть, это не так легко и сделать, адмирал, — медленно проговорил Траувей. — У нас есть защита!

— Это известно. Виван, могу ли я говорить прямо?

— Да. И особенно потому, что, как вы понимаете, решение не может быть двойственным.

«Нет, но полмиллиона итриан втянуты в это дело, — подумал Кайал. Мне кажется, будто я ощущаю их присутствие.

Какого рода это правительство? Его нельзя назвать демократическим в полном смысле этого слова, как вообще нельзя прикрепить к нему ни один из земных ярлыков, равно как и само слово „правительство“. Можем ли мы, люди, научиться здесь чему-нибудь? Все наши попытки как будто разбиваются о стену, и единственный действенный вариант, который мы нашли — грубая простота кайзера».

— Я благодарю, Виван, — сказал Кайал, — и призываю вас и ваших людей поверить в то, что мы не станем нападать, если только нас не принудят к этому обстоятельству. Пока что причин к этому у нас нет. Цель наша достигнута. Теперь мы можем с успехом провозгласить свои права

на границах. Любое возможное сопротивление было бы спорадическим и, да позвольте мне употребить это слово, патетическим! Сравнительно малая сила может блокировать Кетлен. Да, естественно, отдельные корабли могут время от времени проскакивать. Но вы будете полностью отрезаны от всех владений, союзников, связей. Подумайте, пожалуйста, о том, сколько времени Доминион смог бы продержаться при таких условиях как политическое единство!

И подумайте, пожалуйста, о том, как подобные бесконечные траты и бесконечное нервное напряжение повлияют на отношение Империи. Раньше или позже будет принято решение об отсечении источника раздражения. Я не говорю о том, справедливо это или нет, но лишь констатирую сам факт. Сам я просто буду вынужден повиноваться приказу открыть огонь. В случае особо отрицательного отношения я, впрочем, мог бы подать в отставку. Но у его Величества достаточно адмиралов.

Покой сгустился вокруг распятого Христа. Наконец Траувей спросил:

— Вы призываете нас сдаться?

— Я призываю вас к прекращению военных действий, — ответил Кайал.

— На каких условиях?

— Взаимное прекращение огня, конечно. Определенно! Пленные корабли и прочее будут задержаны Землей, но пленные обеих сторон будут возвращены.

Мы оставим оккупационные войска в системах, которые мы уже захватили, и займем те миры, провозглашенные частью Империи, в которые мы еще не входили. Местные власти и население должны будут подчиняться оставленным на местах военным властям. С нашей же стороны мы гарантируем уважение к законам и обычаям, к правам на свободу слова и петиций, поощрение экономических связей, способствование возобновлению торговых отношений, как только это станет возможным, сохранение независимости любого индивидуума, желающего продавать свою собственность на открытых торгах и менять место жительства. Определенные части войск останутся возле Кетлена и время от времени будут вмешиваться и в коммерческие дела, если только им не придется проверять, не посылаются ли куда-нибудь воинские отряды или снаряжение.

Перья пришли в движение. Кайал пожалел о том, что не умеет читать по ним. Голос по-преж-

нему оставался монотонным:

— Вы все же требуете сдачи.

Человек покачал головой:

— Нет, сэр, не требуем. Собственно говоря, предъявляя подобные требования я бы просто нарушил свои полномочия. Конечные соглашения — дело дипломатов.

— Что мы выиграем, если заранее согласимся на поражение?

— Многое, — Кайал выпрямился. — Уважая ваши возможности, я не сомневаюсь в том, что вы проконсультировались с вашими специалистами по человеческой социодинамике. Грубо говоря, вам предстоит преодолеть два влияния: одно — негативного свойства, другое — позитивного. Негативным является ваше желание возобновления военных действий. Вы помните о том, что большая часть вашей промышленности все еще сосредоточена в ваших руках, что у вас осталось значительное количество кораблей, что ваш дом хорошо защищен, и прорыв этой защиты обойдется нам в значительную сумму.

Виван, люди Итри, я самым торжественным образом заверяю вас в том, что Империя не собирается уничтожать вас. Зачем нам брать такой груз на себя? Что может быть хуже, чем потеря

высокоразвитой цивилизации. Мы желаем получить вашу дружбу, она нужна нам. Среди прочих причин, эта война была затеяна и для того, чтобы преодолеть причины раскола. Давайте же теперь попытаемся договориться.

Верно, что я не смогу предсказать форму грядущего мирного договора.

Но я прошу вас обратиться к многочисленным заявлениям, сделанным Империей.

Они достаточно ясны, ибо очевидно, что самое выгодное для Империи, чтобы на ее слово можно было положиться.

Доминиону придется отказаться от некоторых территорий. Но можно договориться о компенсации. И, конечно, везде, где ваши границы сольются с нашими, вас ждет целая вселенная.

Кайал молился о том, чтобы слова его были верно поняты. Его речь была составлена специалистами, и он потратил часы на ее заучивание. Но если эксперты ошиблись, или он не справился.

«О, Боже, помоги прекратить это убийство. И прости меня, если в глубине моего мозга все же прячется мысль о пленении этой планеты».

Траувей некоторое время посидел, не двигаясь, потом сказал:

— Это следует обдумать. Прошу вас быть побли-

зости на случай консультации.

Где-то на корабле ксенолог, сделавший изучение Итри делом всей своей жизни, вскочил с кресла, смеясь и плача, и закричал:

— Война окончена! Война окончена!

Над Флервилем плыл колокольный звон.

Звонили колокола большого собора. Взвивались к небу ракеты и таяли, не достигнув звезд. Толпы народа заполняли улицы. Люди были опьянены не столько вином, сколько радостью. Они дудели в рожки, они кричали и каждую женщину поцеловали не менее сотни незнакомых мужчин, внезапно в нее влюбившихся. Днем был устроен парад, и имперские войска прошли под триумфальные звуки трубы, а в небе пролетели эскадрильи воздушных машин и малых космических судов. Но в столице Эсперансы в секторе Пакис основная часть радости вылилась ночью.

Высоко на холме, в оранжерее губернаторского дворца стоял и смотрел на город Экрэм Саракоглу. Он знал, почему город плещет единой большой волной — шум доходил до него лишь как звук отдаленного прибоя, почему он сверкает невиданным бриллиантом. Колонисты сохранили в себе пацифистские черты своих предков: теперь они могли перестать испытывать ненависть к

своим братьям, носящим форму Империи. «Хотя, — проговорил его внутренний голос, — я готов подозревать, что громче всего в них говорит обыденное животное облегчение. Запах страха витал над этой планетой с тех пор, как на границе произошел первый инцидент, и особенно плотным он сделался после начала войны. Рейд итриан, прорвавшихся сквозь наши кордоны. Мгновенно раскалившееся небо».

— Да, — сказала Луиза, — я просто поверить не могу!

Саракоглу посмотрел на маленькую фигурку стоявшей возле него девушки.

Луиза Кармен Кайал и Поломарес не оделась в веселые тона после того, как согласилась принять его приглашение к обеду. Ее туалет был как раз нужной длины, но из простого серого вельвина. Кроме крошечного золотого крестика на груди, ее единственными украшениями были несколько искусственных бриллиантов в волосах. Они сверкали среди черных блестящих кос, как те ночные солнца, что нарушали призрачную неподвижность ночи, или как те капли слез, что повисли на ее ресницах.

Губернатор, облачивший свое тучное тело в рубашку с кружевами и рюшем, тигрово-пятни-

стую арктоновую куртку, зеленые иридоновые килоты, снежно-белые чулки, украсил все это драгоценностями, прикрепив их везде, где только можно было найти для этого место, осмелился погладить ее по руке:

— Вы боялись продолжения драки? Нет. Это невозможно. Итриане не безумцы. Принимая условия предложенного нами перемирия, они даже лучше, чем мы, понимали, что война для них проиграна. Ваш отец скоро будет дома.

Он свое дело сделал. — Он вздохнул, надеясь, что вел себя не слишком театрально. — Моя роль, конечно, будет более прозаической!

— Из-за условий переговоров?

— Да. Не то чтобы мой статус был неограниченным. Но, как бы там ни было, мне предстоит быть представителем Земли, и Империя будет полагаться на совет моего штаба и мой собственный. В конце концов, этот сектор будет по-прежнему граничить с Доминионом и объединять новые миры.

Взгляд ее был слишком пронзительным для таких юных глаз.

— Вы становитесь весьма важным человеком, не так ли, Ваше Превосходительство? — Тон ее голоса был если не ледяным, то, во всяком случае,

весьма прохладным.

Саракоглу полностью углубился в отрывание лепестков от цветка фуксии.

Куст циниамона — итрианского растения — наполнял воздух нежным ароматом.

— В общем, да, — сказал он. — Я не хочу быть нечестным с вами, донна, выказывая ложную скромность!

— Сектор будет расширяться и реорганизовываться. Вы, возможно, получите награды или рыцарские отличия. И, наконец, вполне вероятно, будете отозваны домой с предложением стать одним из сверстников.

— Мечты не возбраняются никому!

— Вы способствовали началу этой войны, губернатор!

Саракоглу провел ладонью по лысой голове. «Отлично, — решил он. Если ей совершенно безразличны те шаги, которые я предпринимаю по отношению к ней, если ей безразлично, что из-за нее я послал отказы Хельге и Генриетте (конечно же, слухи об этом достигли ее ушей, хотя она не сказала ни слова и ничем не выдала своей осведомленности) — что ж, я, возможно, смогу вернуть их, или, если они не захотят вернуться, недостатка в других не будет. Несомненно,

эта моя мечта о ней — просто вечное мужское нежелание признать, что я старею и толстею. Но мне давно уже известно, что является лучшим лекарством от разочарования. Но как мило она выглядит среди цветов».

— Я способствовал тому, чтобы привести это дело к удачному концу до того момента, как оно приняло бы дурной оборот, — сказал он ей. — Итриане не святые. Они следуют всегда своим интересам, насколько это позволяют им ресурсы.

— Было принесено много человеческих жертв.

— Донна, я принес Земле присягу!

Она все еще испытующе смотрела на него.

— Тем не менее, вы должны были сознавать, что это означает для вашей карьеры, — сказала она по-прежнему спокойно.

Он кивнул:

— Конечно. Но поверите ли вы мне, если я скажу, что это не упростило все для меня, а усложнило? Я думал, я действительно считал, что рекрификация границ будет благим делом. Да, я думал, что способен на большее, нежели на выполнение обыденной работы: вначале перестройка здесь, потом, если удастся, работа в политическом совете, где я смог бы провести в жизнь ряд реформ. Должен ли я был отказаться

от этого дела, боясь показаться самодовольным? И неужели я так нехорош тем, что мне нравится моя работа?

Саракоглу опустил руку в карман, ища портсигар.

— Возможно, ответ на эти вопросы — «да», — закончил он. — Как может быть уверен простой смертный?

Луиза подошла к нему немного ближе.

Сердце его скакнуло, но он заставил себя удержать на губах жалкую полуулыбку.

— О, Экрэм!.. — Она запнулась. — Простите, Ваше Превосходительство!

— Нет-нет, это большая честь для меня, — сказал он.

Она не намекнула ему, чтобы он называл ее по имени, но сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Я прошу прощения за эти мои намеки, я вовсе не это имела в виду. Я бы ни за что не пришла бы сегодня сюда вечером, если бы не знала наверняка, что вы. Честный человек!

— Я едва надеялся на то, что вы примете мое приглашение, — сказал он ей с отмеренной долей печали в голосе. — Вы могли бы праздновать это событие в кругу молодежи!

Бриллианты в ее волосах остро вспыхнули,

когда она покачала головой.

— Нет, только не по такому поводу. Слышали ли вы о том, что я однажды уже была помолвлена? Он был убит во время акции два года назад.

Превентивная мера, так это называлось, усмирение племен, которые отказались следовать «совету» имперского резидента. Вот как! — Она перевела дыхание. — Сегодня я просто не могла найти слов для вознесения благодарности Господу! Мир — слишком большой дар для того, чтобы выразить его словами!

— Вы дочь адмирала, — сказал он. — Вы знаете, что мир никогда не бывает даром.

— Значит, войны полезны?

Их прервал осторожный кашель.

Саракоглу оглянулся. Он ожидал увидеть лакея с коктейлями на подносе, и вид человека в морской форме озадачил его.

— В чем дело? — Сердито спросил он.

— Если позволите, сэр, — нервно проговорил офицер.

— Умоляю вас простить меня, донна, — Саракоглу склонился над удивительно нежной рукой Луизы и последовал за человеком в холл.

— Итак? — Спросил он.

— Курьер из армии, стоящей возле Лауры,

сэр, — офицер дрожал и был бледен. — Знаете, есть пограничная планета Авалон?

— Конечно, знаю, — Саракоглу старался держать себя в руках.

— Так вот, сэр, они сдержали слово насчет перемирия. А сейчас отказываются! Говорят, что хотят продолжать драку!

Глава 13

Худое бородатое лицо на экране проговорило с ноткой отчаяния в голосе:

— Господа, вы. Вы ведете себя как настоящие безумцы!

— У нас неплохая компания, — ответил Дэннель Холм.

— Значит, вы намереваетесь отделиться от Доминиона? — Воскликнул адмирал Кайал.

— Нет! Собираемся в нем остаться. Нам здесь очень нравится! Никакой тебе имперской бюрократии!

— Но соглашения о перемирии?.

— Конечно, мы будем придерживаться его. Авалон никому не хочет причинять вреда.

Кайал плотно сжал губы:

— Знаете, нельзя так играть словами. Ваше правительство заявило, что Империя может занять эту систему, пока не будет разработано окончательное мирное соглашение.

Льзу из Тарнов наклонил седую голову к сканеру, передававшему его изображение в офис Холма и на орбитальный корабль Кайала.

— Обычаи итриан не похожи на земные, — сказал он. — Миры Доминиона связаны друг с другом клятвами взаимной дружбы. То, что наши коллеги не могут больше помогать нам, не дает им права приказывать, чтобы мы сами отказывались от продолжения самозащиты. Но, не говоря уже ни о чем другом, наша гордость требует, чтобы мы продолжали борьбу ради той помощи, которую, возможно, сможем им оказать.

Кайал потряс в воздухе кулаком.

— Господа, — прогремел он, мне кажется, вы думаете, что мы живем в эру беспорядков, а вашими оппонентами являются варвары, не знающие ни что такое цель, ни что такое организация, и отступающие от своего, если сразу не получают того, чего хотят. Правда же состоит в том, что вы выступаете против Имперской Земли, которая мыслит на столетия вперед и правит тысячами планет. И все это может быть обращено против вас. Практически вся сила, победившая Доминион, может быть сейчас же сосредоточена в одном месте. И так будет, господа! Если вы будете настаивать, именно так и будет.

Он обвел взглядом каждого из оппонентов:

— У вас сильная защита, — сказал он, — но вы должны понять, каким образом она будет

уничтожена. Сопротивление не дает вам ничего, кроме как уничтожение ваших домов, смерть миллионов. Спросили ли вы у них?

— Да, — ответил Льзу, — в промежутке между известиями о капитуляции Итри и вашим прибытием Круач и Парламент снова провели голосование.

Большинство высказалось за продолжение войны.

— Насколько было велико в этот раз большинство? — Резко бросил Кайал.

Он увидел, как встопорщились перья и напряглись мускулы, и понимающе кивнул:

— Мне страшно не хочется вести войну с мирным населением.

Холм сглотнул:

— Вот что, адмирал. Как насчет. Эвакуации всех, кто не может или не хочет оставаться, прежде чем мы снова начнем драку?

Кайал сидел неподвижно. Лицо его окаменело. Когда он заговорил, то казалось, будто собственное горло причиняет ему боль.

— Нет. Я не могу позволить врагам избавляться от их же собственных обязательств.

— Вы жаждете возмездия? — Спросил Льзу. — Неужели нельзя продлить период прекращения

огня до тех пор, пока не будет подписан мирный договор?

— А если по этому договору Авалон отойдет Империи, вы станете повиноваться? — Вопросом на вопрос ответил Кайал.

— Возможно.

— Неприемлемо! Лучше сразу же покончить с этим делом. — Кайал колебался. — Конечно, понадобится время на то, чтобы привести все в порядок в других местах и переправить сюда армию. Учтите, период прекращения огня кончается, когда мой корабль возвратится на установленную по соглашению дистанцию. Но очевидно, что война будет иметь в статус-кво, включая факты прекращения огня с уважением к правам Авалона и Морганы, на короткий период. Я проконсультируюсь с губернатором Саракоглу. Я обещаю вам и всем авалонянам самое тщательное обсуждение проблемы и достижение как можно более разумного решения. Если вы захотите с нами связаться, вам стоит только передать согласие на переговоры. Чем скорее и в более мягкой форме оно до нас дойдет. Тем более великодушным будет. Обращение, на которое вы можете рассчитывать.

— Принято к сведению, — сказал Льзу.

Последовали ритуальные церемонии, и экран с изображением Кайала померк.

Холм и Льзу смотрели друг на друга через разделявшее их пространство.

Аринниан, сидящий в глубине оффиса отца, тревожно шевельнулся.

— Он действительно имел это в виду, — сказал Холм.

— Насколько верным было его заявление о дополнительных возможностях?

— Спросил Виван.

— Абсолютно верным. Мы не смогли бы блокировать всю силу, в полном составе, обрушься она на нас. В таком составе ее бомбардировки могли бы достичь цели, несмотря на наши заграждения. Мы зависим от нежелания Империи разрушать первоклассные земли. И, вероятно, от личного нежелания этого человека идти на многочисленные жертвы.

— Раньше вы говорили мне, что у нас есть план.

— Мы с моим сыном работаем над ним. Если он покажет какую-нибудь надежду, то вы и остальные скоро о нем услышите. А пока, думаю, вы заняты также, как и я! Счастливых ветров!

— Летайте высоко, Дэннель Холм! — И этот

экран тоже померк.

Марчварден отшвырнул сигарету, долго сидел, нахмурившись, потом встал и подошел к окну. Из него открывался вид на ясный зимний день. В Грее не было снегопадов, как в городах северных районов, и растительность на холмах зеленела круглый год. Но ветер дул холодный и пронизывающий. У залива мелькали белый фуражки работающих людей, развевались плащи. Наверху носились итриане в изменяющихся потоках воздуха.

Аринниан подошел к отцу, но прежде чем он смог заговорить, ему пришлось облизать губы.

— Папа, есть ли у нас шанс?

— Видишь ли, выбора у нас нет, — ответил Холм.

— Нет, есть! Мы можем проглотить нашу чертову гордость и объявить людям о том, что война окончена!

— Они бы сместили нас, Крис! Ты же сам знаешь: Итри может сдаться, потому что она не потерпела поражения. Остальные колонии могут согласиться на оккупацию, потому что все понятно, они не смогут спасти положение. С нами же дело другое. — Холм подмигнул сыну сквозь клубы голубого дыма. Ведь ты же не боишься,

не так ли?

— Не за себя, надеюсь! За Авалон. Боюсь всей этой риторики насчет дальнейшей свободы. Насколько могут быть свободны тела, лежащие на искореженной земле?

— Мы готовимся не к уничтожению, — сказал Холм. — Мы готовимся к тому, чтобы пойти на риск уничтожения. А это совсем другое дело. Мысль состоит в том, чтобы сделать наш захват слишком невыгодным.

— Если бы Авалон отошел Империи, а нам бы не понравились условия, то мы могли бы иммигрировать в Доминион.

Палец марчвардена указал на пейзаж за окном.

— А где ты найдешь близнеца вот этому? И что останется именно от этого общества, которое строили наши предки и мы сами?

Некоторое время он молча курил, потом сказал:

— Как-то мне довелось читать книгу об истории колонизации. Автор сделал интересный вывод. Он сказал, что приходится оставлять большую часть поверхности под покровом самой разнообразной растительности, она нужна для поддержания атмосферы. Эти растения являются

частью экологии, так что приходится держать большое количество животных, а так же почвенные бактерии и так далее. И пока необходимость поддерживать биосферу остается в силе, часть продовольствия и тому подобное необходимо синтезировать. Вот почему колонисты на землеподобных планетах почти всегда являются фермерами, ранчерами, лесниками, а также шахтерами и текстильщиками.

— И что же дальше? — Спросил его сын.

— А то, что ты выращиваешь в своем мире поколение за поколением. Речь идет не о стенах или машинах, но о живом мире, о природе: о дереве, на которое ты впервые в жизни влез, когда был мальчишкой; о поле, которое возделывал твой дед; о том самом холме, на вершине которого ты впервые в жизни поцеловал девушку. Твои поэты воспели это, художники изобразили, на этом основаны твоя теория жизни, история, твои предки вернули этой земле свои останки, и так будет с тобой. И ты не сможешь отказаться от всего этого добровольно, только вырвав сердце из груди.

И снова Холм посмотрел на сына.

— Я думал, что ты сильнее меня, Аринниан, — сказал он. — Что с тобой случилось?

— Тот человек, — пробормотал он. — Он не

угрожал всякими ужасами, он предупреждал, умолял! Это приблизило ко мне их дома. Я увидел. Мать, ребятишек, тебя, моих товарищей по чосу.

«Айат, Хилл, Хилл, которая Табита! Все эти недели мы вместе работали: она, Айат и я. Три дня назад я летел между ними на проверку этой подводной военной базы. Сверкающие бронзовые крылья, развевающиеся золотые волосы.

Глаза золотистые, глаза зеленые. Чистая линия килевой кости. Очертания полной груди. Она чиста. Я знаю, что это так. Я придумал массу причин, чтобы побыть с ней, встретиться с ней! Но этот проклятый речистый землянин, который живет в ее доме, со своей мишурой космополитического очарования — он слышит ее хрипловатый голос неизмеримо чаще, чем я!»

— Сделай скидку на их неимоверную гордость, — сказал Холм.

«Айат скорее умрет, чем сдастся».

Аринниан расправил плечи:

— Да, конечно, папа!

Холм наконец-то улыбнулся.

— В конце концов, — сказал он, — это ведь ты первый заложил камень той удивительно сложной интриги, плести которую мы намерены.

— По сути дела. План не является всецело моим.

Мне пришлось поговорить с. Табитой Фалкайн, ты ее знаешь? Она полушутя обронила замечание. Вспоминая его позже, я подумал, а что если. В общем, все было именно так.

— Гм! Похоже, это интересная девушка! Особенно учитывая то, что в такие дни она может оставаться веселой! — Холм, по-видимому, заметил мелькнувший в глазах сына огонек, потому что быстро отвернулся и сказал: Давай-ка приниматься за работу. Прежде всего составим карту. Хорошо?

Нетрудно было угадать течение мыслей сына. Интонации его голоса, морщинки, собравшиеся вокруг его глаз — все это выдавало его. «Так, так, Крис! Наконец ты встретил девушку, которая является для тебя не просто секс-машиной. Но посмею ли я сейчас сказать об этом Ро? Я лучше скажу, что наш сын и я снова вместе!»

В окрестности Сент-Ли зима принесла дожди. Они струились, они гремели, они смывали, они ласкали, омовение их струй было приятно, а когда на какое-то время они прекращались, то оставляли после себя радугу.

И все же большую часть времени приходилось проводить в помещении, слушая музыку или разговаривая. А вечера были такими ясными, что

невозможно было терять эти часы.

Табита и Рошфор брели вдоль берега. Пальцы их рук были сплетены.

Воздух был теплым, и на нем был только кильт и принадлежащий ей кинжал у пояса, который она ему дала.

На востоке поднялась над водами Моргана. Ее почти неразличимое поле все застлало белой дымкой, так что те звезды, которые оставались еще видимыми, сияли матово и нежно.

Свет этот лился от горизонта к скалистым выступам, обращая их в подобие затухающих костров. Люди под ним тускло светились, а деревья сливались в единую туманную полосу. Ветра не было, и шум прибоя был уверенным и ненавязчивым, как биение сердца. Запахи листвы и почвы смешивались с запахами моря. Песок отдавал воздуху дневное тепло и слегка шелестел под их ногами.

Рошфор с тоской сказал:

— И это должно быть разрушено? Сожжено, отравлено, испепелено? И ты?!

— Мы надеемся, что этого не случится, — ответила Табита.

— Я говорю тебе, я знаю, что должно последовать.

— Враг непременно применит бомбардировку?

— Без охоты. Но если вы, авалоняне, с вашей бессмысленной гордыней не оставите им выбора. — Рошфор прервал начатую фразу. — Прости меня. Мне не следовало этого говорить. Просто нервы чересчур напряжены.

Ее рука вздрогнула в его ладони.

— Я понимаю, Фил. Ты не враг!

— Что плохого в том, чтобы присоединиться к Империи? — Он указал на небо. — Смотри! Там солнце, а потом еще одно, а потом еще! И все они могут быть вашими!

Она вздохнула:

— Я хотела бы.

Очень внимательно она слушала его сказки о мириадах миров.

Внезапно она улыбнулась, и лицо ее как будто осветилось.

— Нет, я бы не хотела, — сказала она. — Я заставлю тебя сдержать свое обещание и показать мне Землю, Анзу, Хоупвелл, Цинтию, Водан, Диомерес, Викоен — все, о чем ты мне рассказывал, когда снова наступит мир.

— Если это будет еще возможно.

— Будет! Эта ночь слишком хороша для того, чтобы можно было думать о другом.

— Боюсь, что не могу разделять с тобой итрианское отношение к жизни, — медленно проговорил он. — И это тоже ранит!

— Разве? Я имею в виду то, что ты храбр, я же знаю, что это так, и я знаю, что ты умеешь наслаждаться жизнью. — Голос ее сделался тихим, ресницы опустились. — Да, можешь!

Он остановился, повернулся к ней, схватил другую ее руку. Они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я попытаюсь, — сказал он, — ради тебя. Ты поможешь мне?

— Я помогу тебе во всем, Фил, — сказала она.

Они целовались и раньше, вначале легкими поцелуями радости встречи, потом более долгими. Сегодня она не мешала движениям ни его, ни своих рук.

— Фил и Хилл, — прошептала она наконец, прижавшись к нему. — Фил и Хилл! Дорогой, я знаю одно место в двух километрах отсюда. Деревья там образуют хорошее убежище, и между ними можно видеть луну и воду, а трава там густая и мягкая, как на Земле.

Он пошел за ней, едва способный верить своему счастью.

Она рассмеялась мягким грудным смехом.

— Да, я верила в это, — сказала она. — Я ждала своего дня так долго!

Ты не возражаешь против того, чтобы тебя соблазнили? Может быть, у нас действительно мало времени?

— Целой жизни рядом с тобой было бы мало, — сказал он ей.

— Теперь тебе придется помочь мне, любовь моя, — сказала она ему. Ты первый у меня. Я всегда ждала тебя!

Глава 14

Аринниан позвал Айат с земли:

— Хой-а-а! Спускайся вниз и идем. — Он усмехнулся и добавил на англике:

— Мы, Важные Исполнители, не можем зря тратить время!

Она сделала еще один круг. Солнце, бившее ей в спину, обращало ее крылья в бронзовую бахрому с золотым ореолом по краям. «Она могла бы быть самим солнцем, — подумал он. — Или ветром, или всем диким и прекрасным, что существует над этой ферробетонной пустыней». Айат стремительно понеслась вниз, развернулась в потоке воздуха и остановилась перед ним.

Взгляд ее с тревогой задержался на торпедообразном сооружении, громоздившемся за его спиной.

— Мы должны путешествовать на этом? — Спросила она.

— Поскольку нам предстоит пролететь половину окружности планеты — да, — ответил он ей. — Ты обнаружишь, что это не так уж плохо. Особенно потому, что прыжок не будет долгим.

До Сент-Ли меньше часа. Ну-ка, дай мне руку.

Пальцы, чьи когти могли оцарапать его, были тонкими и теплыми. Они доверчиво легли на его ладонь. Он подвел ее к трапу. Конечно, ей и раньше приходилось летать на машинах, но всегда на круглых, хрупких и медленных, кабины которых были похожи на стеклянные пузыри.

— Вот проблема, которую чосы, подобные Вратам Бури, должны преодолеть, — сказал он. — Клаустрофобия. Вы очень ограничиваете свои способности и возможности путешествовать, когда окружаете себя прозрачным веществом.

Она подняла голову:

— Если страдания Водана могли быть большими, то мне стыдно, что я отстаю от него, Аринниан!

— Я надеюсь, что ты увидишь то, что видел Водан. Ему нравится в космосе, не так ли?

— Д-да. Он говорил мне об этом. Мы должны непременно увидеть другие планеты после войны.

— Попробуем сегодня же убедить тебя, что в путешествии, как и в цели, есть что-то особенное. М-м-м, знаешь, Айат, две близкие по духу пары, путешествующие вместе. Ну, вот мы и здесь!

Он усадил ее в кресло помощника пилота, хотя

она была его пассажиркой.

— Обычно это не бывает необходимым, — объяснил он. — Флиттер является космическим — на нем легко можно достичь Морганы, ближайших планет, если это нужно, — так что его ускорительные поля вполне терпимы, если не считать внутреннего веса при состоянии свободного падения, но мы полетим высоко, в тех слоях атмосферы, где не создается сонический эффект. А поскольку во время войны могут нарушаться любые правила, и над нами имеется целая серия орбитальных крепостей, то.

Она склонила свой гребешок к его плечу.

— Конечно, Аринниан, — пробормотала она.

Он прикрепился, проверил приборы, настроился и взлетел. Первые минуты полета находились под контролем, и они без труда прошли охранные проекторы, охранявшие космопорт. Оказавшись за их пределами, он стал набирать высоту, пока позволял закон, пока верхние слои атмосферы не придали его лодке силу, обеспечивающую минимальный расход времени для достижения цели.

— О-о-х, — выдохнула Айат.

Полет их был спокойным. Видеоэкраны давали возможность созерцать пространство в нескольких направлениях. Внизу серебряным океаном

стлался Авалон. Вокруг — пурпурное мерцание, солнце, луна, несколько звезд огромное, неподвижное, спокойное пространство.

— Ты должна была видеть эти места, — сказал Аринниан.

— Да. Но это не то же самое, — Айат схватила его за руку. — Благодарю тебя, мой дорогой соратник!

«А я стремлюсь к Тэбби, чтобы рассказать ей о плане, который нам может помочь и который позволит нам работать вместе. Как смею я быть так счастлив?»

Они летели в итрианском молчании, которое умеет создавать больше понимания, чем человеческая болтовня.

Они были недалеко от цели своего назначения. Но пробившись через туман, они обнаружили, что небо над ними жемчужно-серое, а остров скопление мягких зеленых цветов. Посадочное поле было маленьким, высеченным среди гор в нескольких километрах от того места, где жила Табита.

Когда Крис сообщил ей о своем приезде, она обещала его встретить.

Он расстегнул костюм слегка задрожавшими пальцами. Не прекращая помогать Айат, он от-

крыл воздушный замок. Появился трап. Ветер взъерошил его волосы — теплый, сырой ветер, напоенный запахом джани, росшей вокруг поля. Табита стояла рядом и махала ему.

Левой рукой. А правая покоилась в руке землянина.

Через полминуты она крикнула:

— Ты что, намерен простоять там весь день, Крис?

Он спустился. Они обнялись и пожали друг другу руки на человеческий манер. Тем временем ее нога касалась ноги Рошфора. На ней не было ничего, тело украшал лишь рисунок. В него входил и такой банальный фрагмент, как пронзенное стрелой сердце.

Аринниан поклонился.

— Нам нужно обсудить важный вопрос, — сказал он на планхе. — Лучше сразу пройти в дом Драуна.

* * *

Действительно, партнер и начальник Табиты ждал их у себя дома.

— Слишком много юнцов и приверженцев, — проворчал он. — Необходимо помнить о соблюдении тайны — или вообще ничего не выйдет. Хотя

мы и знаем, как ты любишь общение.

— Гости в моем доме всегда желанны, — строго сказала женщина.

Аринниан подивился тому напряжению, присутствие которого он ощутил в атмосфере. Или оно в нем самом?

Драун, иссеченный шрамами, худой, не встопорщил перья, а опустился на хвост, показывая, что он сердится, не переставая поглаживать бывший при нем нож. Взгляд Табиты, устремленный на Рошфора, был, казалось, менее нежным, чем на поле, и более призывным.

Оглядевшись, Аринниан обнаружил, что гостиная несколько изменилась.

Но это ему понравилось. Табита сама отделывала дом. Потолок, флюоропанель, был низким по итрианским стандартам о гармоничности пропорций. Несколько расшитых циновок лежали на полу из полированного дуба, между стенами из серного дерева огромные окна, несколько кушеток, низкие столики, каменная ваза, наполненная цветами. Все было сверкающе чистым, устранен обычный для нее домашний беспорядок, как то: стоящая не на месте пепельница, валяющаяся трубка, раскрытая книга, модель корабля, который она мастерила.

Зато сегодня он увидел несколько странных для Авалона вещей: гитару, которую, должно быть, заказывали позднее, ибо она на гитаре не играла.

Занавес, отделявший ее спальню от гостиной, не был опущен. Аринниан отметил новую двуспальную кровать, чей каркас был сделан из дерева и перьев.

Айат коснулась его плечом. Драун не нравился ей. Он ощутил излучаемое ею тепло.

— Да, — сказал он. — Нам действительно стоит держать это дело в тайне. — Он скользнул взглядом по Рошфору. — Насколько я понимаю, вы изучаете планх. Как ваши успехи?

Улыбка землянина была удивительно робкой для инопланетного врага, вскружившего голову девушке, некогда именуемой Хилл.

— Не слишком велики, — произнес он. — Я бы попытался сказать несколько слов, но боюсь, что вы найдете мой акцент чересчур ужасающим!

— Он чертовски хорошо успевает, — сказала Табита и прижалась к нему.

Обняв ее рукой за талию, Рошфор заявил:

— Я не имею ни малейшего намерения передавать ваши планы своим, гражданин. Я хотел сказать, Кристофер Холм! Но мне лучше прояс-

нить свою позицию. Я — на стороне Империи. Когда я получал офицерский чин, я принял присягу, и сейчас не собираюсь отрекаться от своего звания.

— Хорошо сказано, — одобрила Айат. — Так мог бы сказать мой нареченный!

— Что значит честь для землянина? — Фыркнул Драун. Табита бросила на него полный ярости взгляд. Прежде чем она смогла что-либо сказать, не поняв, очевидно, сказанной на планхе фразы, землянин продолжал:

— Я думаю, что после войны я поселюсь на Авалоне. Каким бы ни был ее конец. Но я верю в то, что он может быть только один. Кристофер Холм, прежде, чем влюбиться в эту леди, я влюбился в ее планету! Смогу ли я заставить вас понять неизбежное, прежде чем ужас опустится на Тэбби и Авалон?

— Нет, — ответил Аринниан.

— Я так и думал, — вздохнул Рошфор. — О'кей! Я пойду погуляю. Часа будет достаточно?

— О, да, — сказала на англике Айат.

Рошфор улыбнулся:

— Я люблю весь ваш народ!

Айат кивнула Аринниану.

— Я вам нужна? — Спросила она. — Ты со-

бираешься объяснить идею в целом? Я ее уже слышала. — Она издала свистящий звук, обозначающий на планхе смешок. — Вы знаете, как жены ускользают от насмешек своих мужей?

— Гм?. — Сказал он. — Что же ты собираешься делать?

— Побродить с Ф. Фи-липп Хроаш Фор. Он бывал там, где сейчас Водан.

«И ты тоже?» — Подумал Аринниан.

— К тому же, он мужчина Хилл и наш друг, — добавила Айат.

— Иди, если хочешь, — сказал Аринниан.

— Значит, час, — коготки постукивали, шелестели перья, когда Айат шла за землянином. Она догнала его и взяла за руку. — Идемте, нам нужно о многом поговорить, — сказала она на своем певучем англике.

Он снова улыбнулся, поцеловал Табиту и повел итрианку за пределы дома. Когда они исчезли, установилась тишина, нарушаемая лишь шелестом деревьев. Аринниан не двинулся с места. Драун глумливо усмехался. Табита порылась в трубках, выбрала одну и закурила. Казалось, все ее внимание привлечено именно к этому занятию.

— Не нужно меня винить, — сказал Драун. —

Если бы не Табита, я бы обошелся с ним так же, как и с его товарищем. Известно ли тебе, что она не позволила превратить его череп в кубок?

Табита окаменела.

— Что ж, скажи мне, когда ты устанешь от его приставаний, — продолжал Драун. — Я вскрою его живот на итрианском алтаре.

Она решительно повернулась к нему. На ее щеке белел шрам.

— Чего ты добиваешься, чтобы я положила конец нашему партнерству? Спросила она. — Или же хочешь, чтобы я тебя вызвала тебя на дуэль?

— Табита Фалкайн имеет право сама устраивать свою жизнь, Драун, вмешался Аринниан.

— Ак-р-ркх, может быть, я сказал не то, что хотел, — проворчал тот.

Перья его встопорщились, голова склонилась на бок. — Но сколько еще мы должны сидеть в этой клетке из земных кораблей?

— Столько, сколько будет нужно, — ответила Табита, все еще бледная и дрожащая. — Ты что, хочешь броситься и умереть ради собственной спеси, как герой какой-нибудь саги? Или вызвать такой штормовой налет, который уничтожил бы целый континент?

— Почему бы и нет? Наконец-то все умрет! —

Усмехнулся Драун. — Какой бы получился грандиозный фейерверк! Лучше бы, конечно, было послать в адские ветры Землю, но коль скоро мы не можем этого сделать.

— Я бы предпочла, скорее, проиграть войну, чем убить планету, любую планету, — сказала Табита. — И тем сильнее было бы мое желание, чем гуще населена была бы планета. — Она понизила голос и прямо посмотрела на итрианина. — Твоя беда в том, что Старая Вера усиливает каждое проявление желания убить ту войну, что будоражит в тебе. А ты не имеешь возможности это сделать!

Выражение лица и тела Драуна говорило: «Возможно, с врагами я не церемонюсь». Но вслух он ничего не сказал. Табита не хотела смотреть на него. Вместо этого она обернулась к Аринниану:

— Ты можешь изменить это положение? — Спросила она. Улыбка ее была почти робкой.

Он не улыбнулся ей в ответ.

— Да, — ответил он. — Позволь мне объяснить, что мы имеем в виду.

* * *

Поскольку орнитоиды не привыкли уходить на большие расстояния, а во время полетов продолжительные разговоры невозможны, Айат

вначале повела Рошфора к яслям. После повторяющихся визитов в течение последних нескольких недель она знала дорогу. Там жили несколько цирраукров, лошадь Табиты. Последняя была меньше, чем ее соседи, и походила на них только тем, что тоже была теплокровной. Но те, хотя и не были млекопитающими в прямом смысле этого слова, использовались для аналогичных целей.

— Вы смогли бы снарядить ваше животное? — Спросила она.

— Да, теперь, когда я пожил здесь некоторое время. Раньше мне, похоже, приходилось видеть лошадь разве что в зоопарке. — Улыбка его была механической. — А не следует ли нам попросить разрешения?

— Зачем? Люди чоса должны соблюдать обычаи своих гостей, а во Вратах Бури не принято спрашивать, когда находишься в кругу друзей.

— Теперь мне очень хочется, чтобы мы действительно ими были.

Она подняла руку и мягко провела концом крыла по его щеке.

Они сели в седла и поскакали рядом по тропе. Листья шелестели от морского бриза, серебристые в этом ясном свете. Цокали копыта, но сырой воздух не давал подниматься пыли.

— Ты так добра, Айат, — сказал Рошфор несмело. — И большинство были так добры ко мне. Добрее, чем того заслуживает военнопленный и, боюсь, они лучше ведут себя, чем повели бы себя земляне в подобной ситуации.

Айат подыскивала нужные слова. Она часто пользовалась англиком, как ради практики, так и ради уважения к собеседнику. Но сейчас проблема состояла в том, чтобы найти нужное представление. Единственная, пришедшая на ум фраза, показалась подходящей.

— Война есть война!

— Это помогает. Если ты человек, конечно, — сухо сказал он. — А этот Драун.

— О, он не ненавидит тебя. Он всегда такой. Я чувствую. Жалость?. К его жене. Нет, не жалость! Это значило бы, что я думаю о ней как о стоящей ниже меня, а я считаю ее выносливой.

— Почему она остается с ним?

— Из-за детей конечно, и, возможно, она не так уж несчастна. У Драуна должны быть хорошие черты, раз он поддерживает партнерство с Хилл, и все же я буду в браке гораздо счастливее!

— Хилл. — Рошфор покачал головой. — Боюсь, что я навлек на себя ненависть вашего. Э. Брата, Кристофера Холма.

Айат вздохнула.

— Ясно, что он хотел попасть туда, куда ты пришел первым. Его рана так велика, что слышно, как капает кровь.

— А ты? Ведь вы так близки!

— Конечно, я не наблюдаю за его болью с радостью. Но он справится с ней. Кроме того, боюсь, что она могла слишком сильно его привязать. «Лучше не говорить об этом, девочка». — Айат посмотрела на человека. — По-моему мы говорили о том, что значит быть воином там.

* * *

— Не знаю, — сказала Табита. — Звучит весьма неопределенно.

— Покажи мне стратегию, которая бы не казалась таковой, — ответил Аринниан. — Суть в том, удастся она или не удастся, нам придется изменить формы борьбы. У Империи не будет причины для бомбежек, и Авалон будет спасен. — Он посмотрел на Драуна.

Рыбак рассмеялся.

— Желаю я этого или нет, акх? — Сказал он. — Что ж, думаю, любой план прекрасен, если он позволяет лично убивать землян.

— Ты уверен, что они приземлятся там, где

нужно? — Поинтересовалась Табита.

— Нет, конечно, мы не можем быть уверены, — отрезал Аринниан. — Мы сделаем то, что сможем, чтобы эта территория была их логическим выбором.

Среди прочего, мы организуем несколько случаев дезертирства. Земляне не смогут заподозрить, что они спровоцированы нами, потому что уйти от этой планеты действительно нелегко. Ее защита предназначена для предметов, поступающих извне.

— Гм. — Табита потерла подбородок. — Если бы я была умным земным офицером, и кто-нибудь, заявляющий, что он бежал с Авалона, принес мне подобную весть, я бы подвергла его. Как это они называют?. Гипнопробе.

— Вне всякого сомнения, — кивок Аринниана был резок. — Но дефекторы будут великолепны. Мой отец отобрал особо умных людей, чтобы они об этом позаботились. Я не знаю деталей, но догадаться могу. У нас действительно есть люди, поддавшиеся панике, или такие, которые хотят сдаться, потому что убеждены, что мы поступаем безрассудно. И есть еще больше таких, которые заражены этим в меньшей степени и которым первые полностью доверяют.

Предположим. Предположим на мгновение, что мы убедим президента Викери вызвать потенциального предателя для конфиденциального разговора.

Викери объясняет, что сам хотел бы бежать, но действовать открыто для него равносильно политическому самоубийству, поэтому он хочет помочь нескольким особам покинуть планету и передать секретное сообщение землянам.

Понимаешь? Я не утверждаю, что это будет сделано именно таким образом, я не знаю, до какой степени мы можем доверять Викери. Но мы можем оставить право выбора за людьми моего отца.

— И подобным же образом подготовлены боевые порядки, которые приблизят сказку к реальности. Прекрасно, прекрасно! — Отозвался Драун.

— Именно к этому я и подходил, — сказал Аринниан. — Моя задача состоит в том, чтобы собрать лидеров различных Домашних охран и скоординировать их действия.

Поднявшись, он принялся расхаживать по комнате мимо Табиты, не глядя при этом в ее сторону.

— В данном случае очень бы помогло, — про-

говорил он отрывисто, — если бы добавочную информацию принес им один из них.

Дыхание со свистом прорвалось сквозь ее сжатые зубы. Драун подался вперед, освободив ахатаны и перенеся тяжесть тела на пальцы ног.

— Да, — подтвердил Аринниан. — Речь идет о твоем драгоценном Филиппе Рошфоре. Можешь сказать ему, что я здесь потому, что очень озабочен судьбой Экватории. — Он сообщил детали. — Потом я найду какое-нибудь дело на соседних островах и улечу вместе с Айат. Наша лодка останется здесь, полностью неохраняемая. Ты ведь позволяешь ему свободно бродить по окрестностям, не так ли? Его дальнейшие действия очевидны.

Табита с такой силой сдавила трубку, что треснул черепок. Она даже не заметила этого.

— Нет, — был ее ответ.

Аринниан обнаружил, что для того, чтобы остановиться и посмотреть на нее, ему не нужно делать над собой усилия.

— Он значит для тебя больше, чем твой мир?

— Бог покарает меня, если я когда-нибудь попытаюсь вот так его использовать, — сказала она.

— Но если его благородная натура не сможет позволить себе обмануть твое доверие, о чем же

тогда тебе беспокоиться?

— Я не собираюсь ронять перед ним свое достоинство, — сказала Хилл.

— Перед этим-то пометом? — Едко заметил Драун.

Взгляд ее метнулся в его сторону, а рука — к лежавшему на столе ножу.

Он отступил.

— Ладно, ладно, — пробормотал он.

Когда последовавшая за этим тишина была нарушена, все почувствовали облегчение.

Кто-то постучал в дверь. Аринниан, находившийся ближе всего, открыл ее. За дверью стоял Рошфор. За его спиной маячила лошадь и цирраук. Филипп дышал неровно, и под смуглостью кожи проступала бледность.

— Вы вернулись слишком рано, — сказал Аринниан.

— Айат. — Начал Рошфор.

— Что? — Аринниан схватил его за плечи. — Где она?

— Не знаю. Я. Мы скакали, разговаривали. Внезапно она вскрикнула!

Крис, я никак не могу забыть этот крик! Она сорвалась с места, взмахнула крыльями и исчезла за вершинами деревьев раньше, чем я успел ее

окликнуть.

Я. Я ждал, пока.

Табита подошла к ним. Она хотела оттолкнуть Аринниана, заметила его неподвижность, то, с какой силой его пальцы впились в плоть Рошфора, и отступила.

— Фил, — тихо сказала она. — Дорогой, подумай! Она должна была услышать что-то ужасное! Что это было?

— Не могу себе представить, — хватка Аринниана заставляла землянина морщиться, но он не двигался. — Она попросила меня описать космический бой. Мои впечатления. Я рассказал ей о последнем бое перед нашей высадкой.

Помните, я рассказывал вам то же самое.

— Было ли что-то, о чем я не спросила?

— Кажется, я не описал, как выглядела лодка, но Айат попросила меня это сделать.

— И что же?

— Я сказал ей. Разве не нужно было?

— И как же?

— На гиперболическом изгибе находились три золотые звезды.

Аринниан выпустил Рошфора. Кулак его опустился на лицо человека.

Рошфор покачнулся и упал. Аринниан выхва-

тил было нож, но овладел собой.

Рошфор, озадаченный, сел. Рот его кровоточил.

Табита опустилась возле него на колени.

— Ты не мог знать, дорогой мой, — сказала она. Она сама едва держала себя в руках. — То, о чем ты ей сообщил, было известием о смерти ее возлюбленного!

Глава 15

Ночью поднялся ветер. Поплыли облака, набрасывая сине-черные тени на плывущую среди них Моргану. Тут и там лениво поблескивали звезды. В темноте за линией берега шелестел прибой, и деревья отвечали ему глухим рокотом. Холод заставил людей одеться теплее.

Рошфор и Табита медленно брели среди дюн.

— Где она? — Подавленно спросил он.

— Одна, — ответила она.

— В такую погоду? Она ведь может еще ухудшиться. Послушай, если бы Холм сразу отправился на поиски, то мы хотя бы.

— Они оба могут о себе позаботиться, — Табита поплотнее запахнула плащ. — Я не думаю, чтобы Крис надеялся ее найти, если только она сама не захочет, чтобы ее нашли, а это сомнительно. Просто он должен что-то делать. И ему хочется некоторое время побыть от нас вдали. Ее скорбь заставляет скорбеть его. Типичная итрианская черта: самому переносить первый прилив горя.

— Святые! Я все испортил, да?

Он маячил рядом с ней длинной тенью. Она

протянула руку, нащупала его ладонь, и это вернуло ей ощущение радости.

— Еще раз говорю тебе: ты же не мог знать, — ответила она. — Во всяком случае, лучше, что она узнала все сейчас, чем находилась бы в неизвестности еще недели и месяцы, а потом навсегда осталась в неведении относительно его смерти. Сейчас же она знает, что он остался чист, что погиб, одержав блистательную победу. — Она колебалась. — Кроме того, ты же не убил его! Это сделали наши же нападающие. Можно сказать, что это сделала сама война. Это был как удар молнии.

— Проклятая война, — сказал он, как выплюнул. — Разве недостаточно мы еще накидали дерьма?

Она вспыхнула:

— Твой драгоценный император мог бы окончить ее в любую минуту.

— Но она окончена, если не считать Авалона. Зачем продолжать все это?

Вы заставите их разнести здесь все на щепочки.

— И показать всем остальным мирам, что на самом деле представляет из себя Империя! Это бы испортило ее дела серьезно и надолго. — Гнев

Табиты угас. — Ты же знаешь, что мы делаем ставку на то, что они не чудовища, и на то, что они умеют соблюдать свой интерес. Давай не будем больше говорить об этом.

— Я готов! Тэбби, ты и Холм. Я, конечно, имею в виду старого Холма, и еще других старых людей и итриан, которым совершенно безразлично, сколько умрет молодых, расплачиваясь за их глупость, за их чванство.

— Прекрати, пожалуйста!

— Не могу! Вы разрабатываете какой-то новый безумный план, который, как вы считаете, позволит одной маленькой колонии одержать верх над всеми остальными мирами. Я вот что скажу: как бы долго это не длилось, все окончится катастрофой. Потому что битва продолжится, еще усилится. Нет, я не могу безразлично наблюдать за тем, что вы делаете!

Она остановилась. Он тоже. Вглядываясь в темноту, она пыталась разглядеть выражение лица Рошфора.

— Не беспокойся, — сказала она. — Мы знаем, к чему вы клоните!

— Знаешь? Каков же твой план?

— Я не должна тебе этого говорить, дорогой!

— Конечно, — сказал он с горечью, — но ты

можешь позволить мне лежать ночами без сна, проводить один за другим отравленные горечью дни, в страхе за тебя. Послушай, я многое знаю о войне. И о психологии Высшего императорского командования. Я могу дать тебе неплохой совет относительно его реакции на ваши начинания.

Табита покачала головой. Она надеялась, что он не видит, с какой силой зубы ее впились в губу.

— Скажи мне, — настаивал он, — ну какой вред я смогу причинить? Любой мой совет. А может быть, вы не предлагаете ничего особенно безрассудного?

Как бы я хотел в этом убедиться.

Ей едва удалось заставить себя сказать:

— Прошу тебя, прошу тебя!

Он положил руки ей на плечи. Лунный свет падал на его глаза, превратив их в два черных бассейна.

«Я не могу ему лгать. Или могу? Но ведь я нарушаю присягу! Могу?

Аринниан хотел, чтобы я ему кое-что сказала… Но я не испытываю тебя, Фил!

Я. Выбираю меньшее из зол. Потому что ты не хотел бы, чтобы твоя женщина нарушила данное ею слово, ведь правда? Я дарю тебе то короткое счастье, какое могу. Ложью, что не может никак

повлиять на твое поведение. Потом, когда ты узнаешь, я на коленях буду просить тебя о прощении».

Она с трудом узнала свой голос:

— Мы можем располагать твоим словом?

— Относительно неиспользования против вас полученной информации? Несколько секунд он молчал. Волны бились за его спиной. — Да!

— Ох, нет! — Она потянулась к нему. — Я не думала.

— Я даю тебе слово, моя милая!

«В этом случае. — Подумала она. — Но нет, я не могла бы сказать ему правды, не посоветовавшись сначала с Ариннианом, который, конечно же, сказал бы „нет“, а Фил, без сомнения, чувствовал бы себя несчастным из-за страха за меня и, что там ни говори, за своих друзей во флоте, потому что честь не позволила бы ему предупредить их».

Она сжала кулаки под покрывающим ее плащом и поспешно проговорила:

— В общем, речь идет не о чем-то капитальном. Тебе известно насчет Экватории, ненаселенного континента. Там нет ничего, кроме крошечных установок и ничтожного количества охраны. Она, главным образом, сидит в бараках, потому что

несколько попыток патрулировать территорию оказались бесплодными. Крис очень обеспокоен.

— Гм. Да, я слышал, как он упоминал тебе об этом.

— Он убедил своего отца, что защита недостаточна. При более тщательном изучении они обнаружили, что плоскогорье Скорпелуны вообще открыто. Горы, частые штормы и прочее делают его особенно изолированным.

Если бы враг сконцентрировал свои силы на то, чтобы прорвать орбитальную защиту и быстро устремиться вниз, то, оказавшись примерно в пятидесяти километрах над землей, он обнаружил бы преграду всего лишь из нескольких слабых лучей и, без сомнения, вполне мог бы справиться с теми несколькими орудиями и воздушными кораблями, которые успели бы туда добраться. А оказавшись на земле, он сразу бы окопался и создал. Как вы говорите?.

Плацдарм. Мы должны укрепить эту территорию. Вот и все!

Она замолчала. У нее закружилась голова. «Неужели я сказала все это на одном дыхании?»

— Понятно, — отозвался он спустя несколько минут. — Спасибо тебе, драгоценная моя!

Она подошла к нему и поцеловала со всей неж-

ностью, на какую была способна.

* * *

Позже ночью ветер стал тише, небо затянуло, пошел дождь, медленный, как слезы. К утру он прекратился. Среди разлива вод медленно поднялась сонная Лаура. Она плавала в бесконечной голубизне, а каждый листок и травинка острова казались драгоценными камнями.

Айат покинула утес, на котором провела несколько последних часов.

Вначале она чувствовала себя окоченевшей и вымокшей. Но ветер, бивший ей в ноздри и антибраторы, оживили кровь, налив силой мышцы.

«Вверх, вверх», — подумала она и понеслась по спирали. Море смеялось, но остров дремал, и единственным звуком был шум ее крыльев.

«И в смерти своей, Водан, ты тоже был солнцем!»

Отчаяние ушло, воспламененное усилием ее крыльев, развеянное ветром, затопленное водой — так, как он хотел бы для нее. Она знала, что боль еще вернется, но этой боли она уже была сильнее. И под ней уже ощущалась печаль, как огонь, тлеющий под травой. И пусть она живет, пока жива Айат, пусть Водан живет в ней и после

того, как в ней пробудится чувство к другому, после того, как она отдаст этому другому свою любовь.

Она сделала круг. С той высоты, на которую она поднялась, ей был виден не один остров. «Я еще не хочу возвращаться. Аринниан может ждать меня до. Сумерек? — В ней ожил голод. Она потратила слишком много энергии.

— Будь благословенна боль, будь благословенен голод. Будь благословенна удача!»

Далеко внизу стая птероплеуронов покинула свои гнезда и устремилась на поиски пискоидов над поверхностью воды. Айат выбрала цель, и устремилась вниз. Когда она закрыла глаза пленками, чтобы защитить их, мир сделался пятнистым и немного потускнел. Но она еще острее ощутила присутствие неба, струящего потоки света, свист ветра вокруг нее. Каждая клеточка ее тела ощущала готовность, знание нужного угла, скорости, силу падения.

Ее тело знало, когда расправить крылья, когда сложить их, как и когда должны вступить в действие руки. Кинжал был ей не нужен. Шея рептилоида сломалась под вихревым натиском этой встречи.

— Водан, ты был бы рад!

Ноша мешала ей. Не будучи тяжелой, она в то же время была неудобной.

Айат опустилась на отдаленную скалу, нарезала мясо и поела. Сырое, оно было простым на вкус, даже пресноватым. Прибой под ней кричал и брызгался.

Потом она полетела вглубь острова, теперь уже медленнее. Нужно было найти высокую растительность и отдохнуть среди деревьев и цветов, в нагретой солнцем тени. Потом можно будет вновь подняться в небо. И все время она будет вспоминать Водана! Поскольку они не совершили брачного обряда, она не сможет вести его похоронный танец. Поэтому сегодня она должна исполнить его одна, наедине с собой.

Она спустилась к фруктовому саду. Вода, испаряющаяся с листьев, создавала над землей дымку легкого тумана, и эта завеса слегка колыхалась среди зелени под солнцем. Сгустившиеся запахи накрыли ее своим опахалом.

Она пила сильные ароматы живущей земли, и антибраторы ее справлялись с этим не хуже легких, пока у нее не закружилась голова, а кровь не забурлила и не запела.

«Водан, — грезила она, — если бы ты был здесь, возле меня, мы улетели бы вместе, и ничто бы

уже не помешало нам. Мы нашли бы место, где ты смог бы укрыть меня своими крыльями».

Казалось, что он был и впрямь здесь.

Шелест крыльев, воздух, внезапно наполнившийся мужским запахом. Все поплыло перед ней. «Теряю ли я сознание? Мне лучше сесть». Она неуверенно опустилась вниз и приземлилась.

Ее окружали апельсиновые деревья, не слишком высокие и не слишком часто растущие, чьи оранжевые шары казались таинственными в глубине листвы. Земля была недавно обработана, засеяна и лежала, открытая небу.

Коричневая и мягкая, она прильнула к ней. Почва была сырой, но нагретой солнцем.

Послышался шум крыльев. Чья-то тень на мгновение закрыла Лауру.

Летящий опустился, Айат узнала Драуна.

Его гребешок был напряжен. Каждое перышко вокруг усмехающегося рта говорило: «Я надеялся, что смогу вот так и найти тебя, после того что случилось».

— Нет! — Жалобно бросила она и расправила крылья, намереваясь улететь.

Драун уверенно двинулся вперед, широко расставив руки и изогнув пальцы.

— Прекрасная, прекрасная, — произнес он. —

Хкр-р-р!

Ее крылья качнулись. Поток воздуха принес силу, но не ее силу. То была иная энергия, потрясающая ее до основания.

— Водан! — Взмолилась она и вдруг оказалась на крутящейся земле.

Подъем был медленным и неуклюжим. Драун настиг ее и сомкнул когти вокруг ее алатана. Они упали вместе.

Она царапнула его по лицу и потянулась за ножом. Он поймал ее за обе кисти и притянул к себе.

— Ты ведь не хочешь этого на самом деле! — Его дыхание ударило в ее ухо.

— А теперь? — Он обвил руками ее шею и крепко сжал ее в объятиях.

Распростершись, его крылья снова скрыли собой солнце, и перышки опустились ей на глаза.

Ее крылья скрылись под его оперением.

Она так плотно смежила веки, что темнота под ними заполнилась пляшущими бесформенными огнями.

«Водан, — пронеслось где-то среди гула, — я делаю вид, будто это ты».

Но Водан ни за что не ушел бы сразу после случившегося, оставив ее в горечи царапающей

землю, дрожащей. Такой и нашел Айат Аринниан.

* * *

Тэбби еще спала. Холм еще искал свою несчастную подругу. Драун недавно улетел, обронив замечание, что хочет, если сможет, помочь в поисках. Все остальные разошлись по делам. Земля покоилась в лучах утреннего солнца.

Рошфор потихоньку пробрался в спальню. Табита принадлежала к тем немногим женщинам, которые хорошо выглядят в этот час. Крупное тело, коричневая кожа слишком упруга, чтобы запасть или опухнуть. Короткие белокурые волосы так разбросали свои завитки, что его пальцы так и тянулись поиграть с ними. Она дышала глубоко, уверенно, не сопела, хотя губы ее чуть-чуть разошлись, обнажив белую полоску зубов.

Когда он склонился над ней, то не ощутил никакого кислого запаха, только нежный, девичий. И увидел следы засохших слез.

Рот его искривился, но боль в прикушенной губе не была такой уж сильной, не то, что в сердце. Она плакала из-за него, когда они вернулись домой.

— Сегодня тебе, конечно же, нельзя, — прошеп-

тала она, согнув руку в локте и склонившись над ним, в то время как пальцы другой ее руки бегали по его щеке и груди. — А со всеми этими беспокойствами и несогласием — и подавно. Ты же так измучился! Не расстраивайся! Ты сам не знаешь, какая для тебя это травма. Подожди до завтра или до следующей ночи, Фил! Перед нами целая жизнь!

«Самая мучительная часть кошмара в моей душе — это то, что я не могу сказать тебе, почему я так тяжело это перенес, — подумал он. — Если я поцелую тебя. Но ты можешь проснуться. О, святой Джоан, сожженный за ее народ, помоги мне!»

Он понял, что если помедлит еще, она действительно может проснуться.

Он медленно досчитал до ста, прежде чем выскользнул из комнаты.

Крыши строений, возвышающихся за ним, казались невозможно четкими на фоне неба, в котором властвовали только солнце и свежий ветерок. Мягкие зеленые и голубые краски сверкали так, как будто были ярко-алыми. Воздух был напоен запахами зелени и моря, чьи волны перекатывались вдали. «Нет, эта дивная красота непрочна». Рошфор быстро пошел прочь. По тро-

пинке он направился через фруктовый сад. Скоро она должна была слиться с главной дорогой, ведущей к посадочному полю.

«Это не может окончиться удачей. Кто-то должен быть на страже, или же я не смогу проникнуть внутрь. Или же еще что-нибудь случится и окажется, что я просто вышел на прогулку. Ведь нет никакого вреда в том, чтобы посмотреть, не так ли?

Просто посмотреть и вернуться к завтраку. И никакого зла в этом нет, только вот ее авалонянам будет позволено убить себя; может быть, и она окажется в их числе. Еще мои товарищи по флоту тоже могут умереть — без пользы, без всякой на то причины, кроме гордыни, хотя, быть может, все это можно спасти. И тогда она поймет, что я сделал это ради того, чтобы война быстро закончилась, и чтобы Табита могла жить».

Кругом было тихо. В это время года никто не работал на плантациях.

И посадочное поле тоже было пустынным. Для того небольшого количества транспорта, которое принимал Сент-Ли, вполне было достаточно автоматического контроля.

Космический флиттер был неподалеку. Рошфор стоял неподвижно, пока в памяти его не всплыл

разговор: «Только погода может быть врагом». Насчет воров здесь не беспокоятся.

А как насчет любопытных детей?

«Если кто-нибудь появится и увидит меня здесь, я смогу объяснить, что просто обеспокоился этим обстоятельством. Тэбби поверит мне».

Он подошел к небольшому трапу, используемому для разгрузки грузовых кораблей, и подвез его к корпусу ракеты. Вход был очень похож на те, к которым он привык, и он немедленно отыскал щит, который должен был скрывать внешний контроль. Он не был защищен и легко отошел в сторону. За ним была только одна кнопка. Он нажал на нее. Открылся главный клапан.

Трап отъехал в сторону.

«Господи, укажи мне волю твою!»

Рошфор скрылся внутри.

Итрианское судно было весьма похоже на земную лодку. И в этом не было ничего удивительного, если вспомнить, что летающая раса училась искусству кораблестроения у человека, и что на Авалоне суда часто водили именно люди. В кабине пилота сиденья и аппаратура были пригодны для особей обеих рас.

Надписи были на планхе, но Рошфор разобрался в них. Через пять минут он знал, что может

поднять и вести эту лодку.

Вначале он сжал кулаки. Потом принялся за дело.

Глава 16

Аринниан вел Айат обратно по земле. Его гравипояс был недостаточно надежен, чтобы удержать их в воздухе вдвоем.

Дважды она говорила ему, что может лететь или идти с какой угодно скоростью, но говорила это таким слабым шепотом, что он отвечал: «Нет».

Если не считать этих слов, они больше не разговаривали.

Он не мог долго нести ее на руках. Она повисла на нем, прижавшись килевой костью к его спине, свесив руки по его плечам, как это делают маленькие итрианские дети, и он помогал ей хоть немного преодолеть притяжение планеты. Крис разорвал свою рубашку на лоскуты и смочил ее раны водой с листьев, а оставшимися «бинтами» перевязал их, чтобы остановить кровотечение. Раны не были опасными. Он ощущал тепло (даже жар) ее любовной поры, окружавшее его подобно тяжелому аромату.

«Это самое худшее, — размышлял он. — Такие условия продлятся несколько дней, а может, и па-

ру недель. Если она неожиданно снова столкнется с ним. Испытывает ли она угрызения совести? Она, конечно, в шоке, ей больно и стыдно, но чувствует ли она себя смертельно оскорбленной? Может ли чувствовать? Я вдруг перестал понимать свою подругу».

Путь был долгим и трудным. Он и так потратил много сил на поиски.

Теперь же все его тело болело, во рту пересохло, голова казалась набитой песком. Весь мир превратился в дорогу, которую ему предстояло одолеть. В длинную-длинную дорогу, и каждый ее километр казался все более долгим. Так же все сужался мир мыслей и памяти, пока не превратился в череду предательств. Он старался не думать об этом; найдя в памяти детские стишки, приноровил их к своим шагам. «Ты срываешь и бросаешь. Ты срываешь». Но это заставило его слишком сосредоточиться на ногах, на их боли, на тяжести в руках, на горечи во рту, и волей-неволей он вернулся к мыслям о череде предательств. Земля — Итри, Итри — Авалон, Табита Рошфор, Айат — Драун. Эти руки, сомкнувшиеся сейчас на его животе.

«Прекрати это! Прекрати, я сказал!»

Вид знакомого пейзажа вернул его к действи-

тельности. Никого поблизости не было видно. Удача! Он потихоньку унесет Айат. Итрианские химики создали аэрозоль, который эффективно нейтрализует действие ферментов, без сомнения, его можно будет занять у кого-нибудь из соседей.

Если ему удастся заставить местных мужских особей держаться вдали от ее комнаты, пока она не отдохнет настолько, что сможет полететь с ним в лодке домой, к Вратам Бури, то все обойдется.

Двери в дом Табиты были распахнуты. Должно быть, она услышала звуки его шагов, потому что подошла к двери.

— Хэлло! — Позвала она. — Ты ее нашел?.. Ой! — Она подбежала. Ему показалось, что по виду Айат Табита сразу смогла оценить обстановку. — Она в порядке?

— Нет.

Табита пошла за ними.

— Сюда, — сказала она, — на мою кровать.

— Нет! — Аринниан остановился. Если бы на нем не было ноши, он бы пожал плечами.

Айат лежала. Одно крыло было придавлено ее телом, другое раскинулось так широко, что перья его касались пола. Закрытые мембраны делали ее похожей на слепую.

— Спасибо! — Голос ее был едва слышен.

— Что случилось? — Табита склонилась над ней. Запах, который самец-итрианин мог различить за километры, достиг и ее ноздрей. — О! — Она выпрямилась. Подбородок ее затвердел. — Вот оно что.

Аринниан отыскал ванную, выпил один за другим несколько стаканов холодной воды, принял ледяной душ. Тем временем Табита ходила по комнате, готовя все необходимое для Айат.

Когда они оба покончили с делами, то встретились в гостиной. Табита приблизила губы к самому его уху, так, что он явственно ощутил ее дыхание, и прошептала:

— Я дала ей успокаивающее. Через несколько минут она уснет.

— Хорошо, — глухо ответил он. — Где Драун?

Табита отступила. Ее зеленые глаза расширились.

— Зачем он тебе?

— Неужели ты не догадываешься? Где он?

— Зачем тебе нужен Драун?

— Чтобы убить его.

— Ты не сделаешь этого! — Крикнула она. — Крис, если это был он, то они ведь не могут собой владеть. Никто не может! Ты же знаешь! Шок и

печаль вызвали овуляцию раньше времени, и тогда он воспользовался случаем, и…

— Он не просто воспользовался случаем, этот негодяй, — сказал Аринниан, — если он это сделал, то должен был отступиться после первого, даже самого ничтожного сопротивления, как и подобает всякому честному мужчине, а не брать ее силой. Где он?

Табита отошла в сторону и остановилась перед телефоном. Она была бледнее, чем тогда, когда Драун над ней насмехался. Крис попытался ее отодвинуть. Некоторое время она сопротивлялась, но он был сильнее, и ей пришлось уступить.

— Дома он, ты же знаешь, — сказал Аринниан. — И под рукой кучка вооруженных друзей.

— Чтобы помешать тебе совершить безрассудство, — вздохнула Табита. Крис, сейчас война. Он слишком важен для дела охраны. Мы. Если бы Фил был здесь, ты бы ни за что. Должна ли я пойти за оружием?

Он сел.

— Твой Рошфор не сможет мне помешать позвонить. — Она отступила. Как и твой глупый пистолет! Успокойся!

Он знал номер и набрал его. Экран ожил: Драун и, действительно, еще парочка с бластерами.

Итрианин сейчас же заговорил:

— Я этого ожидал. Ты меня слышишь? Что сделано, то сделано, и ничего постыдного в этом нет. В подобных случаях чосы говорят «нет», если не считать того, что оскорбленная гордость может потребовать денежного возмещения, а с этим справится даже ребенок. Что же касается гордости, то она получила удовольствие. — Он усмехнулся и посмотрел мимо мужчины. Ведь правда, красотка!

Аринниан оглянулся. Айат покачиваясь, выходила из спальни. Глаза ее были широко раскрыты, но затуманены наркотиком, который уже вверг ее в полубессознательное состояние. Руки ее протянулись к изображению на экране.

— Да, приходи! — Прошептала она надтреснутым голосом. — Нет! Помоги мне, Аринниан, помоги.

Он не мог шевельнуться. Табита подбежала к ней и увела ее.

— Видел? — Сказал Драун. — Никакого вреда. Вы, люди, как я слышал, можете брать своих женщин силой и часто это делаете. Я не создан для этого. Во всяком случае, что стоит одна наша забава по сравнению с сотнями в год ваших?

Аринниан едва удержал рвущийся наружу

желудок. В груди у него жгло.

Когда он заговорил, его собственные слова показались ему никчемными и далекими, хотя смысл их оставался для него совершенно ясным.

— Я видел, в каком состоянии она была.

— Ну, может быть, я немного переусердствовал. Но вы, люди, не так все понимаете. Мы, итриане, наблюдаем за вами и удивляемся. Ты понял мои намерения? Хорошо, я соглашусь заплатить за любое нанесенное ранение, любое, зафиксированное врачами. Я даже согласен обсудить с ее родителями размеры платы за оскорбленную гордость. Ты удовлетворен?

— Нет!

Драун слегка пошевелил гребешком.

— Лучше бы ты был подальше отсюда. По законам и обычаям у тебя больше нет никаких прав на улаживание этого дела.

— Я собираюсь тебя убить, — сказал Аринниан.

— Что? Подожди, биение ветра! Убийство.

— Дуэль! У нас есть свидетели. Я тебя вызываю!

— Я же сказал, что у тебя нет причин!

На сей раз Аринниан смог пожать плечами:

— Тогда ты меня вызови!

— За что?

Человек вздохнул.

— Зачем нам так соблюдать формальности? Позволь мне самому решить, какое оскорбление можно было бы считать смертельным. Вульгаризм, который я смог бы допустить, летя над тобой? Нет, слишком искусственно! Я просто выставлю наружу все твои недостатки с собственным комментарием, Драун!

Потом я смогу добавить, что чос Высокого Неба — дерьмовый чос, потому что в состав его входит такой мерзавец!

— Достаточно, — сказал итрианин очень спокойно, хотя перья его стояли дыбом, а крылья вздрагивали. — Ты вызван! Перед моими богами, твоими богами памятью всех наших предков и надеждой на наших наследников я, Драун из Высокого Неба, вызываю тебя, Кристофер Холм, прозванный Ариннианом, из Врат Бури с тем, чтобы твои сила и гордость встретились с моими в битве, из которой живым должен выйти лишь один! В присутствии части тех свидетелей, которых я назову.

За спиной человека появилась Табита. С удивительной силой она схватила Ариннианa и стащила его со стула. Он упал на пол, выпрямился и обнаружил, что она встала между ним и экра-

ном. Правой рукой она вцепилась в Аринниана, а левую держала так, как будто хотела таким же образом удержать на расстоянии его врага, своего компаньона.

— Вы что, с ума оба сошли? — Крикнула она.

— Слова были произнесены. — Драун обнажил клыки. — Если только он не попросит у меня прощения.

— Я ни за что не буду выпрашивать у него прощение, — сказал Аринниан.

Табита стояла, задыхаясь, переводя взгляд с одного на другого. Слезы катились у нее по щекам, но она, казалось, не замечала этого. Через некоторое время ее руки опустились.

— Вы хоть согласны выслушать меня? — Хриплым голосом спросила она.

Они согласились. Аринниан начал дрожать от внутреннего холода. Безжизненно повисшие руки Табиты сомкнулись в кулаки. — Вы должны членам вашего чоса не свою гордость. Авалон. Может. Погибнуть или быть изуродованным!

Подождите до конца войны! Я обещаю вам довести дело до конца!

— Что ж, я согласен, но при условии, что мне не нужно будет ни встречаться, ни разговаривать с Ходящим, — неохотно согласился Драун.

— Если ты считаешь, что мы должны сотрудничать как раньше, — сказал Табите Аринниан, — то тебе придется стать нашим посредником.

— Разве она может? — Оскалился Драун. — После того, как ты отозвался о ее чосе.

— Думаю, как-нибудь смогу, — вздохнула Хилл.

Она отступила. Задача ее была выполненной. Экран потух.

К Аринниану вновь вернулась сила. Он повернулся к девушке и извиняющимся тоном произнес:

— Последнее мое оскорбление не было умышленным. У тебя я прошу прощения, тебя я умоляю о снисхождении!

Она посмотрела в его сторону, но подошла к двери и вышла из дома.

«Пошла к своему любовнику, — пронеслось в его голове. — Я найду дерево, под которым смогу отдохнуть, пока Айат не встанет и я не смогу отнести ее к флиттеру».

Грохот прокатился среди гор. Оконные стекла задрожали. Табита застыла.

Шум замер, снова стало тихо. Она побежала.

— Фил! — Закричала она.

«Так, — подумал Аринниан. — Вот так! Еще одно предательство!»

* * *

— Спокойнее, лейтенант! Садитесь!

Темноволосый красивый человек напряженно застыл в кресле. Хуан Кайал опустил глаза и принялся перебирать бумаги на письменном столе. Молчание заполнило его кабинет.

«Валендерей» кружился на своей орбите вокруг Пако на расстоянии, которое превращало это солнце в подобие яркой звезды, похожей на те, что светили на Эсперансе, где жила Луиза.

— Я прочел ваш отчет, включая транскрипцию вашего заявления, очень внимательно, лейтенант Рошфор, — сказал наконец Кайал. — Поэтому я просил, чтобы вас доставили сюда на спидстере.

— Что я могу добавить, сэр? — Голос вновь прибывшего был очень напряжен, как и его тело. Тем не менее, когда Кайал снова поднял голову и встретился с ним взглядом, он вспомнил нежное животное, виденное им однажды в Нью-Мехико, в сьерре де Лос Воскас Секос, загнанное в угол каньона, где оно ожидало приближения охотника.

— Вначале, — сказал адмирал, — я склонен был отдать личный приказ о гипнопробе, которой вы уже подверглись, когда присоединились к

нашему флоту, и сейчас приношу вам за это свои извинения. Это не лучший способ обращения с нашими офицерами.

— Я понимаю, сэр, — сказал Рошфор. — Я не был удивлен, а допросы проводились очень вежливо. Вы же должны были увериться в том, что я не лгу. — За маской его лица мелькнуло что-то живое. — Вам.

— М-м-м, да, гипнопроба обнажает даже мельчайшую деталь, не так ли?

История никуда дальше не пойдет. Вы осознали свой высший долг и исполнили его.

— Почему вы решили расспросить меня лично, сэр? То немногое, что я смогу рассказать, я отметил в своем рапорте.

Кайал откинулся на спинку кресла. Он изобразил на губах самую дружескую улыбку.

— Вы узнаете об этом. Прежде всего, я хочу получить немного дополнительной информации. Что вы пьете?

Рошфор изумился:

— Сэр?

— Скотч, бурбон, чистый виски, джин, теквиду, водку, аквавант и так далее, включая разнообразные экстерриториальные напитки. Может быть, какая-то особая смесь? Я полагаю, наш бортовой

бар оборудован неплохо. Поскольку Рошфор продолжал сидеть с непонимающим видом, Кайал закончил: Дело в том, что мы вместе обедаем.

— Я? Но, адмирал, это в высшей степени любезно с вашей стороны. Да, мартини. Благодарю!

Кайал отдал распоряжение. Обычно, в те редкие случаи, когда он что-то выбирал, он заказывал маленькую порцию шерри. Он думал, что и Рошфор в обычных условиях предпочитает что-то привычное. Важно было дать мальчику возможность расслабиться.

— Закурить? — Предложил он. — Сам я не курю, но не возражаю против того, чтобы курили другие, так что губернатор присылает мне эти сигареты.

Он известный гурман.

— Э. Благодарю вас. Не перед едой, сэр!

— Как пожелаете. — Кайал принял поданные коктейли. Бокалы были большие и холодные. Он поднял свой:

— А вуэстре салют, ми амиго!

— Ваше здоровье. — На мгновение на неподвижном лице Рошфора появилось что-то живое. — Бон санте, месье адмирал!

Они принялись потягивать напитки.

— Давайте, давайте, не стесняйтесь, — под-

бодрил адмирал. — Человек, обладающий той смелостью, которую проявили вы, не должен бояться своего начальства. Ну, может быть, только своего капитана, немножко, но никак не меня! Кроме того, я не собираюсь отдавать вам приказания. Скорее, я хочу просить вас о помощи, о совете.

Рошфор был в неприкрытом изумлении.

— Не могу себе этого представить, сэр. — Кайал знаком показал ему, чтобы он продолжал пить. Его собственный бокал был почти полон. Не то чтобы он хотел напоить Рошфора, он просто хотел, чтобы тот почувствовал себя свободнее и увереннее.

— Полагаю, вы знаете, что вы единственный пленный, которому удалось бежать, — сказал адмирал. — Это понятно. С таких лодок, как ваша, они обычно берут не больше десяти-двенадцати пленных. Вам удивительно повезло!

И все же, хотя вы можете не знать этого, к нам прибыли с Авалона и другие люди.

— Перебежчики, сэр? Я слышал о недовольных.

Кайал кивнул:

— Страх, жадность, а иногда, заслуживающие большей похвалы, причины: желание сделать

все возможное, чтобы исправить положение, предотвратить дальнейший хаос. Они поступали к нам постепенно, один за другим, пока не набралась целая группа. Естественно, все были подвергнуты тщательному допросу, даже более тщательному чем вы. Ваш психопрофиль занесен в дело, службе безопасности нужно было лишь установить, нет ли подделки.

— Там не стали бы этого делать, сэр, — сказал Рошфор. Речь его снова обрела краски. — На Авалоне самым аморальным считается задеть чью-то изначальную честь. Это стоит вашей собственной чести. — Он откинулся назад и быстро глотнул. — Прошу прощения, сэр.

— Не нужно извинений. Вы хорошо говорите, как мне бы этого хотелось.

Это именно так. Впрочем, я продолжу. Первые перебежчики не представляли собой ничего интересного. Из поздних. В общем, ни к чему читать вам лекции. Достаточно одного типичного случая. Городской торговец, разбогатевший на торговле с ближними имперскими мирами. Он не возражает против того, чтобы мы захватили его планету, лишь бы война не разрушила его собственность, в результате чего восстановление стоило бы ему дополнительных налогов. Пре-

зренный тип или реалист? Неважно. Суть в том, что он владел некоторой информацией, переданной ему, чтобы он передал ее нам. Передающими были весьма высокопоставленные официальные лица, входящие в тайную группу стоящих за заключение мира.

Рошфор наблюдал за Кайалом поверх кромки бокала.

— Вы опасаетесь ловушки, сэр?

Кайал развел руками:

— Искренность перебежчика сомнению не подлежит. Но не начинили ли его фальшивыми данными перед побегом? А ваша история — важное подтверждение той, что рассказал он.

— Относительно экваториального континента? — Спросил Рошфор. Совершенно ни к чему заставлять так трудиться ваш ум. Возможно, я не пытался бы бежать, если бы не поверил в то, что услышанное мною может сыграть решающую роль. Но я знаю очень немногое.

Кайал потеребил бородку:

— Вы знаете больше, чем считаете, молодой человек! Например, наши данные о вражеских огневых точках, приготовленные к первой битве за Авалон, действительно включили Экваторию в слабые пункты обороны Авалона.

Вы же были на месте в течение месяца. Вы слышали разговоры. Вы видели лица, лица людей, которых вы должны были узнать. Какова действительная степень их озабоченности?

— Гм. — Рошфор отпил еще глоток. Кайал как бы мимоходом нажал кнопку, чтобы принесли еще порцию коктейля. — Видите ли, сэр, что касается леди, с которой я был, то Экватория не входила в круг ее забот. — Он торопливо продолжал. — Вот Кристофер Холм, старший сын их верховного командующего да, я бы сказал, что он действительно много о ней беспокоился.

— Что же это за место? Особенно. Как оно называется. Да, район Скорпелуны. Мы собираем всю информацию, которую только можем собрать.

Кругом столько миров, но никто, почему-то, не заботится о пустынных, незаселенных участках.

Рошфор порекомендовал пару книг. Кайал не стал говорить ему о том, что компьютеры Службы безопасности, должно быть, нашли их в библиотеках дни, а то и недели назад. — Ничего особенного специфического, — продолжал лейтенант. — Насколько я понимаю, это большое засушливое плато, окруженное горами, которые на Авалоне считаются высокими. Оно находится примерно в середине континента, который, как

известно адмиралу, невелик. Нет большой надежды, что там можно жить. — Он прервал свое изложение. — И нападающим жить там тоже невозможно.

— Но те, которым нужно пересечь океаны, чтобы туда попасть, оказались бы от своего дома дальше, чем наши люди от своих кораблей, — пробормотал Кайал.

— Это очень опасный путь, сэр!

— Если мы разобьем местную защиту, он перестанет быть опасным. А горы, дающие великолепное убежище.

— Я тоже так думал, сэр! Судя по тому, что мне известно о. Э.

Возможностях связи и транспортации, итрианские организации не могут быстро доставить туда сильное подкрепление. И это независимо от того, взволновал их мой побег или нет!

Кайал склонился над письменным столом.

— Предположим, что мы это сделаем, — сказал он. — Предположим, мы организуем базу для воздушных судов и наземных орудий. Как вы думаете, что сделают тогда авалоняне?

— Им пришлось бы сдаться, сэр, — решительно сказал Рошфор. — Они. Я не стану делать вид, будто понимаю итриан, но что касается челове-

ческого большинства — что ж, мое впечатление таково, что они стоят к Готтердермерунд гораздо ближе, чем мы, но они не безумцы. Если бы мы оказались там, на земле, если бы мы имели возможность поразить любое место и таким образом разрушить их любимую планету — а ведь именно ради любви к ней они все это и затеяли. — Он покачал головой. — Приношу свои извинения.

Все это такая неразбериха. Кроме того, я могу и ошибаться.

— Ваше впечатление выдержало изучение всех ксенологов, — сказал ему Кайал. — Более того, основой ему послужил личный опыт. — Прибыли новые порции. Рошфор отказался. Кайал сказал:

— Пейте, прошу вас. Мне нужно, чтобы ваши воспоминания лились свободно, чтобы вы полностью рассказали мне, что представляет из себя это общество и все, что его окружает. Вам понятно, что принять решение нелегко. То, что вы можете мне поведать, конечно же, не решает дело само по себе. Тем не менее, мне нужна каждая доля факта, который я мог бы получить.

Рошфор пристально посмотрел на него.

— Вы за вторжение, не так ли, сэр? — Спросил он.

— Конечно! Я не машина-убийца. И те, кто стоят

надо мной — тоже!

— Я бы хотел этого. Клянусь телом Христовым. — Рошфор осенил себя крестом, глядя на распятие. — Как бы я этого хотел! — Поставив свой бокал, он добавил:

— Одна просьба, сэр! Я сделаю все, что только смогу. Но если вы действительно решитесь на проведение этой операции, могу я быть в первой группе нападающих? Вам понадобиться несколько «метеоров».

— Это в высшей степени опасно, лейтенант, — предупредил его Кайал. Мы не сможем добиться полной уверенности в том, что у них нет скрытых резервов. В то же время, мы не можем просить значительное количество сил в первую атаку. Вы заслужили лучшего.

Рошфор поднял бокал. Он держал его так, как будто хотел не осушить, а разбить вдребезги.

— Я прошу именно того, чего заслужил, сэр!

Глава 17

Имперская армада окружила Авалон, и нападение началось.

Сразу же столкнулось множество кораблей и орудий, полетели энергетические стрелы, взорвались и потухли огненные мечи — и все это на протяжении тысяч километров. На этот раз на земле наблюдатели видели, как эти искры разгорались и с каждым часом становились все ярче, пока не сделались такими яркими, что глазам было больно на них смотреть, а мир на мгновение превратился в средоточие синевато-бледных теней. Битва продвигалась вглубь.

Шаги ее были хорошо рассчитаны. Кайал поторопился со своим решением и собрал свои силы в рекордные сроки — за несколько дней — чтобы враг не имел времени на укрепление этой территории. Но теперь, когда он был здесь, он не хотел ненужного риска. Напротив, ему хотелось, чтобы риск был минимальным. Сложившаяся ситуация полностью отличалась от прежней. Под рукой были силы, в три раза превышавшие прежние, и не нужно было беспокоиться о том, прячутся

ли во тьме, на подступах к Лаурианской системе, останки авалонского флота. Патрули уверенно сообщили, что вражеские корабли собрались на расстоянии в одну-две астрономические единицы. Поскольку они не выказывали очевидных намерений броситься в пекло, адмирал не видел причины для их уничтожения.

Он даже не отдал приказ об окончательном уничтожении флагмана Феруна, хотя внешние роботы распознали врага и открыли огонь. Он плавал на таком расстоянии и на борту его осталось так мало снаряжения, что просто не стоило и связываться. Легче было отпустить неуклюжую старушку и те останки, которые она несла на своем борту.

Кайл сосредоточился на методическом изучении планетной защиты.

Внешней частью обороны являлись крепости: некоторые — огромные, большинство — небольшие. Орбиты их были самыми разнообразными. Их достоинством было то, что они являлись портами для космических кораблей.

Их можно было постоянно поддерживать снизу. Почти все они были полностью автоматизированы, и являлись не очень гибкими, но более крепкими системами, чем плоть и нервы.

Достаточное количество последних прошло незамеченными, прежде чем они получили, наконец, возможность огрызнуться на проходящих мимо землян.

Это, впрочем, случилось во время первой битвы. Впоследствии осаждающая часть флота получила план расположения крепостей, затем разрушила часть из них и препятствовала всяческим попыткам их восстановления. Залпы батарей с земли тоже больше не были неожиданностью.

И корабли в полной мере пользовались своим главным преимуществом: мобильностью.

Основная мысль Кайала состояла в том, чтобы эскадры быстро выходили на заданные позиции. Поразив намеченную цель, они должны были немедленно менять курс и всеми силами стараться избежать ответного огня. При неудаче первой атаки должны были немедленно последовать вторая, третья, четвертая, то есть до тех пор, пока защита не будет полностью разрушена и станция не взорвется в водоворотах пара и обломков. Не имея сейчас надобности защищать тылы и продовольственные линии, Кайал мог быть щедрым на боеприпасы — и был таковым!

Космические суда с такой маневренностью были почти неуязвимы для орудий защиты,

которые должны были поразить цель через атмосферу, преодолевая гравитацию планеты, имея на старте нулевую скорость. Авалоняне скоро поняли это и через некоторое время перестали даже пытаться сбивать корабли.

План Кайала не включал предварительного разрушения каждой орбитальной станции. Это было бы настолько дорогостоящее предприятие, что ему пришлось бы застрять на месте и ждать подкрепления из Империи, а он очень торопился.

Он решил, что хорошо бы нейтрализовать луну — и через некоторое время Моргана была окружена и подвергнута такому жестокому натиску, что горы разрушились, а долины расплавились.

В остальном имперцы охотились за теми из крепостей, которые, по их мнению, могли послужить угрозой первому десанту в установленный командующим срок. При необходимости попасть в очень маленький объект невозможно было быстро сфокусировать весь энергетический запас. Никогда ранее история не знала такого быстрого разрушения планетарной защиты, как в эти два авалонских дня.

Потери были неизбежны. Они особенно выросли, когда корабли подошли к атмосфере так

близко, что действие наземных проекторов и орудий сделалось очень эффективным. Следующим шагом было обезвреживание этих установок.

Капитан Ион Мунтяну, командир огневого контроля на борту «Фобоса», дал своим офицерам короткий инструктаж, когда корабль рванулся вперед:

— Мы должны выполнить особую миссию, как вы, должно быть, догадались, принимая во внимание класс судна. Мы должны просто припечатать место, которое может доставить мальчикам хлопоты. Хотите задать вопрос, Зисей Озуми?

— Да, сэр! Два. Как и почему? Мы можем собрать значительное количество припасов и придумать много хитроумных ловушек, чтобы все это собралось вокруг мегаполей и взорвалось именно там, где это может принести больше пользы. Но речь идет о военных объектах. А города ведь должны иметь куда более сильную защиту.

— Я хочу напомнить вам о яйце и курице, Зисей! Конечно, она есть.

Мощные слои защиты плюс внешние ракетные установки космос-земля. Мы будем стрелять со всей мощью, на какую способны наши орудия. Та часть этой атаки, которую я как раз собирался

запрограммировать, позволит, по крайней мере, достичь нужного уровня раньше, чем нас остановят. Если нет, начнем сначала!

— Сэр! Вы же не собираетесь превратить континент в развалины?

— Нет-нет! Успокойтесь! Вспомните, что наш корабль не приспособлен для этого. Мы не получили приказа разрушать ценную собственность Его величества до такой степени, чтобы она стала совершенно негодной. Действия наши будут в высшей степени грубыми, это так, но честными и направленными только на то, чтобы обезвредить непосредственную угрозу, главным образом, радиацию. Взрывы не могут оказать слишком большую помощь против мегаполей.

Мы займемся только центральной частью города, поскольку Служба безопасности сообщает, что края его наименее опасны.

— Сэр, я не хочу вас беспокоить, но почему мы это делаем?

— Не нужно так волноваться, Озуми! Должна быть произведена посадка.

Война с планетой может продолжаться еще некоторое время. Именно этот город они называют Центаур, он является их главным морским портом с основным промышленным центром.

Мы не собираемся оставить его на произвол судьбы, чтобы он спокойно посылал подкрепления, которые будут воевать с нашими друзьями.

Пот выступил на лбу Озуми.

— Женщины и дети.

— Если бы враг обладал нужной долей разума, то давно бы произвел эвакуацию, — отрезал Мунтяну. — Честно говоря, мне на это наплевать! Я потерял здесь брата в прошлый раз. Если с нытьем покончено, примемся за работу!

* * *

Кьенна медленно летела над каналом Лайвелл-стрит. Опустилась ночь, та ясная ночь, что была так непохожа на обычные зимние ночи в Дельте. Звезды были видны очень ясно. Они пугали ее. Слишком много противных холодных маленьких глаз.

И на самом деле они вовсе не то, за что себя выдают, как ей говорили.

С них начинается война, та война, что так изменила мир.

Вначале все было прекрасно, потому что мимо нее проходило столько итриан, наполняя ее кошелек, что временами она забывала об всем, кроме своего любовника. В перерывах же она мог-

ла с помощью разных снадобий поддерживать себя в превосходном состоянии духа, особенно на вечеринках.

Вечеринки были придуманы людьми, как она слышала (кто ей об этом сказал?

Она пыталась вспомнить лицо, тело. Она смогла бы это сделать, если бы они не сливались в путанице голосов, языков и ароматного дыма). Хорошая эта была мысль! Какой вначале казалась война: любовь, смех, сон, а если просыпаешься с дурным привкусом во рту и иголками, засевшими в голове, то достаточно нескольких пилюль — и снова все хорошо!

А потом все испортилось: больше никаких морских офицеров, в гнезде пустота, как в пещере, ночь за ночью, девушке иногда хотелось кричать, но это делала за нее музыка. Люди торопятся, приходят и уходят, а те, что остаются — она была согласна даже на человеческую компанию, — держатся в тени. Темные спокойные ночи, утомительное одиночество дня, деньги, истаявшие настолько, что она едва была способна купить себе еду, не говоря уже о бутылочке или пилюле, способной поддержать ее в состоянии грез.

Взмах крыльями, еще один. Кто-то должен быть

в городе, и он должен быть одинок теперь, когда снова началась битва.

— Я тоже одинока, — сказала она вслух. — Кем бы ты ни был, я люблю тебя.

Ее голос прозвучал слишком громко в этом неподвижном теплом воздухе, над маслянистой водой, мертвыми мостовыми, меж затененными стенами и под этими ужасными маленькими звездами.

— Водан? — Позвала она потише. Она помнила его лучше большинства флотских, почти так же хорошо, как нескольких первых, пока остальных не стало столько, что она была просто не в состоянии их сосчитать. Он был нежен, и беспокоился о своей девушке, оставшейся дома. «Но сам он был забавный, — подумала Кьенна. — Вне всякого сомнения, звезды съели Водана!»

Она подняла гребешок. У нее была своя гордость. Она не станет ничего бояться на полуночных улицах. Вскоре затеплится заря, и тогда она осмелится уснуть.

Солнце появилось очень скоро.

Она видела его одно мгновение, пока оно заполняло небо. Потом снова ночь окружила ее, потому что глаза как будто расплавились. Она не знала об этом, так как оперение было в огне.

Последовавший страшный шум поглотил ее вопль — супербыстрые молекулы воздуха всосались мегаполями, — и она не заметила, как они раздавили ее барабанные перепонки, разрушили капилляры.

В своей агонии боли она не ощущала ничего. Она устремилась к каналу, потеряла равновесие и упала на дом, который казался ей единым снопом пламени. Но это не имело значения, потому что вода в канале кипела.

* * *

Помимо факторов морали и военного потенциала, нападение на Центаур должно было послужить делу спасения хотя бы части авалонских ресурсов. Все было хорошо рассчитано. Всего лишь через три часа приготовленное отверстие в защите было увеличено, и первая волна нападающих ринулась сквозь него.

Среди них был и Рошфор. Он и его наскоро собранная команда не получили особой возможности поупражняться, но они были способными людьми, а на борту «Метеора» было все необходимое для битвы. Они не вводили в действие орудия, пока не оказались ниже опасной высоты. Была остановлена пара вражеских кораблей.

Хотя ни одно космическое судно не было по-настоящему хорошим для полетов в атмосфере, торпедные лодки соединяли в себе достаточную маневренность, огневую силу и людскую мощь. О машинах, управляемых роботами, говорить не приходилось.

Близко к земле, Рошфор перевел все внимание на наземные орудия.

Лежали горы, река. Земные лодки с грохотом приближались к ним, выпускали лучи и торпеды против мегаполей и бункеров, вставали на хвост, устремлялись к стратосфере и возвращались в следующем заходе. Атака была не нужна.

Катеров взорвался под утесами с грохотом, вызывавшим в горах обвалы.

Страшно хотел забыть о том, как прекрасен был этот каньон.

К Скорпелуне, он обнаружил, что весь патруль приземлился. Из транспорта, перевозившего личный состав, сочилась струя моряков и инженеров, из грузовых судов выводились машины. Наверху небо потемнело от роя патрульных судов. Последовало несколько безумных дней. За кипящей деятельностью чувствовалось истерическое возбуждение. Кто знал наверняка, что являет собой враг?

Не случилось. Экранные генераторы были собраны и приготовлены к действию. Защитные проекторы и суда поставлены на позиции. Были возведены укрытия для оборудования, потом — для людей. И никакой контратаки!

Разведка и космическое оборудование сообщали о значительной вражеской активности на другом континенте и за островами. Без сомнения, что-то готовилось! Но это «что-то» не казалось сиюминутной угрозой. Второе отверстие. Вторая волна хлынула вниз. База Скорпелуны расползлась как чернильное пятно.

Когда намерения врага стали очевидными, Кайал разрушил еще ряд орбитальных крепостей, чтобы увеличить число отверстий. После этого он рассредоточил основную часть флота по нескольким направлениям. С них он брал людей и оборудование для посылки их вниз.

Авалонские корабли то уходили, то возвращались — волки, изголодавшиеся до такой степени, что перестали быть угрозой. Не стоило тратить на них усилий. Поэтому имперцы повсюду воздерживались от наступательных действий. Они работали, окапывались на захваченной территории, возводили фундамент своей будущей победы так скрупулезно, что скоро он поднялся

над Авалоном подобно раздражающему кулаку.

Было известно, что лейтенант Филипп Рошфор (только что получивший звание старшего) пользуется покровительством самого адмирала, его прошение о постоянном пребывании на планете было принято. Поскольку надобность в космическом торпедном судне отпала, он нашел себе место на двухместном скиммере, входящем в состав воздушного патруля.

Его партнером был морской капрал, Ахмед Разутион, девятнадцати лет, недавно прилетевший с Нью-Явы.

— Знаете, сэр, все говорили мне, что эта планета восхитительна, сказал он подчеркнуто унылым голосом, чтобы увериться, что его начальник понял суть дела. — Поступай во флот и увидишь Вселенную, а?

— Эта территория не типична, — коротко ответил Рошфор.

Скиммер низко летел над плато Скорпелуна. Навесы были приспущены, чтобы воспрепятствовать проникновению обжигающего воздуха. Защитные костюмы гораздо лучше помогали им в битве, нежели защищали от жары раскаленного неба, в котором плавало раскаленное солнце. Их уши улавливали только шум мотора, смешанный

со свистом рассекаемого воздуха. Вдали виднелись горные пики. Голубоватые, они казались какими-то нереальными. В остальном здесь царила пустота. На красноватой земле лишь кое-где росли низкие кусты с красноватыми листьями, распространявшие сильный медицинский запах. Земля не была по-настоящему плоской. Она то поднималась, то опадала и казалась иссеченной шрамами. Вдали можно было увидеть несколько шестиногих животных, пасущихся в тени своих похожих на зонты перепонок. И больше ничего, кроме звенящей жары залежей песка.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, когда мы отсюда уберемся? — Спросил Разутион, протягивая руку к бутылке с водой.

— Когда будем готовы, — ответил Рошфор. — Полегче с питьем! Нам осталось еще несколько часов, тебе и мне.

— Почему же враг не сдается, сэр? Парни из нашей палатки поймали их передачу на англике. Я не слишком ее хорошо понял, у них акцент какой-то странный. Еще они услышали фразу: «У имперцев в руках не больше пяди земли». Нужно остановиться и обдумать такую фразу, а тем временем болтовня продолжается. Но самое главное, сэр, ведь в том, что мы не хотим

причинять им вред. Неужели они не могут быть благоразумными и.

— Ш-ш-ш! — Рошфор поднял руку. Из мониторного приемника донесся звук сигнала. Он настроился на эту волну.

— Помогите! О, боже, помогите!. Инженерная группа три. Дикие животные. Три-четыре километра к северо-западу от лагеря. Помогите!

Рошфор развернул скиммер.

Он прибыл на место через несколько минут. Группа в десять человек в наземной машине проводила геологические исследования, выясняя глубину проникновения в почву лучей крупных орудий. Они были вооружены, но не ожидали никаких неприятностей, только отсутствие комфорта. Стая генсеподальных скакунов размерами с собаку напала на них в нескольких сотнях метров от машины.

Два человека были повержены на землю и разорваны. Трое в ужасе бежали, пытаясь добраться до машины, и были окружены поодиночке. Один из них погиб на глазах Рошфора и Разутиона. Остальные держались твердо, стоя спиной к спине и непрерывно ведя огонь. Однако этих чешуйчатых существ, казалось, было невозможно убить. Их было много, и они постепенно продви-

гались вперед.

Рошфор выстрелил, но попал в передатчик. Разутион стрелял более точно. И все же, прежде чем твари были убиты, погибло еще два человека.

После этого каждая группа, покидающая лагерь, сопровождалась воздушным прикрытием, и это неизбежно замедляло все операции.

— Нет, доктор, я перестал верить в то, что дело здесь в психогенетике. — Майор бросил взгляд в диспенсерное окно, на слишком быстрый закат, который песчаные шторы окрасили в кровавый цвет. Ночь должна была избавить от ужасной жары и принести жуткий холод. — Вначале я готов был в это поверить, но ваши психонаркотики больше не помогают. И у все большего и большего числа людей появляются такие симптомы, но об этом вам известно лучше, чем мне. Боль в животе, раздвоение сознания, боль в мускулах, постоянная мучительная жажда. А сверх того дрожь и головокружение. Мне просто жутко говорить, как важна работа, которую я сегодня испортил.

— Я сам не способен думать как следует, — офицер-медик провел ладонью по виску. Осталась полоска сажи. — Иногда неясные видения, да?

— Считаете ли вы, что в окружающей среде есть яд?

— Конечно. Вы не были в первой волне, майор! Я был! Разведка, как и история, уверила нас в том, что Авалон достаточно безопасен. И все же поверьте моему слову, мы едва разбили лагерь, а ученые уже начали работать.

— Что насчет расспроса авалонских пленных?

— Я уверен, что это было сделано. Собственно, был произведен ряд вылазок именно для того, чтобы получить их больше для этой цели. Но кто, кроме нескольких специалистов, может знать флору и фауну самой трудной части этого континента, на которой никто не живет?

— И, конечно, этих экспертов авалоняне заботливо держат вне пределов нашей досягаемости. — Майор тяжело перевел дыхание. — Так что вам удалось обнаружить?

Медик потянулся за стимулирующей таблеткой к стоящей на столе открытой коробке.

— Речь идет о высокой концентрации тяжелых металлов в местной почве.

Но здесь не о чем беспокоиться. Эту соль можно вдыхать в течение нескольких лет, прежде чем станешь испытывать потребность в лечении.

Кустарник, растущий вокруг, использует эти элементы в процессе своего метаболизма, как этого и следовало ожидать, и мы предупредили

о том, что его нельзя жевать или жечь. Ни одно органическое соединение не проявило себя при испытаниях как аллерген. Послушайте, биохимическое строение людей и итриан настолько сходно, что они могут есть большую часть еды друг друга. Если эта территория скрывает в себе что-то особенно смертоносное, то не считаете ли вы, что средний колонист должен был по крайней мере слышать об этом? Я с Земли, из средней части Западного побережья Северной Америки. О, боже. — На мгновение мыслями он был очень далеко от Скорпелуны. Он стряхнул с себя оцепенение. — Мы жили среди олеандров. Мы выращивали их ради цветов. Олеандры ядовиты. С ними нужно было быть очень осторожными.

— Но должна же быть какая-нибудь причина, — настаивал майор.

— Мы исследуем, — сказал медик. — Если кто-то предвидел, что эта планета настроена против оккупации, то это должно было быть изучено перед началом войны, но теперь уже поздно!

Случайная маленькая лодка из остатков авалонской эскадры скользила между блокирующих земных судов на высокой скорости при максимально возможном ускорении. Примерно половина из них была уничтожена. Остальные

благополучно миновали заслон и вернулись в космос. Было известно, что они обменялись посланиями с землей. При удобном коде и помощи лазерных лучей за секунду могло быть пропущено большое количество информации.

— Очевидно, моих солдат раздражают эти лодки, — ворчал на свой штаб Кайал. — Так очевидно же, что если мы попытаемся охотиться на них, они разбегутся и исчезнут в огромном космосе, среди бесчисленных астероидов и лун, как делали это и раньше. И у них есть планы на будущее. Я не хочу раздвоения, джентльмены! Мы должны сосредоточить здесь всю нашу силу!

Все увеличивающееся количество данных указывало на то, что на земле и на море, под водой и в небесах колонисты готовились к решающему сражению.

* * *

Рошфор осознал вопль на несколько секунд раньше, прежде чем он отозвался в нем. Мысли ползли медленно, с трудом: «Господи, что меня мучает?» Его мускулы протестовали против сидения в скиммере. Пальцы превратились в сосиски, застывшие на приборной доске. Рядом с ним Разутион застыл в молчании. Он был таким

уже несколько дней. Мягкие щеки мальчика втянулись и были покрыты черным пухом.

И все же судно Рошфора отправилось на помощь наземному патрулю и вскоре кружило над ним в воздухе. Беда была в том, что больше ничего они сделать не могли. Энергетическое оружие убивало одной вспышкой сотни тараканоподобных существ в двадцать сантиметров длиной, чьи туловища чернели на поверхности земли среди кустарника. Но они не могли спасти людей, которых эти твари уже настигли и сожрали.

Рошфор старался, насколько это возможно, не смотреть на это зрелище.

Сам он опускался ниже и подбирал на борт выживших. Разутион был слишком болен, чтобы что-то сделать.

Почуяв запах мяса, столь редкий в этой голодной стране, к главной базе устремились каккелеки. Они не могли летать, но прыгали с удивительной быстротой. Все усилия затрачивались на то, чтобы создать против них действенный кордон.

Тем временем авалоняне высадились у Экватории. Они так быстро заняли огромную территорию, что бомбардировка была бы бесполезной. Все, кто высадились на Скорпелуну, были

итрианами.

* * *

Старшие офицеры-медики и планетологи собрались на военный совет. За стенами вздыхала и кружилась беззвездная ночь равноденствия. Пыль билась о вздрагивающие металлические стены. Волны жара казались объемными сухими взрывами.

— Да, сэр, — сказал глава медиков. Его чин по рангу был почти равен адмиральскому. — Мы доказали это почти наверняка. — Он вздохнул, звук этот потерялся в общем шуме. — Если бы у нас было лучшее оборудование, другой состав. В общем, подробности я сохраню для следствия и суда. Факт же состоит в том, что плохая информация завела нас в смертельную ловушку.

— Слишком много миров. — Гражданский планетолог покачал головой. — И каждый так велик! Кто может все знать?

— Пока вы болтаете, — сказал командующий, — люди лежат в горячке и конвульсиях. И с каждым днем таких все больше. Говорите, — голос его дрожал от гнева и едва сдерживаемых рыданий.

— Мы, конечно, подозревали отравление тяжелыми металлами, — сказал офицер-медик. — Мы

провели повторные испытания. Концентрация все время казалась в пределах установленных норм. Потом вдруг.

— Неважно, — прервал его планетолог. — Вот результаты. Кусты, растущие здесь повсюду. Мы знали, что они содержат элементы, подобные мышьяку и сере. И в литературе содержались описания адского кустарника, в картинках, где говорилось о том, что он испускает отравляющие пары. Чего мы не знали, так это того, что здесь имеются образцы этого растения. Он казался точной копией своих соседей. Подумайте о розах и яблоках! Кроме того, мы понятия не имели о том, как действует этот токсин. Это, должно быть, было установлено уже после того, как было опубликовано описание, когда было выявлено какое-то органическое соединение. Объем информации в любой отрасли науки очень велик — настоящий потоп. — Он внезапно замолчал.

Командующий ждал.

Вступил офицер-медик:

— Пары несут в себе металл в свободной комбинации с. С молекулярным соединением, о котором не слышал ни один из известных мне ученых. Действие их заключается в том, что они блокируют действие некоторых ферментов.

Собственное действие защитной одежды аннулируется. Ни один атом металла не отталкивается. Каждый микрограмм проникает в живой организм. В то же время пациент добавочно ослабляется тем, что часть его протеиновых соединений не работают как нужно.

— Мне. Понятно. — Сказал командующий.

— Эвакуация, — сказал глава медиков. — И я не рекомендую ее, а говорю, что у нас нет другого выбора. Наши люди должны немедленно получить должный уход.

Командующий кивнул. Сам больной, чудовищно усталый, он ждал этого ответа уже несколько дней и потихоньку начал приготовления.

— Мы не сможем взлететь до завтра, — сказал он все тем же лишенным эмоции голосом. — У нас нет достаточного количества судов. Большая их часть вернулась в космос. Кроме того, паническый взлет мог бы превратить нас в мишени для авалонян. Но мы предпримем меры против худшего. Соберем всех людей в лагере. Согласно приказу, вниз будет спущено достаточное количество кораблей. — Он не смог сдержать дрожь верхней губы.

* * *

Имперцы отступали, а их враги наносили удары.

Они не стреляли из орудий земля-земля. При создании обороны их больше интересовало оружие ближнего действия, занимающее гораздо меньше места, и воздушные суда небольших размеров с ограниченным числом членов команды.

Самым крупным объектом было сосредоточение энергетических проекторов в пиках, смотрящих на Скорпелуну.

Тем временем итрианские партизанские отряды устремились на плато.

Члены их, гораздо менее чувствительные к странному токсину, были в полном здравии и не таскали на себе груз из космических костюмов, респираторов и платков, как это приходилось делать людям.

Крылатые, они не нуждались в машинах с радарами, гразарами и магнетоскопами. Вместо этого они неожиданно могли появляться из укрытий и создавать целый заслон из огня и металла, закидывать гранатами наземные машины, прошивать пулями скиммеры и исчезать раньше, чем будет организован действенный отпор.

Но и они неизбежно несли потери.

— Хэй-ай-а-ай! — Испустил вопль Драун из Высокого Неба и устремился с утеса вниз. На дне сухого оврага брела к лагерю колонна землян, уходящая от наполовину свернутой огневой точки. Пыль, клубящаяся вокруг каждого из людей, делала их больше похожими друг на друга, чем остатки униформы.

Несколько бронированных машин и воздушных судов сопровождали их. Грависани везли за собой ослабевших.

— Отправить их к Адскому ветру! — Итриане устремились вниз, испуская воинственные кличи.

Драун видел, как падали люди, словно пустые мешки. Но он видел и то, как их товарищи отбивались от нападающих под прикрытием бронированной машины. «Они еще сохранили храбрость», — подумал он. Но тут ему пришла мысль о том, что при втором заходе нужно применить против них тортопитовую бомбу, сбросив ее в самую гущу людей. Вновь устремился вперед итрианский отряд. «Я иду, ребята!» — Драун помчался за остальными. Найссан упал на землю. Кровь его окрасила песок в алый цвет. Вторая атака оказалась неудачной, но, верные своим

принципам, итриане отбивались от землян до последнего. Дошла очередь и до Драуна. Он стоял над Найссаном и стрелял, пока мог.

* * *

— Перевести все, что осталось, на орбиту, — сказал Кайал. — Нам нужна свобода для маневра!

Глава его штаба прочистил горло:

— Гм. Адмиралу известно о вражеских кораблях?

— Да! Они на внутреннем ускорении. Совершенно ясно, что все те из них, что способны сесть на планету, попытаются это сделать. Остальные будут действовать в космосе.

— Не следует ли нам организовать перехват?

— Мы не можем расходовать силы. Очистка этих фортов опустошила бы большую часть наших складов. Нашим первейшим долгом является вывод людей из того кошмара, в который мы. Я. Их послал.

Лицо Кайала застыло.

— Если какие-нибудь соединения смогут быть освобождены от работы на орбите без ущерба для дела, то пусть уничтожают всех, кого смогут, полагаясь на энергетическое оружие. Я сомневаюсь, что в их распоряжении имеется достаточное

его количество. Большая часть судов все равно последует своим путем, к нашему огорчению. — Он криво усмехнулся. — Как в нашу бытность в Академии любил говорить старый профессор На-Ту, — помнишь, Джим? — «Лучшим основанием для получения верного решения является наше ошибочное суждение о предмете».

* * *

Тропические штормы Авалона были более яростными, чем того можно было ожидать от планеты с замедленным вращением. На сутки была отложена погрузка раненых и больных. Помимо возможности потери грузового судна, существовала вероятность того, что струи дождя убьют некоторых больных, пока они будут подниматься по трапу.

Более-менее здоровые солдаты, недавно прибывшие, сражались с водой, пытаясь сохранить дамбу. Доклады, неясные, и без конца прерываемые треском в эфире, неслись по радио один за другим.

Но все это не касалось Рошфора. Он относился к среднему классу: слишком больной, чтобы работать, но слишком хорошо себя чувствующий для немедленной эвакуации. Он покачивался на

стуле среди сотен своих товарищей в вонючем жарком бункере, борясь с ознобом и тошнотой, иногда видя перед собой лицо Табиты, иногда — Ахмеда Разутиона, умершего тремя днями раньше.

* * *

Оставшиеся авалонские суда опустились в Экватории, где офицеры охраны распределяли их по местам.

Буря утихла. Первые Имперские суда поднялись с разрушенной базы. То были военные корабли, обеспечивающие безопасность полета кораблей с ранеными и больными.

Навстречу им с орбиты двинулись другие суда землян.

Авалонская воздушная и наземная защита открыла огонь. В битву вступила и космическая ее часть.

Дэннель Холм сидел у сканера. Тот передавал его слова и изображение на большинство мощных передатчиков планеты. Невозможно было не услышать этой передачи.

«Мы перекрыли их пути к отступлению. Вы не можете взорвать нас, не убив при этом людей, число которых мы оцениваем в четверть мил-

лиона. Даже если мы не станем сопротивляться, половина из них не проживет до тех пор, пока вы не прекратите войну с нами. И мне просто не хочется думать об участи остальных: органические, нервные, мозговые поражения, действие которых необратимо. Вот что их ждет!

Мы можем их спасти. Мы располагаем целой сетью специальных лечебных заведений, рассредоточенных по всей планете. Постели, обслуживающий персонал, диагностическое оборудование, болеутоляющие средства, поддерживающие лечение. Мы будем рады принять у себя группы ваших инспекторов и медицинский персонал. Мы не хотим смешивать политическую игру с жизнью живых людей! В ту же минуту, как вы согласитесь на прекращение огня и вывод вашего флота из нашей системы, наши спасательные отряды направятся к Скорпелуне».

Глава 18

Палата была чистой, с достаточным количеством обслуживающего персонала, но в нее пришлось поместить сорок человек, и в ней не было экрана, впрочем, местная программа и не заинтересовала бы никого из больных. Так что у них не было другого развлечения, кроме радио и болтовни. Большинство предпочитало последнее.

Вскоре Рошфор попросил принести ему пару наушников, чтобы пользоваться данными ему книгами.

Таким образом он отключился от разговоров. Он вернулся к окружающей действительности лишь тогда, когда кто-то тронул его за плечо. «Ах, подумал он. — Уже ленч». Он поднял глаза от «Людей Ганалы» — и увидел Табиту.

Сердце ухнуло в его груди и куда-то покатилось. У него так тряслись руки, что он едва смог снять наушники.

Она стояла среди шума и антисептических запахов как картина, рамой для которой служило открытое окно, голубизна неба и цветение

весны.

Простой комбинезон скрывал изгибы ее тела и природную силу. Даже по лицу ее было заметно, как она похудела. Кости выступали отчетливее, чем раньше, под более темной кожей, а волосы совсем выгорели.

— Тэбби, — прошептал он и потянулся к ней.

Она подержала его руку в своей, не сжимая ее, и почти не улыбалась.

— Хэлло, Фил, — сказала она знакомым грудным голосом. — Ты выглядишь лучше, чем я ожидала.

— Ты бы посмотрела на меня вначале. — Он плохо слышал собственные слова. — Как ты? Как все?

— Я?! Хорошо. Большинство из тех, кого ты знаешь — тоже! Драун и Найссан погибли.

— Мне жаль, — солгал он.

Табита отпустила его руку.

— Я бы пришла раньше, — сказала она, — но пришлось ждать отпуска, и потом, немало времени ушло на то, чтобы проверить длинный список пациентов, перевезенных сюда. У нас еще много проволочек и неорганизованности. — Глаза ее были очень серьезными. — Я была уверена, что ты на Авалоне, живой или мертвый. Хорошо было

узнать, что живой.

— Как же я мог остаться вдали от тебя?

Она закрыла глаза:

— Как твое здоровье? Персонал слишком занят, чтобы ухаживать за всеми.

— В общем, когда я стану несколько сильнее, меня хотят забрать в регулярный имперский госпиталь, вырезать у меня печень, а взамен дать мне новую. На это может понадобиться год — земной год, — пока я полностью не поправлюсь. Обещают, что поправлюсь.

— Великолепно! — Тон ее голоса был почти официальным. — С тобой здесь хорошо обращаются?

— Насколько это возможно. Но. Мои товарищи по палате не совсем отвечают моему типу, а врачи и их помощники не могут сдержать их страсть к болтовне. Я был чертовски одинок, Тэбби, пока ты не пришла.

— Я постараюсь навестить тебя снова. Ты же понимаешь, что я постоянно занята, а большую часть остающегося времени я вынуждена проводить в Сент-Ли, поддерживая дело.

Слабость охватила его. Он опустился на подушки, руки его упали на одеяло.

— Тэбби. Ты согласилась бы подождать этот год?

Она медленно покачала головой, и снова перевела взгляд на него.

— Может быть, мне следовало притвориться, пока ты не станешь достаточно здоровым, Фил. Но я не слишком умна для этого, не слишком умею притворяться, кроме того, ты заслуживаешь лучшего обращения.

— После того, что я сделал.

— После того, что я сделала. — Она наклонилась и положила руки на его плечи. — Нет, мы не позволим ненависти встать между нами, правда?

— Тогда не можем ли мы оба простить?

— Я думаю, что мы уже сделали это. Разве ты сам не видишь? Когда боль умерла, там, где я ее чувствовала, и я снова смогла думать, я поняла, что больше ничего не осталось. О, дружба, уважение, воспоминания. Но это все!

— Разве этого недостаточно. Чтобы снова начать строить?

— Нет, Фил! Теперь я понимаю тебя лучше, чем раньше. Если бы мы попытались, я знаю, что сделала бы с тобой раньше или позже. Я хочу, чтобы наши отношения остались чистыми.

Она нежно поцеловала его и встала.

Они еще немного поговорили, смущенные, а потом он отпустил ее под тем, не совсем правди-

вым, предлогом, что ему нужен отдых.

Когда она ушла, он закрыл глаза, предварительно надев наушники, так что поток голосов землян сразу прервался.

«Вероятно, она права, — думал он. — И моя жизнь не кончена. Надеюсь, я преодолею и это».

Он вспомнил девушку из Флервиля и понадеялся, что попадет в госпиталь на Эсперансу, когда прекращение огня превратится в мир.

* * *

Табита остановилась перед зданием больницы, держа в руках взятый ею в комнате гравипояс. Силуэт здания враждебной громадой высился на фоне очертаний Грея.

Она вспомнила протесты, когда марчварден Холм рассредоточил все промышленные объекты, начиная военными и заканчивая медицинскими, когда возобновление битвы казалось неизбежным. Комментаторы указывали, что то, что эти меры не спасут от случайностей бомбардировки и слишком громоздки, если страхи окажутся напрасны.

«Мы делаем, что можем», — ворчал он и проводил свой проект в жизнь.

Это означало, что офицеры домашней охраны

должны были ему повиноваться. Они знали, что действительно у него на уме.

Там, где она стояла, склон холма полого опускался, покрытый ковром смарагдинов, розовыми кустами и чашами Будды. С холма открывался ясный вид на город и сверкающий залив Фалкайн.

Маленькие, как будто ватные, облака колыхались под бормочущим ароматным ветром.

Она вдыхала в себя его прохладу.

После Экватории он казался просто целебным. Или должен был казаться.

Она почувствовала удивительную пустоту внутри.

Зашелестели крылья. Рядом с ней опустился итрианин.

— Доброго полета тебе, Хилл, — сказал женский голос.

Табита моргнула. Кто это?

— Айат! Доброго тебе приземления!

«Как монотонен ее голос, как тускло ее оперение. Я не видела ее с того дня на острове». Табита взяла в обе руки ее когтистую руку:

— Просто удивительно, дорогая! Как ты?

Голос Айат, ее поза и мембраны дали ответ. Табита обняла ее.

— Я искала тебя, — пробормотала Айат. — Я

провела всю битву дома, а потом я пасла стада, я нуждалась в одиночестве, и мне сказали, что стране нужно мясо. — Она прильнула головой к животу Табиты. — Потом я освободилась и отправилась на поиски.

Табита все гладила и гладила ее по спине.

— Я узнала, где ты служишь, и о том, что ты говорила, будто собираешься остановиться в Грее во время отпуска, — продолжала Айат. — Я ждала. Я расспрашивала в отелях. Сегодня мне сказали, что ты здесь и будешь позже. Я подумала, что ты можешь придти сюда, а попытка лучше, чем бесконечное ожидание.

— Что я могу сделать для тебя, подруга по цели, скажи мне.

— Это трудно. — Айат, не поднимая глаз, до боли вцепилась в руки Табиты. — Аринниан тоже здесь. Уже несколько дней он работает в штабе своего отца. Я искала его и. — Звук подавленного рыдания, хотя итриане не плачут.

Табита догадалась:

— Он тебя избегает?

— Да! Он пытается быть добрым. Это самое худшее, то, что он должен пытаться.

— После того, что случилось.

— Кр-а-ах! Для него я уже не та. — Айат собрала

все свои силы. — И для себя. Но я надеюсь, что Аринниан понимает это лучше, чем я.

— Неужели он единственный, кто может помочь? А как твои родители, сиблинги, товарищи по чосу?

— Они ко мне не изменились. Почему им было меняться? Во Вратах Бури такая, как я, рассматривается именно как неудача, а не позор или ущербность. Они не могут понять моих переживаний.

— А ты чувствуешь себя так из-за Аринниана, понимаю. — Табита посмотрела вдаль. В этот прекрасный день особенно ощущалась жажда жизни. Что я могу сделать?

— Не знаю. Может быть, ничего. И все же, если бы ты могла с ним поговорить. Объяснить. Попросить у него за меня прощения.

В груди Табиты всколыхнулась волна гнева.

— Попросить? У него? Где он?

— На работе, наверное. Его дом.

— Я знаю адрес. — Табита выпустила ее из объятий и выпрямилась. Пойдем, девочка, хватит разговоров. Сегодня прекрасный день для полета, и у меня с собой все, что нужно, а когда день кончится, я останусь с тобой там, где ты скажешь. Я посмотрю, как ты засыпаешь.

Опустился сумрак, мазнул шафраном по серебристой глади воды, зажег ранние звезды. Табита приземлилась возле двери дома Аринниана. Окна были освещены. Она не стала звонить, просто постучала.

Он открыл. Табита увидела, что он тоже похудел. Волосы цвета черного дерева казались особенно темными в сочетании с изможденным лицом. Одет он был небрежно.

— Хилл! — Воскликнул он. — Я никак. Я не мог. Проходи же, проходи!

Она прошла мимо него. В комнате царил беспорядок. По-видимому, ее использовали только для того, чтобы спать и иногда торопливо есть. Он неуверенно подошел к ней. Их разговоры были короткими, чисто деловыми, и общались они только по фону, пока не началась новая битва. После этого они знали только о том, что оба живы.

— Я. Я рад тебя видеть, Хилл, — выдохнул он.

— Не знаю, чувствую ли я то же самое, — сухо отозвалась она. — Сядь.

Я хочу хорошенько щелкнуть тебя по носу. Дурная твоя голова!

Некоторое время он продолжал стоять, потом повиновался. Она увидела, как он напряжен, и внезапно растеряла все слова. Текли минуты, а

они продолжали молча смотреть друг на друга.

* * *

Дэннель Холм сидел перед экранами, на которых виднелись изображения Льзу из Тарнов, Мэттью Викери из Парламента и Хуана Кайала из Империи.

Четвертый только что потемнел. Он передал записанное на пленку сообщение Траувея, высшего Вивана Итри. Он умолял Авалон сдаться, прежде чем случится самое худшее и всему Доминиону будут продиктованы самые жесткие условия Империи.

— Вы слышали, господа? — Спросил Кайал.

— Мы слышали, — ответил Льзу.

Холм ощущал биение пульса в груди и висках. Не то чтобы он ускорился, но превратился в громкое и твердое тиканье.

Ему страшно хотелось сигару — недоступно, или выпить — нежелательно, или проспать год, чтобы никто не тревожил! «Во всяком случае, — пронеслось у него в голове, — мы в лучшей форме, чем адмирал. Если мне когда-то и приходилось видеть голову мертвеца, то именно на этих плечах».

— Что вы говорите? — Кайала говорил голосом

старика.

— Мы не испытываем желания драться, — объявил Льзу, — или усиливать страдания наших братьев. И все же мы не можем предать свой народ, проявивший к нам такое доверие.

— Марчварден Холм?

— Вы не посмеете возобновить нападение, пока здесь находятся ваши люди, — жестко сказал человек. — Я не хочу сказать, что мы станем их держать вечно. Я говорил вам раньше, мы не делаем заложников из мыслящих существ. И все же время и обстоятельства их освобождения должны быть хорошо продуманы.

Кайал перенес взгляд на следующий экран:

— Президент Викери?

Политик сопровождал свой ответ улыбкой.

— События вынудили меня изменить свое мнение в отношении стратегической картины, адмирал! Я остаюсь в оппозиции к абсолютистским интересам. Мой уважаемый коллега, губернатор Саракоглу, всегда производил на меня большое впечатление своей благоразумностью. Вы недавно вернулись после продолжительных переговоров с ним. Несомненно, в них принимало участие много умных, хорошо информированных особ. Неужели нет возможности достичь

компромисса?

Кайал вздохнул.

— Я могу каждый день вести споры дюжинами, — сказал он. — Что в этом толку? Я использую данные мне полномочия и сразу выложу перед вами тот максимум, который мне предложено вам сообщить.

Холм крепко вцепился в ручки кресла.

— Губернатор указал, что можно рассматривать Авалон как уже побежденный, — продолжал адмирал. — Его орбитальные укрепления больше не существуют. Его флот, как и было предложено, являет собой ряд отдельных звеньев, не имеющих для вас особого значения. Но что самое важное, имперские соединения находятся сейчас на вашей планете!

Не остается ничего, кроме нескольких формальностей технического характера. Наши раненые и медики могут получить название оккупационных сил. За вашими военными приспособлениями может быть установлен надзор: один-два человека на каждой стадии могут провести соответствующие переделки и взять их под контроль. И так далее. Вам должна быть понятна основная мысль.

— Спасение собственной карьеры, — буркнул

Холм. — Ладно. Почему бы нет? А что потом?

— Необходимость сформулировать условия мира остается в силе, произнес измученный голос. — Могу сказать вам под строгим секретом, что губернатор Саракоглу послал в Империю самые настоятельные рекомендации относительно неаннексирования Авалона.

Викери начал было что-то бормотать.

Льзу сидел как каменный.

Холм перевел дыхание и откинулся на спинку кресла.

Они это сделали. Им удалось.

Болтовня, конечно, будет продолжаться и дальше, с бесконечными кивками. Неважно! Авалон останется итрианским — останется свободным!

«Я мог бы зарыдать, — подумал он. — Может быть, потом, сейчас я слишком устал».

Огромным счастьем, спокойным и глубоким, было сознание того, что сегодня он сможет отправиться домой, к Ровене!

Глава 19

Не было никаких откровений, драматических признаний и примирений, но этот час врезался в память Аринниана.

Работа для отца перестала быть всепоглощающей. Он обнаружил, что и сам может использовать свободное время, которое заработал, и вернуться к своим занятиям. Потом он решил, что нет ничего более непрактичного, чем практичность, неверно понятая.

Табита согласилась с ним. Она тоже перестала быть чрезмерно занятой.

Однако она вынуждена была вернуться на свой остров и заняться приведением в порядок дел, и не столько своих, сколько дел семьи своего компаньона.

Крис зашел за Айат в комнату, которую она снимала.

— Э. Не хотела бы ты. Э. Немного поплавать?

— Да, — ответила она каждым своим движением.

Когда лодка оставила бухту, пошел дождь. Чайки низко летали над оливково-темными вол-

нами, выхватывали из воды разную живность. Волны бугрились под низко нависшим небом и опускались, поднимая кучу брызг, которые потом бежали по спине холодными струями.

— Стоит ли плыть дальше? — Спросил он.

— Я бы хотела. — Айат старалась не смотреть на Криса. Других кораблей не было видно, как и флайеров. — Так приятно побыть здесь одним.

Он кивнул. Он отдохнул, волосы его были чистыми, свежесть вернулась к его лицу.

Она посмотрела на него поверх разделявшей их кабины.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — Произнесла она с помощью двух слов и тела.

— Да. — Тиллер дрогнул в его пальцах. Планх освобождал его от необходимости произносить еще какие-то слова.

— Мой товарищ по цели, мой товарищ по цели, — вздохнула она. — Я рада. — Она распростерла крылья и сразу же их убрала.

— Навсегда, — сказал он с благоговением.

— Я не желала бы для тебя ничего лучше, чем Хилл, — проговорила Айат и, придвинувшись немного ближе, сказала:

— Но тебя что-то волнует?

Он закусил губу.

Айат ждала.

— Скажи мне, — он слегка подался вперед, глядя на палубу. — Ты видишь нас со стороны. Могу ли я быть тем, что она заслуживает?

Она ответила не сразу. Удивленный тем, что не получил тут же «да», Аринниан молча поднял глаза. Он не осмелился прервать течение ее мыслей.

Волны гудели, дождь смеялся.

Наконец она сказала:

— Я верю, что она сможет сделать так, что ты будешь ее достоин!

Он почувствовал боль от этих слов.

Она стала извиняться, что получилось не совсем то, что она хотела сказать.

— Мне давно казалось, — сказала она ему, — что тебе нужен кто-то, как Хилл, чтобы показать тебе. Показать тебе, как. Что-то, что неверно для моего народа, но верно и полно смысла жизни для вашего.

Он собрал все свое мужество, чтобы ответить ей:

— Я знаю продолжение этой теории. Теперь она вплотную подошла к блистательному факту. О, я ревновал раньше! Это есть и сейчас, будет, может быть, до самой моей смерти, я не могу помочь себе. Айат, сестра моя, все дело в том, что она не

ты, а ты — не она, и это так хорошо, что вы обе — то, что вы есть!

— Она дала тебе мудрость, — итрианка сгорбилась под дождем.

Аринниан увидел ее печаль и воскликнул:

— Позволь мне продолжить! То, что произошло с тобой.

Она подняла голову и дико глянула на него.

— Было ли это хуже, чем то, что произошло с ней? — Бросила она с вызовом. — Я не прошу жалости из-за глупости в прошлом, но я действительно считаю, что судьба моя была гораздо тяжелее, чем ваша. Годами я думала, будто физическая любовь может быть дурной.

— Айат, теперь мы можем сказать правду друг другу. Я хочу, чтобы ты разделила со мной мои надежды.

Она спрыгнула с кабины, подошла к нему и обняла крыльями. Голову она положила ему на плечо. Капли дождя блестели на ее гребешке, как корона.

Договор был подписан во Флервиле в один из последних зимних дней.

Церемонии были самыми скромными, и итрианская делегация отбыла почти в тот же самый час.

— Они не были очень уж обижены, — объяснил Экрэм Саракоглу Луизе Кайал, отклонившей его предложение присутствовать на церемонии. — Они принимают потерю философски. Но мы не можем попросить их придерживаться наших взглядов. — Он потянулся за сигаретой. — Честно говоря, сам я был только рад избавиться от этих проволочек!

Собственно, он сделал заявление по телевидению и тем избежал всяческих церемоний. Общество, подобное эсперанскому, имело обыкновение отмечать формальное окончание периодов враждебности долгими парадами и хвалебными службами.

Все это было позади. Погода продолжала оставаться прохладной, и Луиза согласилась пойти пообедать. Она сказала, что отец нездоров, что, хотя он любил и уважал этого человека, не слишком расстроило Саракоглу.

Они прошли в сад, он и она, как часто делали это раньше. Вокруг расчищенных тропинок снег белел на клумбах и кустах, на вершине стены, но уже потихоньку таял. Кое-где вода собиралась в ручейки. Цветов не осталось, воздух хранил холодную сырость, небо было мрачно-серого цвета.

Под ним царила такая тишь, что звуки шагов

казались не правдоподобно громкими.

— Кроме того, — добавил он, — было большим облегчением видеть, как Авалон и его когорта грузилась на свой корабль. Люди из секретной службы, которых я нанял для охраны, тайно ликовали!

— Вот как? — Она посмотрела вверх, и он залюбовался ее блестящими глазами, чуть вздернутым носом, губами, как всегда немного приоткрытыми, как будто в детском изумлении. Но говорила она честно — слишком искренне и слишком много, черт подери! — Я знаю, что против них было высказано несколько идиотских анонимных угроз. Вы поэтому беспокоились?

Он кивнул:

— Я достаточно знаю свою драгоценную Эсперансу. Вы и сами достаточно повидали и наслушались разговоров об «оголтелых милитаристах».

Он подумал: «Интересно, меховая шапка прикрывает его лысину или напоминает ей о ней. Может быть, следовало решиться на скальповую операцию?»

Встревоженная, она спросила:

— Забудут ли они когда-нибудь. Обе стороны?

— Нет, — ответил он. — Но острота ощущений

уйдет. У нас слишком много общих интересов, у Земли и Итри, чтобы превращать семейную схватку в кровавую вражду. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Мы ведь были более великодушны, чем должны были бы быть. Ведь правда? Мы позволили им сохранить Авалон! Разве это не считается?

— Должно считаться. — Саракоглу криво усмехнулся, последний раз затянулся сигаретой и отбросил ее в сторону. — Хотя всем понятно, что в игру вовлечены вопросы практической политики. Авалон доказал свою неудобоваримость. Аннексия вызвала бы бесконечные неприятности, тогда как сейчас им положен конец. Более того, при таких условиях Империя выигрывает некоторые ценные пункты, которые помогут торговле. В противном же случае настаивать на них было бы просто невозможно.

— Я знаю, — сказала она чуть нетерпеливо.

Он усмехнулся:

— Вы уже знаете, что я люблю слушать собственные разглагольствования.

Вид у нее был все более задумчивым.

— Я бы хотела посетить Авалон.

— Я тоже. Особенно с точки зрения социологических исследований. Мне интересно, не является

ли эта планета знамением будущего?

— Каким образом?

Он продолжал медленно идти вперед, не забывая о том, что ее рука покоится в его.

— Из-за барасиальной культуры, которую они создают. Или которая создает себя. Нельзя планировать или направлять новое течение в истории.

Мне интересно, не явилось ли это источником их сопротивляемости. Как сплав, во много раз более крепкий, чем любая его составляющая, взятая отдельно. У нас есть Галактика, космос, полный.

«Боже! Что за каша из метафор!» — Пронеслось в его мозгу. Он внутренне рассмеялся и закончил:

— Я вовсе не считаю, что пришел к какому-то правильному решению. Я не предполагаю даже, что встречу с радостью тот факт, что Авалон должен быть оставлен с Итри.

— Как же это так? — Недоуменно спросила Луиза. — Вы ведь сами только что сказали, что это был единственный путь!

— Конечно, может быть, я всего лишь выражал естественный пессимизм человека, выполнившего задание Правительственного Дома просто неудовлетворительно. И все же от раздумий никуда не денешься. Авалоняне, обе расы, похоже,

считают себя более итрианами, чем жители самого Итри.

Мне кажется, что будущие их поколения дадут Доминиону несоразмерно большую долю руководителей, особенно адмиралов. Будем надеяться, что они не принесут с собой добавочный груз — реваншизм! И в мирных условиях Авалон, единственный по своей уникальности мир, несомненно может дать много большее, чем просто большую долю в торговле — он может дать свой мозг! И последствия предвидеть невозможно.

Она сильно сжала его руку:

— Ваши слова заставляют меня радоваться, что я не политик!

— Но ваша радость не может и наполовину быть равной той, которую я испытываю по этому же поводу, — сказал он. — Давайте же оставим эту, хоть и столь важную, тему. Давайте поговорим хотя бы о вашей поездке на Авалон.

Я уверен, что это можно устроить через несколько месяцев.

Она повернулась и посмотрела прямо ему в лицо. Потом она отвернулась снова. Прошла минута, а она все молчала.

— В чем дело? — Спросил он, испугавшись.

— Я уезжаю, Экрэм, — сказала она. — Скоро — и

навсегда!

— Что? — Он едва сдержался, чтобы не вцепиться в ее руку.

— Отец! Сегодня он послал прошение об отставке.

— Я знаю, что он. Был подвергнут низким обвинениям. Помните, я писал в адмиралтейство Центра?

— Да. Это было очень мило с вашей стороны. — Она снова встретилась с ним взглядом.

— То был не просто мой долг, Луиза, — страх не оставил его, но он был рад тому, что говорит твердо. Ему даже удалось улыбнуться. — Империи нужны хорошие люди. Никто не мог бы предугадать ужас Скорпелуны, никто не мог бы потом сделать больше, чем сделал Хуан Кайал. Обвинять его, отдавать под суд, несомненно, бессмысленно, и я уверен, что ничего этого не будет.

— Но он сам себя винит, — она тихо заплакала.

«На это у меня ответа нет», — подумал он.

— Мы возвращаемся в Нью-Мехико, — сказала она.

— Я понимаю, что ему должно было быть невыносимо трудно, — попытался объяснить он. — Но должны ли ехать вы?

— Кто еще у него есть?

— Я. Возможно, мне удастся получить пост на Земле и.

— Мне жаль, Экрэм, — ресницы ее бросили тень на нежные щеки. — Земля тоже не подойдет. Я не позволю ему мучиться одному. Дома, среди ему подобных, ему будет легче. — Она не слишком уверенно улыбнулась губернатору и кивнула. — Нам подобных! Думаю, я и сама стосковалась по дому. Навестите нас как-нибудь. — Она старательно подбирала слова. — Я, конечно, выйду замуж. Думаю, вы не будете возражать, если я назову мальчика в вашу честь?

— Что вы, это такая честь, которую не могла бы мне дать Империя, повесь она на мою грудь все возможные награды, — автоматически ответил он.

— Не пройти ли нам в дом? Сейчас как раз время для коктейлей. К тому же, у нас особый случай.

«Что ж, — думал он сквозь щемящую боль, — дивная мечта — приятная гостья, но теперь я свободен от обязанностей хозяина. Я могу расслабиться и насладиться играми в губернаторство, рыцарство, высокородство, лорда-советника, государственного деятеля на покое, пишущего мемуары.

Завтра я должен исследовать местные возмож-

ности соседей. В конце концов, средний возраст бывает только раз в жизни!»

* * *

В Грее царило лето, когда известие достигло Авалона. Сначала было некоторое напряжение — кто может полностью доверять Империи? — Но потом радость взяла свое и вылилась в общее празднество.

Птицы Кристофер Холм и Табита Фалкайн скоро оставили веселье.

Соглашение, церемония, празднество могли подождать.

Они решили, что ночь окончательного мира станет их брачной ночью.

Но у них не было потребности спешить. Это было не в обычаях чоса.

Сначала нужно оставить все заботы позади, иначе они не найдут способ стать единым целым в их мире, их судьбе, их смерти, иначе они не смогут свободно слиться друг с другом.

За северными землями холмы не были еще заселены, хотя растения, чьи семена прибыли с пионерами, давно уже перестали быть чужими. Крис и Тэбби приземлились на закате, чьи красные и золотые лучи сверкали над спокойным

морем.

Они разбили лагерь, поели, выпили по маленькому бокалу вина, поцеловались.

Потом рука об руку они пошли по тропинке, ведущей к гряде.

Слева от них густо покрытая травой земля круто обрывалась к воде. Это сверкающее безмолвие, уходящее к горизонту, казалось совсем темным вдали, фиолетовым, почти черным. Среди дремлющих созвездий поднялась вечерняя звезда. Справа от них был лес, наполненный сладковатым запахом сосны.

Теплый ветерок перебирал ветви.

— Айат? — Спросила она однажды.

— Дома, — ответил он.

Его тон и то, как он скользнул губами по ее неясно светлеющим в полутьме волосам, сказало ей: «Я должен исцелить ее, как ты исцеляешь меня, дорогая».

Ее пальцы, тронувшие его щеку, ответили: «К моей радости, которая все растет и растет».

И все же он почувствовал ее невысказанный вопрос. Он подумал, что знает, в чем дело. Он часто поднимался в нем самом, но он — читатель, философ, поэт — мог вопрошать столетия лучше, чем она, чьим даром было понимание

настоящего.

Он не побуждал ее к тому, чтобы она произнесла его вслух. Достаточно этого часа — и она будет с ним.

* * *

Поднималась Моргана, усеянная темными пятнами, и менее яркая, чем раньше, так велики были ее раны. Тэбби остановилась.

— Стоила ли она этого? — Спросила она.

— Война, ты имеешь в виду? — Проговорил он.

— Да. — Она высвободила руку. — Посмотри! Посмотри вокруг: на наш мир, на эти солнца; смерть, увечья, агония, траур, руины, потери — вещи, о которых мы рассказываем своим детям — и все это ради политики.

— Я тоже спрашиваю себя, — признался он. — Вспомни, однако, что мы сохранили для детей нечто такое, что иначе потеряли бы. Мы сохранили их право быть самими собой.

— Ты имеешь в виду, быть теми, кем являемся мы? Предположим, мы бы потерпели поражение. Мы были так близки к этому! Следующее поколение выросло бы благоразумными, умеренными подданными Империи. Разве нет? Так имели ли мы право делать то, что сделали?

— Я пришел к выводу, что да, — сказал он. — Дело не в том, что существует какой-то принцип или что я не могу ошибиться. Но мне кажется, что то, чем мы являемся, наше общество или культура, или как ты хочешь назвать их, имеют право на жизнь. — Он перевел дыхание. — Ненаглядная моя!

— Сказал он. — Если общества не будут сопротивляться порабощению, они скоро будут проглочены самыми большими и прожорливыми. Разве нет? И восторжествует смертоносное однообразие. Никаких вызовов, никаких отклонений от нормы. Какую службу сослужило бы все это жизни во вселенной, позволь мы этому случиться? И ты знаешь, вражда не должна быть вечной. И у губернатора Саракоглу, например, и у адмирала Кайала есть прародители на противоположных сторонах Лапанто. — Он видел, что она не поняла его слов, но следует общему течению мыслей. — Суть в том, что обе половины наступали, обе сопротивлялись, обе выжили, чтобы что-то дать расе, нечто особое, что не может быть дано ничем другим. Можешь ли ты поверить в то, что здесь, на Авалоне, мы спасли часть будущего?

— Погрязнув в крови, — сказала она.

— И это не было необходимым, — согласился он. — Но все же, принимая во внимание, что мы такие, какие мы есть, это было неизбежным. Может быть, когда-нибудь где-нибудь путь истории будет лучше. Может быть, даже это наше «я», крылатое и бескрылое одновременно, поможет нам. Мы можем попытаться.

— И у нас есть мир на некоторое время, — прошептала она.

— Разве не можем мы быть в нем счастливы? — Спросил он.

Тогда она улыбнулась сквозь блестящие в лунном свете слезы и сказала:

— Да, Крис, Аринниан, самый дорогой на свете, — и потянулась к нему.

Айат оставила Грей до наступления зари. В этот час после отступления ночи, она имела все небо в своем распоряжении.

Поднявшись, она поймала ветер и помчалась в его течении. Он струился и пел.

Последние звезды, опустившаяся луна превращали море и землю в таинственный мир. Впереди на белом фоне ясно поднимались горы и дома.

Было холодно, но этот холод лишь вливал жизнь в ее кровь.

Она подумала: «Он, который заботился об мне,

он, который утешал меня, разделяя со мной эту участь. И этого довольно».

Мускулы ее танцевали, крылья били, до краев наполненные жизнь.

Планета летела навстречу утру.